

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Ю. В. Попков

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВАХ**

Новосибирск
2000

УДК 100.42 + 208

ББК С.550.67

Попков Ю. В.

Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.

В монографии разработаны основы социально-философской теории интернационализации. Обосновано понимание интернационализации в качестве общей закономерности человеческой истории и закона развития этносоциальных общностей. Системно-генетическое исследование интернационализации позволило охарактеризовать его локальную и всемирную формы. На примере народов Севера раскрыта роль интернационализации в развитии национальных общностей не только современного, но и традиционного общества.

Книга рассчитана на специалистов в области социальной философии, теоретической социологии, этнологии, этнографии, философии истории.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-03-00290).

Рекомендовано к изданию ученым советом института философии и права СО РАН.

Рецензенты

д-р филос. наук *Т. О. Бажутина*

канд. филос. наук *С. Н. Еремин*

канд. филос. наук *В. Г. Костюк*

ВВЕДЕНИЕ

Для современного этапа развития мирового сообщества характерны две отчетливо наблюдаемые и внешне противоположные тенденции: с одной стороны, развертывание процессов глобализации, углубление экономической интеграции и взаимозависимости стран и народов, с другой – усиление национальной идентификации, национальной фрагментации и национального обособления. Одни исследователи воспринимают существование этих тенденций как парадокс, как трудно разрешимую теоретическую проблему, большая часть других интерпретирует данную ситуацию с точки зрения дуалистической объяснительной модели, а именно, рассматривает указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга или, по крайней мере, не придает значения их взаимосвязи. Например, в рамках экономической теории превалирует анализ тенденции глобализации, в рамках политологии – тенденции фрагментации. Концентрация внимания в рамках частнопредметных подходов на одной стороне реальности ведет к тому, что утрачивается целостность видения социального бытия.

На самом деле действительность раскрывается через взаимозависимость и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций. Так, Европейский Союз, наиболее интегрированная региональная система, вовсе не предполагает отрицание внутри себя национальных различий. Рост единства не разрушает многообразия, а напротив, часто порождает его. Экономическая и политическая интеграция, развитие международного права, фиксирующего, в частности, коллективные права коренных народов, стимулируют традиционалистские настроения, рост этничности и усиление движений за национальное самоопределение – в рамках сложившихся политических образований или за их пределами.

В социальной философии и теоретической социологии осознана необходимость понимания тенденций глобализации и национальной фрагментации как взаимообусловленных процессов. В то же время остается теоретически не до конца проясненным механизм этой обусловленности. Представляется, что важная роль в этом механизме принадлежит феномену интернационализации. Глобализация и относительная национальная фрагментация выступают, на наш взгляд, в качестве разнородных продуктов интернационализации. Если связь глобализации с интернационализацией – признанный факт, то интернационализация и национальное обособление обычно трактуются как взаимоисключающие явления. Последнее особенно характерно для отечественных работ последнего времени, в которых делается упор на рассмотрение проблем национального сознания.

ния, национальных интересов, национального самоопределения, а проблеме интернационализации практически не уделяется внимание.

Во многом эта ситуации объяснима. В условиях разразившихся в СССР, а затем и в России национальных конфликтов и войн, роста национализма и сепаратизма упоминание об интернационализации стало как бы неуместным. Как следствие из понятийного аппарата отечественной науки практически вытеснены и сам термин "интернационализация", и теоретические конструкции, так или иначе характеризующие взаимообусловленное развитие национальных общностей. Такая позиция оказывается тупиковой, поскольку на этой основе невозможно ни понять сущность национального вопроса, ни, тем более, наметить практические пути его разрешения. Проблематика интернационализации логикой самой жизни выдвигается в число важных практических вопросов.

Феномен интернационализации составляет также серьезную теоретико-методологическую проблему. В сущности, различия в результатах изучения интернационализации отражают прежде всего различия в методологии ее исследования. С нашей точки зрения, конструктивным методологическим средством для всестороннего анализа интернационализации может быть материалистическая диалектика. Будучи правильно понятой и примененной, она позволяет раскрыть противоречивую сущность интернационализации, ее процессуальность и историчность (находящие свое выражение в последовательном прохождении интернационализации через разные формообразования и этапы развития), а также выявить ее роль во всемирной истории.

Исследование процесса интернационализации особенно важно там, где она явно и непосредственно связана с развитием и судьбой национальных общностей и целых локальных цивилизаций. Именно так обстоит дело с коренными малочисленными народами. Сохранение данных народов как целостных национальных общностей предполагает в качестве необходимого условия наличие у них особых коллективных прав, формирование которых, в свою очередь, является результатом и предпосылкой процесса интернационализации в политико-правовой сфере.

В настоящее время в науке накоплен обширный массив концептуальных разработок и эмпирических сведений о взаимодействии национальных общностей на различных этапах истории. Полученные в разных областях обществознания результаты существенно расширяют представление о пространственно-временных границах процесса интернационализации, который не может быть интерпретирован исключительно как атрибут современного общества. Большие возможности в исследовании рассматриваемого феномена открываются в связи с многосторонними знаниями о современных процессах глобализации, с одной стороны, с другой – на-

циональной фрагментации и локализации. Существующее противоречие между сложившимся пониманием процесса интернационализации и накопленным фактологическим материалом определяет потребность в выработке нестандартного теоретического и методологического взгляда на данную проблему. Настоящая работа представляет собой попытку заложить основы социально-философской теории интернационализации, базирующейся на рассмотрении данного процесса как объективной и субъективной, внутренней и внешней рефлексии национальных общностей. Для реализация этой цели решаются следующие основные задачи:

- корректировка содержания понятия "национальная общность" в его соотношении с понятием "этническая общность", определение основных исторических форм национальной общности;
- раскрытие содержания процесса интернационализации как объективной и субъективной рефлексии национальных общностей с позиции системно-генетической интерпретации современного детерминизма;
- определение места и роли интернационализации во всемирно-историческом процессе, становлении и развитии отдельных национальных общностей на основе обобщения эмпирических данных и концептуальных положений современного социогуманитарного знания;
- выделение основных пространственно-временных форм интернационализации и раскрытие конкретного механизма ее процессуальной реализации;
- определение особенностей интернационализации в условиях традиционного общества на материале исторического развития коренных малочисленных народов Севера;
- рассмотрение интернационализации как институционально организованного и управляемого процесса, раскрытие роли особого правового статуса народов Севера в системе международно-правовых отношений;
- определение соотношения общего и особенного в политико-правовом регулировании национального развития народов Севера на материале сравнительного анализа исторического опыта Канады и России.

Представленные в социальной философии и теоретической социологии концепции всемирно-исторического процесса либо игнорируют, либо не придают особого значения этническому и национальному факторам детерминации развития человечества. Там, где эта проблематика затрагивается, она не влияет существенным образом на понимание основных источников и движущих сил социальной эволюции. Даже в концепциях, традиционно относимых к культурологическим, например реализуемых в рамках цивилизационного подхода, этнические и национальные составляющие, относимые к кругу культурных явлений, оказываются на периферии основного исследовательского интереса.

Вместе с тем анализ историко-культурного материала, обращение к "следам" истории, зафиксированным в археологических находках и различных письменных источниках, показывают недостаточность и неполноту объяснения механизма становления всемирности исторического процесса без учета влияния на него отмеченных факторов. Слабость таких подходов стала очевидной в условиях невиданного до сих пор всплеска этничности и национализма на фоне прогрессирующих процессов интернационализации и глобализации. В этом плане попытки объяснить общественное развитие и фундаментальные социальные изменения, а тем более построить футурологические прогнозы без опоры на теоретические интерпретации такого глубинного пласта действительности, как национальные взаимодействия, обречены на получение не вполне адекватных исследовательских результатов. Не только тенденции развития современной науки, но и сама общественная практика делают необходимым и неизбежным переосмысление старых и разработку новых подходов к анализу и теоретическому объяснению источников и движущих сил всемирно-исторического процесса. Именно эта проблемная ситуация определила содержание и основную направленность предпринятого исследования.

Хотелось бы выразить искреннюю признательность моим коллегам С. Н. Еремину, Е. А. Тюгашеву, С. Г. Ларченко, а также В. Г. Костюку, А.М. Аблажею, Н. Н. Аблажей, В.С. Золототрубову и А. К. Черненко, чьи советы и замечания были использованы в процессе работы над монографией.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

1. Интернационализация как социальная и теоретико-методологическая проблема

Проблема интернационализации является комплексной по своему характеру, затрагивает различные стороны существования национальных общностей в их связи с системой внутри- и межнациональных взаимодействий. Говоря в общих чертах о степени ее разработанности, обратим внимание на следующие моменты.

В отечественной науке теме интернационализации уделялось значительное внимание в 1970-1980-е гг. Она исследовалась в непосредственной связи с осмыслением советской практики решения национального вопроса, в рамках концепции формирования новой исторической общности людей – советского народа и развития теории наций и национальных отношений. Центральную проблематику данных разработок составляли вопросы развития и сближения наций.

Значительный массив работ непосредственно касался теории интернационализации, формационно-типологических характеристик этого феномена, его содержания и структуры, основных тенденций. Исследования проводились преимущественно в предметном поле исторического материализма и научного коммунизма; идеалом выступала тенденция к ликвидации социальных различий, в том числе национальных. Для большинства работ характерно рассмотрение интернационализации как процесса, ведущего к сближению и слиянию национальных общностей. Подобная точка зрения обусловливала не только конкретно-историческими условиями формирования концептуальных основ отечественного обществознания, но и существовавшей в мировой науке парадигмой модернизации, базировавшейся на положении об ослаблении значимости национального и этнического факторов по мере технико-экономического прогресса.

Среди основных достижений исследования процесса интернационализации в рассматриваемый период можно выделить анализ его детерминант, связанных с возникновением мирового рынка, международного разделения труда и становлением всемирных контактов и всесторонней зависимости наций друг от друга, понимание интернационализации как динамического процесса и выделение на этой основе разных ее типов, выявление ее связи с основными тенденциями развития национальных отношений, фиксацию таких моментов содержания рассматриваемого процесса, как формирование у различных народов общих черт и выравнивание

уровня развития в различных сферах общественной жизни, углубление взаимовлияния и взаимозависимости национальных общностей, преодоление национальной замкнутости и обособленности, сглаживание национальных различий.

В отдельных работах интернационализация рассматривается как действительно диалектический процесс¹, но большинство исследований 1970-1980-х гг. имеют ограниченный и односторонний характер. Как правило, выделяются лишь позитивные стороны интернационализации, отсутствует анализ противоречий и реальных проблем, абсолютизируются различия капиталистического и социалистического типов интернационализации и классовый подход к исследованию национальных отношений, слабое внимание уделяется противоречиям национального развития. В целом, несмотря на достаточно обширную литературу, процесс интернационализации оставался в этот период изученным лишь в общих чертах и рассматривался по преимуществу с точки зрения редукционистского подхода. Неразработанными оказались многие методологические и теоретические вопросы.

Эти недостатки стали активно обсуждаться на рубеже 1980-1990-х гг. В частности, были подвергнуты критике редукционистская интерпретация процесса интернационализации, абсолютизация противопоставления двух формационных типов интернационализации и идея о "безнациональной" перспективе человеческого существования².

Важное значение для осознания сложности и противоречивости национального развития имели активно проводившиеся конкретно-социологические этносоциальные исследования под руководством Ю. В. Арутюняна. На основе обобщения результатов этих исследований был сделан важный вывод: «Вопреки принятому у нас стереотипу, растущее сходство социальных черт наций отнюдь не приводит, как это прогнозировалось, к их "слиянию". Скорее, наоборот, такое "сходство" усиливает автономию, взаимную социальную независимость народов и стремление к свободному самовыражению³. Что касается исследований, непосредственно посвященных проблеме интернационализации, то с начала 1990-х гг. в отечественных

¹ См., например: Гончарова В. Н. Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев, 1978; Шпилок В. А. Интернационализация социалистического образа жизни. Львов, 1979 и др.

² См., например: Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни: Социально-философский анализ. Новосибирск, 1989.

³ Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 48.

венной литературе наблюдается резкое сокращение их числа, лишь в отдельных монографиях эта проблема является предметом специального анализа¹. В большинстве случаев данная тема затрагивается, часто в негативном аспекте, при обсуждении других вопросов – развития национальной культуры, национального сознания и т. п. При этом сохраняются прежняя концептуальная основа и методологическая практика редукционизма. Интернационализация рассматривается по преимуществу как процесс, противоположный сохранению национальных особенностей в различных своих проявлениях, а потому идущий вразрез с национальным развитием и самостоятельностью тех или иных общностей.

Если в отечественном обществознании проблема интернационализации практически перестала специально обсуждаться (исключение составляют публикации по проблемам современного мирового экономического развития), то в зарубежном она продолжает оставаться весьма актуальной научной темой. При этом можно выделить два основных направления в содержательной интерпретации феномена интернационализации. В рамках первого он ассоциируется с расширением сферы действия тех или иных явлений, как правило, до масштабов мирового сообщества, поэтому рассматривается в непосредственной связи с процессом глобализации. В этом контексте обсуждается интернационализация производства, капитала, экономики², управления³, средств массовой информации⁴, благосостояния, культуры, безопасности⁵ и т. д. Интернационализация в данном случае понимается как своеобразная форма "обобществления" тех или иных явлений.

Другое направление зарубежных исследований представлено работами, в которых анализируется связь проблемы интернационализации с по-

¹ См.: *Hanco M. D.* Интернационализация национальной жизни: сущность, тенденции развития. Ставрополь, 1991.

² См.: *Berberoglu, B.* The internationalization of capital and its impact on labor on a world scale // Intern. rev. of mod. sociology. Dekald. Vol. 20. № 2. 1990; *Sassen, S.* The mobility of labor and capital: A study in intern. investment a. labor flow. Cambridge etc., 1988. XI; *Waters, M.* Globalization. L.; N. Y.: Routledge, 1995. XIV.

³ См.: *Derr, C. B.; Oddou, G.* Internationalizing managers: Speeding up the process // Europ. management j. Oxford. Vol. 11. № 4, 1993; *Forster N.; Whipp, R.* Future of European human resource management: A contingent approach // Europ. Management j. Oxford. Vol. 13. № 4. 1995.

⁴ См.: *Wilke, J.* Internationalisierung der Massenmedien: Auswirkungen auf die internationale Politik // Intern. Politik. Bonn. J. 51. № 11. 1996.

⁵ См.: *Zurn, M.* Jenseits der Staatlichkeit: Uber die Folgen der ungleichzeitigen Denationalisierung // Leviathan. Opladen. Jg. 20. H. 4. 1992.

нятиями нации, национализма, этнической общности, этничности¹, ме-жэтнического взаимодействия и конфликта², выделяются различные фор-мы интернационализации в качестве альтернативы репрезентации между-народного сообщества как системы государств³ и т. д. Особенность науч-ных разработок последнего времени – акцент на противоречивости рас-сматриваемых процессов. В то же время интернационализация и рост эт-ничности часто трактуются как рядоположенные тенденции.

Остановимся более подробно на исследовании процесса интернацио-нализации в отечественном обществознании.

Феномен интернационализации имеет интерсубъектную природу и представляет собой социальный процесс, разворачивающийся во взаимо-отношениях таких субъектов, как национальные общности. По существу, он характеризует диалектику взаимодействия национальных общностей. Общей интенцией в понимании того, что должно являться основным ре-зультатом данного процесса, выступает представление о формировании некоторого единства взаимодействующих сторон, их конкретной целост-ности. Расхождения начинаются в трактовке природы этого единства. С точки зрения диалектического подхода, исходя из собственно теоретиче-ских оснований, следует говорить о формировании внутренне различен-ного единства, в котором национальные общности, будучи субъектами взаимодействия, сохраняют себя в качестве обогащенных в процессе вза-имного влияния, но относительно самостоятельных образований. Новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия. Другая позиция предполагает нивелирование, упразднение национальных различий, допуская возможность становления унифициро-ванного единства. Последняя точка зрения, трактуемая рассматриваемое

¹ См.: Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Reiterer A. F. Die unvermeidbare Nation: Ethnizität, Nationalität u. nachnationaler Ges. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1988; Smith A. D. Chosen peoples: why ethnic groups survive // Ethnic a. Racial studies. L. Vol. 15. T. 3. 1992; Kebede M. Development, ethics and the ethics of nationalist // Arch. fun Rechts-u. Sozialphilosophie. Wiesbaden. Bd. 78. T. 2. 1992; Sharma C. I. Minorities and national integration // Y. of East a West studies. Seoul. V. 22. T. 2. 1993; Hassner P. Beyond nationalism and internationalism // Survival. L., 1993. Vol. 35. T. 2.

² См.: Nash M. The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1989. VIII; Heisler M. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1990; Stavenhagen R. Ethnic conflicts and their impact on international society // Intern. social science j.: ISSJ. Paris; N. Y. Vol. 43. № 127. 1991 и др.

³ См.: Rosow S. J. The forms of internationalization: representation of Western cul-ture on a global scale // Alternatives. Delhi; N. Y. Vol. 15. № 3. 1990.

явление в русле редукционизма, имела, как подчеркивалось, широкое распространение в предшествующий период развития обществознания и продолжает доминировать в понимании интернационализации в настоящее время.

В советский период большинство авторов трактовали интернационализацию как ведущую тенденцию развития национальных отношений, главным содержанием которой рассматривались сближение наций, постепенная ликвидация национальных различий. Такое представление соответствовало провозглашенным идеалам и целям общества, находило поддержку в массовом сознании, что служило основанием для высокой актуальности и значимости исследований различных аспектов проблемы интернационализации. Несмотря на известные издержки национальной политики того периода, она имела несомненные позитивные результаты: "бесконфликтное и неантагонистическое сосуществование множества наций само по себе представляло уникальный исторический феномен, вызывающий повышенный интерес во всем мире (особенно в странах с полигатовским составом населения). Не случайно этому была посвящена и значительная научная литература, издаваемая как в нашей стране, так и за рубежом"¹. В свое время дружба народов была не только политическим лозунгом, но и вполне реальной повседневной практикой на территории всей страны.

В конце 80-х гг. на первый план и практической политики, и научных изысканий выходят проблемы национального сознания и самосознания, национальных интересов, развития национальных культур, языков и т. п. В начале 1990-х гг. происходит дальнейший тематический дрейф – на этот раз в сторону вопросов национального самоопределения и национальной государственности. Нарастание национализма и сепаратизма превращается в доминирующую тенденцию развития национальных отношений. Как отмечает С. А. Арутюнов, после распада СССР предметом практических дискуссий для представителей различных народов России и объектом научных поисков становится по преимуществу "дальнейшая судьба этноса, территория его расселения, его права и привилегии, его отношение к ресурсам и собственности и в гораздо меньшей мере – реализация его языкового и культурного развития"².

Основной причиной резкого спада активности в разработке темы интернационализации является обострение национальных отношений. До-

¹ Иванов В. Н. Межнациональные отношения в России // Социол. исслед. 1994. № 6. С. 32.

² Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность // Этног. обозр. М., 1995. № 5. С. 7.

минириующие направления их современного развития вытеснили на периферию исследовательских интересов проблему интернационализации в общепринятое ее понимание – как тенденции к росту единства национальных общностей и преодолению национальной изолированности. В литературе данная проблема уступила место вопросам межнациональной напряженности и конфликтов, национальной идентификации, самоопределения. Предельно актуализировался национальный вопрос. Он выдвинулся в число приоритетных направлений социальной философии, политологии, теоретической социологии, а также прикладных исследований. Оказалось, что природа данного социального явления сложнее, чем представлялось, в нем существуют стороны, нуждающиеся в более глубоком и системном изучении.

Национальный вопрос был поставлен на повестку дня во время Великой французской революции в виде принципа национальности – права каждого народа на государственное самоопределение. Впоследствии он был дополнен другими социальными вопросами – рабочим, крестьянским, женским, школьным и т. п. "Серия социальных вопросов стала специфическим способом проблематизации общественного развития в XIX в."¹.

В. И. Ленин, точка зрения которого долгое время лежала в основе всех отечественных разработок по национальной проблематике, связывал национальный вопрос с проблемой интернационализации, выделяя в нем две тенденции: 1) пробуждение национальной жизни и образование национальных государств, что характерно для стадии первоначального накопления капитала в странах Западной Европы; 2) интернационализация капитала, экономической жизни, ломка национальных перегородок, отчетливо проявляющиеся в условиях развивающегося капитализма². Таким образом, проблема интернационализации рассматривалась В. И. Лениным в качестве составной части национального вопроса. Две тенденции, являясь внешне противоположными, анализируются как действующие в рамках одного и того же процесса, выражавшего содержание национального вопроса.

В начальный период советской истории национальный вопрос был сведен, по сути, к проблеме "отсталых народов", не прошедших капиталистическую стадию развития, точнее говоря, к задаче ликвидации их "ис-

¹ Тюгашев Е. А. Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс современности // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 6.

² См.: Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124, 125, 131; Ленин В. И. Тезисы ко II Конгрессу коммунистического интернационала // Там же. Т. 41. С. 164 и др.

торической отсталости", национального гнета и установления равноправия, в том числе путем создания комплекса необходимых условий для их самоопределения.

Впоследствии проблема потеряла свою актуальность, поскольку, согласно официальной точке зрения, национальный вопрос в стране был успешно решен. Такая оценка являлась в определенном смысле логичной, поскольку успешное решение этого вопроса связывалось с "подтягиванием отсталых народов" до современного уровня. После реализации данной задачи национальный вопрос был снят с повестки дня практической политики и научных разработок. Одновременно возросла значимость проблемы интернационализации, которая получила большой импульс для исследования, но при этом без какой бы то ни было увязки с национальным вопросом.

В настоящее время, как уже отмечалось, ситуация сменилась на прямо противоположную – проблема интернационализации ушла с поля зрения политиков и ученых, а национальный вопрос превратился в один из наиболее актуальных.

Пик обострения национального вопроса и связанных с ним проявлений национализма и роста активности национальных движений приходится на рубеж 80-90-х гг. Исследователи связывают это с началом "капитализации" страны и действием соответствующих исторических закономерностей в национальных отношениях. В. И. Козлов по этому поводу пишет: «Но как только реформы времен перестройки создали условия для формирования "рыночной" (капиталистической) экономики и национальной буржуазии, исторические закономерности развития национализма, отмеченные еще Лениным, стали проявляться все более четко»¹. Роль национальной буржуазии, отмечает он, в значительной мере выполняла национальная "номенклатура", проявлявшая стремление к независимой этнократии. Руководство страны не пошло на специальные меры по сохранению страны. В конечном итоге «централизм фактически капитулировал перед сепаратизмом, исторически, казалось бы, закономерная интеграция – перед дезинтеграцией»². Общая тенденция, характеризующая процесс образования самостоятельных национальных государств в условиях первоначального накопления капитала, нашла подтверждение и в нашей стране.

В трактовке сущности национального вопроса есть две противоположные позиции. Согласно первой, национальный вопрос ограничен рамками внутринациональных отношений, и крайней формой ее выражения явля-

¹ Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 107.

² Там же.

ется принцип национализма, предполагающий государственное самоопределение народов. Данная позиция преобладала в прошлом веке и, войдя в программные документы многих национальных движений, стала, в частности, одной из идейных предпосылок как образования, так и последующего распада СССР; она продолжает активно использоваться в современной практической политике. Например, в новой программе Ассамблеи тюркских народов, принятой ее Третьим Конгрессом, национальный вопрос определяется следующим образом: "Решить национальный вопрос – значит предоставить всем народам возможность развивать свою экономику и политику, культуру в тех формах и теми средствами, которые избирает сам народ, принцип самоопределения наций не предполагает априорных форм государственного устройства"¹. Вторая позиция имплицитно фокусирует рассмотрение национального вопроса в русле интернационализма, связанного с устранением национального гнета и неравенства и установления благоприятных экономических, политico-правовых и культурных отношений между национальными общностями². Иначе говоря, акцент делается на межнациональных взаимодействиях и, строго говоря, речь идет об интернациональном вопросе, в то время как приведенные выше положения документов национального движения фиксируют проблемы исключительно внутринационального характера.

Каждая из приведенных точек зрения относительно содержания национального вопроса абсолютизирует лишь одну из исторически взаимообусловленных закономерных тенденций. Одна из них фиксирует внимание на моментах национального развития и национализма, другая – на моментах межнациональных отношений, по сути дела, на интернационализации в общепринятом ее понимании. Представляется, что действительно актуальным в настоящее время является рассмотрение данных тенденций как взаимосвязанных и взаимообусловленных, образующих некоторую целостность национального бытия. В этой связи можно говорить о злободневности положения В. И. Ленина о двух тенденциях в национальном вопросе для современных исследований, а сам национальный вопрос следует трактовать как проблему не только ликвидации национального неравенства, самоопределения, экономического или политического устройства той или иной национальной общности, но и более широко – как вопрос о всей системе ее внутренних и внешних взаимодействий, поскольку в рамках системы, какойовой выступает целостность национальных отношений, ее

¹ Тафаев Г. И. Политические партии и национальные движения республик Поволжья и Приуралья. (Методологическая основа исследования). Чебоксары, 1993. С. 53.

² Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 197.

элементы могут воспроизводить свое существование лишь через воспроизведение других элементов. Интернационализация должна быть рассмотрена в данном случае как составляющая практического решения национального вопроса. Но для этого требуется переосмыслить как содержание национального вопроса и механизмов осуществления национального развития, так и существующее понимание интернационализации.

В действительности интернационализация, несмотря на разного рода политические и идеологические обстоятельства, развивается как некоторый закономерный процесс. Например, сам факт существования Ассамблеи тюркских народов, жестко выступающей за националистический вариант решения национального вопроса, является отражением определенного единства, интернационализма многих тюркских народов. Выделившиеся из состава СССР самостоятельные государства в настоящее время под влиянием объективных условий вынуждены прилагать большие усилия для налаживания взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах жизни. В самой России наряду с проявлениями национализма и сепаратизма идут консолидационные и интеграционные процессы.

Почему же в отечественной литературе проблема интернационализации практически перестала обсуждаться? О ней не говорят даже тогда, когда она имплицитно присутствует в содержательных разработках.

Как уже подчеркивалось, в советский период большинство исследователей трактовали интернационализацию как тенденцию к сближению и слиянию национальных общностей. Данная теоретическая установка опиралась на положение В. И. Ленина: "Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, но и слияние их"¹. С этим согласуется его положение о необходимости поддержки всего того, что ведет к "стиранию национальных различий", "слиянию наций"². Как отмечает С. Т. Калтахчян, "в ленинских работах везде, где говорится о сближении, непременно говорится и о слиянии"³.

Многие исследователи рассматривали содержание и перспективу процесса интернационализации именно под этим углом зрения. Типично следующее определение: "Интернационализация – это объективная тенден-

¹ См.: Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 256.

² Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 133.

³ Интернационализация общественной жизни в условиях развитого социалистического общества (Круглый стол "Вопросов философии") // Вопр. философии. 1974. № 10. С. 23.

ция общественного развития, выражающая процесс растущего единения всех наций на материально-технической основе крупного машинного (механизированного и автоматизированного) производства, которая в конечном итоге должна привести к слиянию всех наций в едином безнациональном коммунистическом человечестве"¹.

Общей концептуальной основой указанной позиции выступал "прогрессистский" (или "универсалистский") подход, предполагавший признание ослабления значимости национального фактора в процессе общественного развития. В соответствии с этим определялись теоретические ориентиры в разработке данной темы, а вместе с ними и соответствующие идеинные и методологические ограничения. В определенном смысле сфера национальных отношений была закрытой темой: "Возникающие здесь конкретные трудности, проблемы, противоречия, нездоровье тенденции, оставшиеся нерешенные вопросы, имевшие место ошибки в большинстве случаев оставались вне поля зрения, они для теории как бы не существовали"². Постепенно утратилась целостность теоретического осмысливания национальных отношений, сформировались стереотипы централизации и унификации, обделяющие теоретические представления о реальной интернационализации как противоречивом явлении.

К концу 1980-х гг. идеологические и методологические ограничения в исследовании проблематики национальных отношений были сняты. Расчитывая на новые идеи и подходы в данной области, ведущие научные журналы по общественным наукам провели многочисленные дискуссии, однако надежды их организаторов не оправдались. Например, редакция журнала "Вопросы философии" вынуждена была констатировать, что теоретического "прорыва" в области разработки философских проблем национальных отношений не произошло. "Надо прямо сказать, – отмечается здесь, – что у нас до сих пор нет научных работ, где философские

¹ Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы. Минск, 1977. С. 32. См. также: Серова И. И. О сущности интернационализации и особенностях ее развития на современном этапе // Национальное и интернациональное в жизни народа: Материалы межреспубликанской науч. конф. Киев, 1970. Вып. 1. С. 89; Беляков Г. Ф. Марксистско-ленинская концепция интернационализации общественной жизни человечества // Вопр. науч. коммунизма. Киев, 1982. Вып. 52. С. 5; Наутишев В. Ш. Некоторые теоретические и методологические аспекты интернационализации жизни народов // Вестн. МГУ. Сер. 12. Теория научного коммунизма. М., 1982. № 6. С. 41 и др.

² Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме. Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1988. № 9. С. 39, 40.

вопросы национальных отношений исследованы на том уровне, который был бы сопоставим с их актуальностью"¹.

Как и многие явления действительности, процесс интернационализации трактовался упрощенно. Утвердившееся представление о динамике социализма в направлении устранения социальных различий и формирования единства во всех сферах жизни непосредственно проявилось и в исследованиях процесса интернационализации, в частности в понимании его как ведущего к слиянию национальных общностей, ликвидации национальных особенностей. И. Т. Фролов отмечал практическое значение данной ориентации: "...этот вопрос не абстрактный, не сугубо академический, а весьма конкретный, политический, потому что в зависимости от того, как мы определим процесс интернационализации, видимо, можно строить то или иное определение конкретных аспектов национальной политики"². Результатом определенного понимания национальной политики выступали недооценка, а порой и забвение интересов национального развития отдельных народов.

В общественном сознании сформировался стереотип, подменяющий живые представления о реальном процессе интернационализации схемами централизации и унификации, а в официальной политике поддержку получало лишь то, что служило общим государственным интересам. В период перестройки, когда произошло качественное изменение идеологических и политических условий, это вызвало практическое негативное отношение к самому процессу интернационализации. Стремление отдельных народов к изоляции, неприятие представителей других национальностей, нарастание национализма и центробежных тенденций – конкретное проявление такого отношения.

Негативное отношение к проблеме интернационализации нашло отражение и в обществознании. Резкое уменьшение количества публикаций на эту тему – яркое тому свидетельству, а для тех работ, которые появляются по этой теме, характерным осталось наличие ограничительного, метафизического подхода в понимании данного феномена. Но если раньше его трактовали исключительно как явление позитивное, то теперь чаще всего – как негативное.

В действительности произошла подмена. Как отмечалось, под интернационализацией стали понимать процесс централизации и унификации. С. В. Чешко, исследуя национальные отношения, вводит особое понятие "интернационалистский детерминизм", которым он обозначает практику

¹ Там же. С. 91.

² Интернационализация общественной жизни в условиях развитого социалистического общества (Круглый стол "Вопросов философии") // Вопр. философии. 1974. № 10. С. 22

забвения национальных интересов и национального сознания, абсолютизации интернационального в ущерб национальному¹. Логично предположить, что продуктом политики, основанной на данном принципе, является не что иное, как процесс интернационализации. Иначе говоря, под интернационализацией понимается процесс, ведущий к упрощению национальной структуры общества, к национальному регрессу.

На наш взгляд, неправомерно именовать практику, базирующуюся на данных принципах, как "интернационалистский детерминизм". Точнее было бы назвать ее "псевдоинтернационалистский детерминизм", ибо, как покажет дальнейший анализ, действительная интернационализация не означает движения к безнациональному единству.

Кроме проанализированной выше, существует и другая точка зрения на содержание феномена интернационализации: он определяется, в частности, как "процесс современного развития, состоящий во взаимосвязи и взаимозависимости различных государств и организаций, и ведущий к возникновению международных объединений в различных сферах (экономической, политической, культурной, военной и т. д.)"². Обратим внимание на то, что в этом определении не говорится о слиянии наций. Но здесь не присутствуют и национальные общности, речь идет лишь о наднациональных субъектах – государствах и международных организациях. Такая позиция характерна и для зарубежных исследователей, которые зачастую понимают интернационализацию как процесс расширения сферы действия тех или иных явлений (экономических, политических, а в последнее время и информационных) до мирового уровня, причем, взятых безотносительно к их национальной специфике. Национальных общностей и национального вопроса в рамках данного подхода словно бы и не существует.

Близка к этому точка зрения, в соответствие с которой нации нет как объективного явления. Среди отечественных исследователей наиболее последовательно и настойчиво она отстаивается В. А. Тишковым, считающим нацию феноменом, который "просто не существует", а соответствующий термин – ничем иным, как мифической дефиницией³. Лучший способ уйти от анализа и решения актуальных национальных проблем – забыть о нации, сделать вид, что ее не существует. Признание понятия нации фикцией означает одновременно и отрицание интернационализа-

¹ Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения // Сов. этнография. 1988. № 4. С. 64.

² Социологический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 111.

³ Тишков В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 26.

ции как объективного процесса, характеризующего взаимодействие национальных общностей.

В большинстве случаев интернационализация продолжает рассматриваться в редукционистском смысле – как тенденция к упрощению национальных структур, которой метафизически противопоставляется тенденция сохранения, развития и даже усиления национальных различий и национального обособления.

Так, анализируя противоречия в области национальных отношений, Э. Баграмов выделяет: в сфере политики – противоречие между интернационализацией, сближением народов и их привязанностью к этнической территории; в экономике – противоречие между тенденцией к интернационализации, развитию интеграционных связей, обобществлению производства и тенденцией к относительной хозяйственной самостоятельности; в области духовной жизни – противоречие между ростом национального самосознания и углублением интернационализации¹. Таким образом, сама интернационализация рассматривается как существующая наряду с национальным развитием, наряду с развитием национального самосознания и национальным обособлением. Отмеченные тенденции трактуются как рядоположенные. Подобная позиция присутствует и среди зарубежных исследователей. Например, В. Дресслер-Холохан говорит в этой связи о дуалистической диалектике².

Анализ упомянутых точек зрения свидетельствует об одностороннем, несистемном подходе к исследованию рассматриваемого процесса. Он проявляется уже в том, что в рамках интернационализации учитываются, как правило, лишь некоторые моменты развития национальных отношений: раньше – позитивные, в настоящее время – по преимуществу негативные. В то же время системный подход предполагает фиксацию и позитивных, и негативных сторон действительности для того, чтобы процесс охватить целостно. Эту диалектику удачно отразил О. С. Разумовский в работе, посвященной концепции оптимологии. Хотя оптимология представляет собой "стремление к наилучшему из всех возможных", реально она "нацелена на описание и анализ наилучшего, худшего, наихудшего, а также безразличного, нейтрального"³.

Говоря о предмете нашего исследования, нельзя не согласиться с А. Н. Мельниковым: «В сложной системе противоречий национальной жизни нас интересовало прежде всего то, что обозначалось понятием

¹ Баграмов Э. Национальная политика и современность // Народный депутат. М., 1990. № 1. С. 40-49.

² Дресслер-Холохан В. Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия // Этническость. Национальные движения. Социальная практика. С.-П., 1995. С. 48.

³ Разумовский О. С. Концепция оптимологии. Новосибирск, 1998. С. 3.

"расцвет". Для обозначения противоположных явлений не имелось даже понятия¹. Не было термина, противоположного понятию сближения.

Кроме того, проблема противоречий практически не ставилась. Они отождествлялись с ошибками, со сложностями, о которых не принято было говорить. Вопрос о противоречиях в сфере межнациональных отношений в официальных документах был поднят в середине 1980-х гг.² С этого времени появляются публикации на данную тему³. Однако и через десять лет фиксируется явное неудовлетворение степенью разработанности проблемы противоречий⁴.

На наш взгляд, при постановке проблемы противоречий в развитии процесса интернационализации требуется разграничить интернационализацию общественной жизни национальных общностей, характеризующую взаимодействие нескольких общностей, с одной стороны, и интернационализацию общественной жизни отдельной национальной общности, с другой. В первом случае интернационализация выступает как целостный процесс, во втором – как составной момент этого целостного процесса. Они хотя и связаны между собой, но не являются тождественными. В частности, внутреннее противоречие интернационализации как целостного процесса для отдельной общности является внешним. В качестве внутреннего противоречия интернационализации общественной жизни отдельной национальной общности будет выступать снятое внешнее противоречие. Речь, следовательно, должна идти о разных противоречиях процесса интернационализации, каждый из которых имеет свой механизм действия.

Данное разграничение следует учитывать и при исследовании более частных проблем. В литературе оно практически не фиксируется, что приводит порой к смешению разных процессов и соответственно разных аспектов анализа. Так, процесс интернационализации у отдельных народов часто рассматривается с точки зрения его общего механизма, а общий процесс изучается по аналогии с конкретным его проявлением у той или иной национальной общности. На самом деле речь идет об уровнях анализа разной степени абстрактности и конкретности. Поэтому и познавательные процедуры здесь должны быть различными.

¹ Мельников А. Н. Противоречия социалистических наций и методология их исследования // Научн. коммунизм. 1988. № 5. С. 89.

² См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 53.

³ Их перечень см.: Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики. С.-П., 1995. С. 178.

⁴ Там же. С. 50, 51.

Отождествление двух названных процессов является, видимо, одной из причин сложностей, возникающих при характеристике основного содержания интернационализации. Одни авторы определяют его как обогащение национального интернациональным¹, другие, напротив, – как обогащение интернационального национальным², хотя реально интернационализация предполагает и первое, и второе. Другая сложность состоит в том, что определение содержания интернационализации проводится, как правило, на допредметном уровне анализа через фиксацию эмпирически констатируемых фактов, а задача состоит в том, чтобы отразить процесс на уровне теории.

Приведенные выше точки зрения на соотношение интернационализации и национального развития свидетельствуют о том, что метафизический подход до сих пор преобладает. Снятие ограничений на исследование национальной тематики, формальный отказ от сформировавшихся ранее методологических позиций не привел пока к созданию жизнеспособных теоретических конструкций. "Господствующей нормой теоретического мышления становится эклектика, с позиций которой весьма сложно ответить на вопрос о том, где же происходит граница между знанием и незнанием"³.

По результатам проведенного анализа природы интернационализации можно сделать два основных вывода: во-первых, процесс интернационализации необходимо рассматривать как составную часть социально-практического решения национального вопроса; во-вторых, недостаточность метафизической интерпретации процесса интернационализации делает актуальной разработку диалектической концепции интернационализации. Это предполагает, в свою очередь, выработку новых методологических подходов и нетривиальных исследовательских процедур, которые должны обеспечить действительное раскрытие сущности феномена интернационализации.

¹ См., например: *Пан В. В. Социалистическая интернационализация национальной жизни народов Сибири*. Томск, 1976. С. 6; *Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа*. М., 1985. С. 208; *Джунусов М. С. Буржуазный национализм: Принципы критики*. М., 1986. С. 95 и др.

² См.: *Гончарова В. Н. Интернационализация общественной жизни...* С. 2; *Нормурадов Б. Н. Характерные особенности и основные тенденции...* С. 14, 15; *Интернационализация капиталистического хозяйства...* С. 6 и др.

³ *Рековская И. Ф. Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Реферат // Формирование гражданского общества в современной России (Социологические исследования 1994-1995 гг.)*. М., 1996. С. 105.

2. Национальная общность как субъект процесса интернационализации

В работе реализуется точка зрения, согласно которой носителями процесса интернационализации, его субъектами, являются национальные общности, понимаемые в качестве разновидности социальных общностей людей. Последние на уровне социально-философской теории рассматриваются как "объективно складывающиеся в обществе качественно целостные социальные образования, включающие устойчивые связи людей, выраждающиеся в единстве их объективных и субъективных характеристик, в отношении к другим общностям, в определенном единстве образа жизни, тенденций и перспектив развития"¹. Национальную общность неправомерно сводить к обыденному ее пониманию как совокупности эмпирически фиксируемых индивидов. Она представляет некоторую целостность, многосвязную, по выражению П. А. Сорокина, социальную систему².

В отечественной литературе под национальной общностью обычно рассматривают нацию, а ее возникновение связывают с формированием капиталистических отношений. Понимание нации как социальной общности нашло свое развитие в многочисленных работах отечественных исследователей. Сложилось представление о ней как об устойчивой общности людей, характеризующейся единством экономической жизни в сочетании с общностью языка, территории, особенностями культуры, сознания и психологии³. Важной является также характеристика нации как формы общественного развития⁴. Именно такое определение выражает ее целостность и позволяет рассматривать как социальную общность в строгом смысле данного понятия.

До конца 1980-х гг. нация рассматривалась по преимуществу как форма этнической общности (этноса) наряду с исторически предшествующими ей племенем и народностью. В последнее время активно пропагандируется точку зрения, согласно которой нация понимается как согражданство, а понятие "национальный" употребляется в смысле "государствен-

¹ Барулин В. С. Социальная философия. М., 1999. С. 86.

² См.: Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О русской философской культуре. М., 1990. С. 466.

³ См.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974. С. 23.

⁴ См.: Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность // Вопр. истории. 1966. № 4. С. 21; Ленинизм и национальный вопрос... С. 23; Яроцук Н. З. Почему национализм обречен. М., 1985. С. 12.

ный"¹. Данное предложение встретило серьезную критику со стороны представителей практически всех научных направлений, занимающихся национальной (этнической) проблематикой. Ряд авторов для акцентирования внимания на этнической природе нации стали использовать понятия этноации, этнонационального².

Представляется обоснованным понимание нации как такого изоморфа системы социальных отношений, который базируется на этнической основе. В то же время мы считаем, что она не является формой этнической общности как таковой. Понятия "этнос" и "нация", на наш взгляд, фиксируют несовпадающие друг с другом фрагменты социальной реальности. Данный вопрос будет подробно рассмотрен далее, здесь же обратим внимание на один существенно значимый результат оживленных дискуссий последнего времени по вопросу о сущности понятия "нация". Они четко обозначили выделение двух феноменов – нации-культуры и нации-государства. Их различие связано, в частности, с социокультурными особенностями: в русском языке понятие "нация" употреблялось по преимуществу в этническом смысле, что стало своего рода традицией, на Западе (хотя и не во всех странах) – в основном в политическом (гражданском) смысле. Но всегда были исключения. Например, под национализацией у нас традиционно понимается превращение средств производства в обществогосударственную собственность, в аналогичном смысле употребляется понятие национального дохода. В свою очередь, на Западе в последние годы происходит, по выражению В. А. Тишкова, пересмотр термина "национальность" в пользу этнокультурного смысла³.

Но дело не только в терминологических тонкостях. Речь идет о разных способах существования нации: во-первых, как этнокультурной общности, во-вторых, как государственно оформленной общности. Поэтому

¹ См.: Тишков В. А. Народы и государство // Коммунист. М., 1989. № 1; Он же. О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР // Совет. этнография. М., 1989. № 1; Он же. Очерки теории и политики этничности. М., 1997; Чешко С. В. Национальное государство или демократическое общество // Вестник Академии Наук СССР. М., 1990. № 1; Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальный интерес. М., 1994; Вдовин А. И. "Российская нация". Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1995; Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996 и др.

² См., например: Розенко М. Н. Этнонациональные процессы в современном обществе: Философско-методологический анализ. С.-П., 1996; Рековская И. Ф. Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Реферат // Формирование гражданского общества в современной России. (Социологические исследования 1994–1995 гг.). М., 1996; Тадевосян Э. В. Этноация: миф или реальность? // Социол. исслед. 1998. № 6.

³ Тишков В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 13.

актуальной является, на наш взгляд, не конфронтация двух обозначенных концепций, а их рефлексивная коммуникация. По-видимому, национальное существует на разных уровнях социальной организации, в данном случае – на уровне отдельного этноса и на уровне целого государства. Такой вывод является очевидным применительно к государству, являющемуся по преимуществуmonoэтническим, но он в известной мере применим и к полизгническим государствам. Ведь свойственные отдельному государству единый язык, общность экономической жизни, элементы общей культуры и т. п. – это исходные признаки национальной общности.

Кроме того, сама государственность может пониматься по-разному. Например, в советский период нации считались те из народов СССР, которые были титульными в союзных или автономных республиках, то есть имели республиканский статус (иначе говоря, определенную форму государственного устройства) в составе союзного государства.

Другой важный вопрос, активно обсуждаемый в последнее время, – вопрос о природе нации. Если брать во внимание современные дискуссии на этот счет, то здесь можно выделить две крайние позиции. Так называемый примордиалистский (или онтологический) подход рассматривает ее как реально существующую устойчивую общность, обладающую определенными признаками – общностью экономической жизни, языка, культуры и др. и выполняющую определенные социальные функции. Этот подход доминировал в мировой науке до 60-70-х гг. XX столетия, а в отечественных работах был единственным до начала 90-х гг.¹

Согласно второму подходу, получившему название конструктивистского, а по сути являющемуся предельно субъективистским, нация (а также и этнос) является искусственным, воображаемым коллективом, она как бы изобретается писателями, учеными, политиками для определенных, в основном политических, целей. Ключевую роль в мобилизации играют лидеры, в чьих интересах чаще всего она и конструируется. Данная позиция, характеризующая ситуативную природу рассматриваемого явления и опирающаяся на известную метафору Э. Ренана о том, что нация – это повседневный плебисцит, в начале 1980-х гг. была представлена в работах таких широко известных сегодня авторов, как Э. Геллер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум².

¹ См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 33.

² См.: Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Hobsbawm E. J. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. См. также: Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991; Нация и национализм в свете исторической социологии.

В России конструктивистский подход наиболее активно отстаивает В. А. Тишков. По его мнению, термины "нация" и "национализм" не принадлежат к научным и политически операциональным категориям, а многолетние дискуссии по этим проблемам он называет глобальной и долговременной мистификацией¹. То, что обычно понимается под этносами и нациями, он называет некоторыми статистическими множествами и главным пороком примордиализма считает признание последних в качестве действующих субъектов истории. При этом он пытается опровергать базовые положения своих оппонентов и делать фундаментальные теоретические выводы о социальных явлениях на основе примеров, касающихся конкретных людей, по сути дела находясь на позициях номинализма².

Отметим прежде всего непоследовательность В. А. Тишкова. С одной стороны, он отстаивает идею о гражданском содержании понятия "нация", то есть признает ее наличие, хотя и специфически интерпретируя, с другой стороны, отказывает этому понятию в праве на существование, призыва забыть о нации, поскольку, как он выражается, ее "просто не существует", наконец, рассматривает ее как некоторую идеальную, искусственную конструкцию, то есть сводит к духовному явлению. Возникает вопрос, какому же из этих утверждений верить?

Позиция, в соответствии с которой нация обладает духовной природой, не является новой, в том числе для отечественной философии. В контексте рассматриваемых проблем особый интерес представляет трансформация понимания нации одним из создателей современной социологии П. А. Сорокиным. Первоначально он, будучи выразителем позиции номинализма, отрицал объективность нации, был убежден в ее фиктивности, полагая, что не существует и специальной национальной связи³. Но впоследствии писал о нации следующее: «Нации, наряду с большими империями и обширными классами, являются сегодня наиболее могущественными социальными системами, деятельность и политика которых вполне ощутимо определяют ход исторических процессов, жизнь и судьбу миллионов человеческих существ»⁴.

логии (сводный реферат) // Соц. и гуманит. науки: РЖ. Серия 11. Социология. М., 1995. № 2. С. 45-58; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. С.-П., 1998.

¹ См.: Тишков В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. М., 1998. № 9. С. 3.

² См.: Там же. С. 4.

³ См. Сорокин П. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

⁴ Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О русской философской культуре. М., 1990. С. 468.

Представление о нации как о фиктивном, идеализированном объединении в действительности само является иллюзией, и таковой оно выступает уже потому, что эти объединения имеют вполне осозаемые социально-практические границы. Эффект подобной иллюзии описан Е. А. Тюгашевым на примере корпораций студентов университетов европейских стран в XII – XV вв., где данные корпорации назывались нациями¹.

Выделение духовного компонента при анализе природы этноса и нации является, на наш взгляд, вполне оправданным. Без него невозможна целостность предметного основания. "Духовный компонент является совершенно необходимым. Сознание или самосознание не эпифеномен этнической общности, а необходимое средство для его единства, для его существования в качестве такового"².

В то же время духовный компонент нельзя абсолютизировать, ибо тогда остается совершенно необъяснимым то, на базе чего возникает "воображенная" конструкция нации и что объединяет людей в "искусственный" коллектив. На самом деле все это возможно лишь благодаря тому, что существуют определенные предметные структуры. "Если убрать предметные структуры, то останется содержание, которое выражено или отображено в памяти, т. е. весь исторический путь движения этих предметных структур, этого бытия. Оно может оставаться только как память культуры. Но память о предметных структурах, а не беспредметная ментальность, ибо таковой не существует"³. Совершенно справедливо обращая внимание на существенную роль лидеров национальных движений и национального сознания в формировании национальной идентичности, представители конструктивизма на этом и останавливаются, их интересует, по выражению В. В. Коротеевой, только область человеческих переживаний и "культурных смыслов", иначе говоря, лишь одна из сторон национального существования⁴.

В действительности нация должна быть понята как духовно-практическое образование. Данное представление имплицитно присутствует в примордиалистском подходе, поскольку одним из характерных признаков нации признается, наряду с предметными компонентами, сознание и психология. В то же время этой стороне дела следует уделить особое внимание.

¹ См.: Тюгашев Е. А. Национальный вопрос в эпоху глобальных проблем: дискурс университета // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 2.

² Мархинин В. В. Современные тенденции развития национальных отношений в стране: значение теории в поиске решений. Новосибирск, 1990. С. 28.

³ Там же.

⁴ См.: Коротеева В. В. "Воображеные", "изобретенные" и "сконструированные" нации: метафора в науке // Этногр. обозр. 1993. № 3. С. 161.

ние при анализе современных проблем, так как своеобразие существующих информационных систем ведет к существенному возрастанию роли сознательной составляющей национальных процессов. Но эта новая роль духовной стороны не может отменить базисных оснований.

Такое положение во многом напоминает ситуацию в социальной истории. В последнее время ее неотъемлемым элементом признается история человеческой субъективности – история ментальностей, которая тесно смыкается с исторической антропологией. Причем, в понимании самой ментальности произошел переход от представления о ней как о чистой мысли, мышлении к поведению, в первую очередь коллективному. В результате в контекст истории ментальностей непосредственно включается исследование народных движений, то есть практического компонента¹.

Определившись с природой нации, важно обратиться к вопросу о соотнесении ее с такими общностями, как племя и народность. Ранее уже обращалось внимание на то, что большинством авторов все они рассматривались в качестве исторических форм этнической общности. В настоящий момент в нашей стране ни в научных публикациях, ни в официальных государственных документах нет разделения современных этносов на нации и народности, всех называют теперь просто народами. Поэтому может показаться, что проблема соотношения племени, народности и нации перестала быть практически и теоретически значимой. Вместе с тем на международном уровне в последнее время все чаще ставится вопрос о племенных структурах, племенном образе жизни и т. п. Соответствующие положения нашли отражение в нормах международного права, в документах, касающихся коренных народов. Таким образом, кажущаяся устаревшей или имеющей значение лишь для исторической науки проблема приобрела ярко выраженную актуальность в связи с процессом современного самоопределения народов, стоящих на разных стадиях исторической эволюции.

Будучи едины в вопросе о выделении племени и народности как общностей, исторически предшествующих наций, исследователи расходятся во взглядах при определении их основных признаков. Из последних часто исключается общность экономической жизни. Например, И. П. Цамерян отмечает, что экономические связи между членами одной народности развиты слабо, поэтому говорить о наличии устойчивой экономической общности как признаком народности не приходится².

¹ См.: Чеканцева З. А. Порядок и хаос. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 4; История ментальностей, историческая антропология. М., 1996.

² См.: Цамерян И. П. Племя, народность, нация... С. 8.

Более обоснованной является позиция, в соответствии с которой общность экономической жизни выступает необходимым признаком не только нации, но также племени и народности¹. В работах, исполненных в рамках данной позиции,дается подробное описание характера экономических связей для каждой из этих общностей. Далее отметим некоторые моменты, существенные для аргументации данной точки зрения, но не нашедшие более или менее полного отражения в литературе.

Известно, что род не может существовать изолированно от других родов. Связи между родами не сводятся только к брачным контактам, а включают в себя хозяйствственные отношения, выступающие, как правило, в своеобразной форме дарообмена. Наличие дарообмена связывается с существованием разделения труда в первобытном обществе². Его специфика состоит в том, что оно осуществляется не между отдельными людьми, а между родами или общинами. Именно они вступают в отношение между собой как самостоятельные единицы в процессе обмена продуктами³. Сам факт разделения труда свидетельствует о существовании хозяйственных связей внутри племени между родами.

Практически никто из авторов не ставит под сомнение признание общности территории в качестве признака племени. Однако далеко не все из них рассматривают его в единстве с общностью хозяйственно-экономических связей, что представляется неправомерным.

Ф. Энгельс, характеризуя отдельное племя, выделяет прежде всего наличие у него собственной территории. Она включает в себя непосредственное место жительства племени, а также значительную область для охоты и рыбной ловли⁴. Существование собственной территории означает, что племя является ее владельцем (собственником). Для племени характерно общее присвоение земли, территории в процессе хозяйственной деятельности.

¹ См.: Алексеев В. В. Род, племя, народность, нация... С. 4; Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность. С. 23; Сатыбалов А. А. Методологические вопросы изучения... С. 20-34; Илтс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974. С. 53; Калтахян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации... С. 57, 62; Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. Новосибирск, 1989. С. 119-131; Игнатьев В. И. Всемирная история как целостность. (Проблемы методологии). Новосибирск, 1993. С. 98-102 и др.

² См., например: Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе // Проблемы первобытного общества. М.; Л., 1960.

³ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 88, 89.

⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 92, 159.

Контроль общества над природной составляющей своего социального пространства является необходимой предпосылкой материального производства племени, а значит, и существования его самого. В рамках присваивающего типа хозяйства (охота, рыболовство, собирательство и т. п.) основными материальными условиями труда выступают не продукты человеческой деятельности, как, например, в крупной промышленности, а добываемые трудом естественные продукты природы (звери, рыба и т. д.). Собственность на землю реализуется в присвоении в процессе материального производства природных ресурсов, так как "отношение" к земле как к собственности в самой первоначальной форме означает: "находить в ней сырье, орудии и жизненные средства, созданные не трудом, а предоставленные самой землей"¹. Рассматривая собственность у пастуских племен, К. Маркс писал, что, хотя непосредственно присваивается и воспроизводится у них только стадо, а не земля, эти племена "относятся к земле как к своей собственности, хотя никогда не фиксируют этой собственности. Такого рода собственностью является район охоты у диких индейских племен в Америке; племя считает определенный район своей областью для охоты и силой отстаивает его против других племен..."².

Первоначальная форма собственности отличается тем, что она "имеет свою живую действительность в самом определенном способе производства, являющемся в такой же мере отношением индивидов друг к другу, в какой и их определенным действенным отношением к неорганической природе, их определенным способом труда..."³. Иными словами, собственность обнаруживает себя и в отношениях между людьми, и в отношениях людей к природе, т. е. в труде. Присвоение земли и ее естественных продуктов совпадает с процессом производства, так как племенная собственность реализуется в труде. Это относится как к присваивающему хозяйству охотников, рыболовов и собирателей, так и к животноводству и земледелию: "Та или иная территория становится районом охоты лишь потому, что племена там охотятся; лишь благодаря земледелию к земле относятся как к удлиненному телу индивида"⁴. Собственность ограничена фактическим пользованием, т. е. производством.

Таким образом, наличие у племени собственной территории для охоты, рыболовства и т. д. равнозначно существованию у него собственности на основные условия производства – землю и ее естественные продукты.

¹ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. (Первоначальный вариант "Капитала") // Там же. Т. 46. Ч. 1 С. 489.

² Там же. С. 479, 480.

³ Там же. С. 485.

⁴ Там же. С. 483.

Поскольку же собственность в рамках племени имеет общий, а не частный характер, постольку правомерно говорить об общности экономической жизни племени. Общая для всего племени собственность на условия производства выступает здесь основой общности экономических отношений.

Разложение первобытно-общинного способа производства связано с формированием новой общности людей – народности. Фундаментальным основанием данного процесса служит развитие разделения труда. Оно подрывает существующий в рамках племени совместный характер материального производства и присвоения, рождая производство и присвоение отдельными лицами, а следовательно, и обмен между ними. Развивается разделение труда и между отдельными племенами. С возникновением пастушеских племен межплеменной обмен интенсифицируется, превращаясь в постоянный социальный институт.

Экономические связи, существовавшие между племенами, не исчезают вместе с "растворением" их в более широкой общности – народности. Они сохраняются и продолжают развиваться, становясь теперь внутренними по отношению к вновь сформировавшейся общности. Эти связи вместе с единой территорией образуют основание народности как некоторой целостности. Ремесло и земледелие, торговля и судоходство выступают отдельными элементами единой экономической системы, образующей новую социальную общность. Лишь в совокупности они обеспечивают функционирование и развитие народности.

Среди наиболее распространенных аргументов в пользу отрицания общности экономической жизни в рамках народности часто используется утверждение о том, что материальное производство феодального общества представлено отдельными натуральными хозяйствами. Это в принципе правильно. Однако имеет место несколько упрощенное представление о натуральном хозяйстве, понимание его как абсолютно замкнутого, изолированного, что не соответствует действительности. "Единицы натурального хозяйства, – отмечает Ю. И. Семенов, – меньше всего можно рассматривать как замкнутые и изолированные. Они являются узлами сложной сети отношений обмена, но только обмена не товарами, а помощью и услугами. Между ними идет непрерывная циркуляция труда и материальных благ"¹. Применительно к первобытной Австралии, когда существовало натуральное хозяйство, Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова говорят о

¹ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 65.

наличии традиционных путей обмена австралийцев, своеобразных "торговых дорогах" и центров торговли – "базарах"¹.

Возникающее с момента образования классового общества разделение труда представляет собой не что иное, как имеющий опосредованный характер общественный труд, существующий в условиях частной собственности. Опосредованность проявляется в том, что производство является относительно обособленным, а его общественная необходимость раскрывается на рынке в процессе обмена. Необходимыми были экономические связи между городом и деревней, земледелием и ремеслом, между различными общинами и регионами. Эти характерные для народности связи основательно изучены специалистами по истории отдельных народов.

Существующее в литературе отрицание экономического признака племени и народности во многом обусловлено сведением общности экономической жизни к одной из разновидностей экономических связей, а именно к связям, характеризующим развитую форму товарно-денежных отношений, существующую в эпоху капитализма и проявляющуюся в наличии мирового рынка, международного разделения труда и т. п. Поскольку в предшествующие эпохи таких связей не существовало, постольку многие исследователи считают, что об общности экономической жизни применительно к племени и народности говорить неправомерно. Другими словами, общность экономической жизни рассматривается лишь как данная в определенном качественном состоянии. На самом деле она сама должна быть понята как исторически развивающаяся.

Как было показано, отсутствие международного разделения труда и мирового рынка в докапиталистические эпохи вовсе не означает полного отсутствия экономических связей внутри народности и племени. Речь просто идет об ином их качестве. Эти связи хотя и были здесь своеобразными, тем не менее являлись столь же необходимыми, как и экономические связи в рамках нации. Мало того, именно общностью экономической жизни, как утверждает ряд исследователей, может быть объяснена общность языка, территории, культуры не только нации, но также племени и народности².

При исследовании основополагающих признаков племени, народности и нации принципиально важным является установление факта наличия и определение необходимого характера экономических связей внутри каж-

¹ См.: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985. С. 20, 21.

² См., например: Сатыбалов А. А. Методологические вопросы изучения... С. 21, 33; Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации... С. 57; Барулин В. С. Социальная жизнь общества: Вопросы методологии. М., 1987. С. 81.

дой общности. Положительное решение данного вопроса позволяет рассматривать экономический признак в качестве характерного для всех этих общностей. Выявление качественного своеобразия экономических связей в рамках племени, народности и нации представляет собой уже другой вопрос, касающийся определения их отличий между собой. Такие различия, несомненно, существуют, поскольку различные общности изначально относятся к различным ступеням развития человеческого общества. Но их изучение предполагает переход на иной уровень анализа и связано с решением других, более конкретных задач.

Признание общности экономической жизни в качестве необходимого признака племени и народности наряду с общностью территории, языка, культуры и сознания дает основание отнести их вместе с нацией к одной и той же разновидности социальных общностей, а именно к общности, в рамках которой воспроизводится целостность жизни определенной совокупности людей и которая поэтому представляет собой форму общественного развития.

Подобная точка зрения на соотношение исторических общностей людей существует и среди зарубежных исследователей. Так, И. М. Льюис под нацией понимает, как и многие другие западные антропологи, некоторую культурную единицу. По его мнению, отличие "трайбов", "этнических групп" и "наций" – не в структуре и функционировании, а лишь в их размере. Для их различия нет оснований, поскольку они представляют собой единицы одного вида¹.

Придя к такому выводу, мы должны определить название данной разновидности социальных общностей. В литературе этот вопрос решается неоднозначно. Устоявшимся является определение племени, народности и нации как исторических форм общности людей. Но историческими выступают не только данные, но и все другие социальные общности, такие как семья, класс, государство и т. п.² Определение их как исторических недостаточно. Оно не специфицирует племя, народность и нацию среди других социальных общностей, а следовательно, не совсем точно.

Как уже отмечалось, широкое распространение получило определение рассматриваемых общностей как этнических. Такое понимание специфицирует племя, народность и нацию в ряду других социальных общностей. Однако оно не фиксирует их целостность, а потому является неполным.

¹ Цит. по: Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П., 1997. С. 144, 145.

² См. об этом, например: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 38; Барулин В. С. Социальная жизнь общества... С. 52, 53.

Этническая общность определяется преимущественно как совокупность людей, обладающих общими культурой и языком, осознающих свою принадлежность к данной общности и отличие от людей, принадлежащих к другим подобным общностям (самосознание)¹. При этом под культурой понимаются, как правило, традиционно-бытовые компоненты образа жизни.

Казалось бы, приведенных положений достаточно для того, чтобы понять неполноту определения племени, народности и нации как этнических общностей, поскольку они выражают жизнедеятельность определенной совокупности людей с гораздо более широкой точки зрения, чем представлено в этнической общности. В частности, в последней не фиксируются такие признаки, как экономический и политический. Но проблема значительно сложнее.

Дело в том, что этническая общность отождествляется обычно с этносом², а последний понимается неоднозначно. Наиболее полно проблема этноса исследована в отечественной литературе в работах Ю. В. Бромлея. Он разделяет узкое и широкое значение данного понятия. В первом случае, т. е. в узком смысле, понимание этноса совпадает с приведенным выше определением этнической общности и обозначается термином "этникос". Как отмечает автор, "для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков"³. Для этникоса не являются обязательными ни территориальная целостность, ни общность экономической жизни⁴.

Территориальная (политическая) и экономическая общность, по мнению Ю. В. Бромлея, фиксируется в этносе, понятом в широком смысле слова, как этносоциальный организм. Последний возникает тогда, "когда этникос (целиком или большей частью) входит в состав одного "социального организма" – основной ячейки всемирно-исторического процесса (племени в доклассовом, государстве в классовом обществе)"⁵.

¹ Козлов В. И. Этническая общность // Большая Советская Энциклопедия. М., 1978. Т. 30. С. 298; Семенов Ю. И. О племени, народности и нации // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 73; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: Теория, история, современность. М., 1987. С. 11-14 и др.

² См., например: Козлов В. И. Этническая общность. С. 298; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы... С. 11.

³ Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы... С. 15.

⁴ Там же. С. 13-15.

⁵ Там же. С. 16.

Подобное разграничение широкого и узкого смысла понимания этноса не совсем корректно, поскольку в том и другом случае одним термином обозначаются разные явления. Ведь этникос – это совсем не то, что есть этносоциальный организм. Первый означает совокупность людей одной национальности вне зависимости от того, где они живут, в одной стране или в нескольких, причем, возможно, с разными социально-экономическим и политическим строем. В принципе этникос характеризует общность людей, рассмотренную с точки зрения отдельных представителей одной и той же национальности. В противоположность этому этносоциальный организм рассматривается как некоторая социальная целостность, характеризующаяся единым социально-экономическим и политическим строем.

Таким образом, термины "этникос" и "этносоциальный организм" выражают разные явления. Но почему тогда эти разные явления обозначаются одним и тем же термином "этнос"?

Очевидно, что здесь существует проблема. Связана она с разными уровнями абстрагирования в рамках различных предметных подходов. "Теоретико-познавательная деятельность предполагает активное конструирование понятий, однако ее содержание в конечном счете определяется содержанием объекта. Теоретические конструкции не произвольны, их формирование и отбор осуществляется путем сопоставления с отображаемой стороной действительности. Это выражается, в частности, в наличии объективных границ абстрагирования в рамках каждого научного предмета. Каждая наука имеет свой предел абстрагирования, за которым утрачиваются специфические для изучаемого процесса характеристики"¹.

Сопоставление терминов "этникос" и "этносоциальный организм" с отображаемой ими стороной действительности приводит к выводу о том, что они характеризуют различные предметные подходы: первый – в рамках этнографии, второй – социально-философского анализа.

Действительно, этнос (этническая общность) в собственном значении этого слова, как утверждает Ю. В. Бромлей, есть не что иное, как этникос². Он представляет собой общность, определяемую прежде всего языком, культурой и самосознанием³. Эта общность изучается этнографией. Ее основным предметом является традиционно-бытовая культура (обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п.), выполняющая наряду с языком этнические функции, отличающие один этнос от

¹ Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 102.

² См.: Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы... С. 15-17.

³ Там же. С. 17.

другого¹. Не случайно поэтому этническое, как таковое, характеризуется Ю. В. Бромлеем как этникосное².

Та сторона действительности, которая зафиксирована в термине "этносоциальный организм", не составляет предмета изучения этнографии. Она принадлежит к предметной области социальной философии, поскольку выражает не отдельные проявления жизнедеятельности людей, а определенную социальную целостность. Но если это так, то отмеченная сторона действительности должна быть отражена не через понятие этнографии, а в категориях социальной философии. Представляется, что таким понятием выступает понятие "национальная общность", характеризующее определенное сообщество людей, взятое в единстве всех связей и отношений. Понятие "национальное" выражает более высокий уровень абстракции, чем понятие "этническое". Последнее содержится в национальном в снятом виде – в виде субстрата, данного в единстве с социально-организмическим.

Данной точке зрения соответствует понимание национального как единства этнического и социального³. Как представляется, используемый в настоящее время термин "этнонация" применяется прежде всего для того, чтобы зафиксировать субстратно-этническую основу нации, являющуюся в целом своеобразной экономической и политической общностью.

Из всех социальных общностей как национальную обычно рассматривают нацию. Племя и народность большинство исследователей считают этническими явлениями. Но понятие "этническая общность" лишь односторонне отображает указанные общности, поскольку фиксирует только традиционно-бытовую сторону их культуры, в то время как они представляют собой и социальные (социально-экономические) общности. Поэтому более точной является квалификация не только нации, но и племени и народности как национальных общностей. Этот подход излагался в литературе и раньше (наиболее последовательно его выразил А. А. Саты-

¹ Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 46, 47. См. также: Бромлей Ю. В. О предмете этнографии в свете логико-системного анализа // Сов. этнография. 1988. № 1. С. 67 и др.

² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы... С. 18.

³ См., например: Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии "нация" // Вопр. истории. 1966. № 6. С. 37; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972. С. 30; Ким М. П. Советский народ – новая историческая общность. М., 1972. С. 7, 57; Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс. М., 1983. С. 20; Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И. Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. Киев, 1985. С. 75; Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы. С. 97-112 и др.

балов¹). Нами показано, что племя, народность и нация обладают одними и теми же признаками, но отличаются друг от друга уровнем их развитости и спецификой проявления. Нация представляет собой высший продукт развития национальной общности. Наличие общих признаков позволяет выделить единное основание для их сопоставления и отнесения к одной разновидности социальных общностей.

Национальная общность выступает как снятие этнических общностей, на базе которых она формируется, означающее одновременно и отрицание этносов, и сохранение их в преобразованной и латентной форме. В ходе дальнейшего развития и при определенных условиях этнические характеристики могут вновь проявить себя в качестве актуально значимой реальности, что и наблюдается сейчас на всех континентах планеты. Подобное происходит, в частности, и с потестарными структурами, которые, однажды возникнув, продолжают свою долгую жизнь в последующих состояниях социума². Многочисленные примеры употребления понятия "национальный" в этническом смысле и понятия "этнический" в национальном смысле следует объяснять не только определенным несовершенством категориального аппарата, отсутствием необходимой строгости в реализации конкретно-предметных подходов, но и реальной взаимообусловленностью и взаимопроникновением этнического и национального³.

Национальная общность существует на разных уровнях социальной организации. Она возникает как охватывающая родственников, представителей нескольких родов, находящихся в тесных контактах и говорящих на одном языке. Именно для обозначения социальной группы, объединенной общим происхождением, в Древнем Риме употреблялся термин "нация" (в русском языке это близко понятию "племя")⁴. Таким образом, изначально национальная общность конституируется в качестве целостности системой этнических отношений, играющих доминирующую роль. Впоследствии на первое место могут выходить территориальные, эконо-

¹ Сатыбалов А. А. Диалектико-материалистическое понимание исторических типов национальных общностей: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1972.

² См. Потестарность: генезис и эволюция. С.-П., 1997.

³ Подробнее об изменении содержания понятия "нация" в ходе истории и его соотношении с понятием "этнос" см.: Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальный интерес. М., 1994. С. 8-38; Конструкция национальной идентичности в сравнительной перспективе. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки: РЖ. Серия 11. Социология. М., 1995. № 4; Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Свобод. мысль. 1996. № 6; В поисках парадигмы нации: (националистические очерки). М.; Нальчик, 1997; Арутюян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 27-36 и др.

⁴ См.: Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм. С. 103.

мические или политические признаки. Но все они так или иначе существуют в разных формах национальных общностей. Причем исходно доминирующий признак присутствует в развитых формах в качестве внутренних опосредований. Таким образом, в качестве национальной общности можно рассматривать племенную организацию, объединяющую людей общностью происхождения, нацию, в отечественной традиции понимаемую как этноцию, и нацию, в западной традиции понимаемую как соплеменничество. Все эти образования, на наш взгляд, представляют собой разные исторические формы национальной общности.

Важным представляется сопоставление понятия национальной общности с понятием этносоциального организма (в литературе этносоциальное часто отождествляется с национальным¹). Понятие этносоциального организма, введенное Ю. В. Бромлеем, отражает взаимопроникновение этноса и социального организма и характеризуется им в сущности теми же признаками, что и содержание понятия "отдельный социальный организм"². Национальная общность соотносится с социальным организмом несколько иначе.

Под отдельным социальным организмом принято понимать конкретное, единичное общество, т. е. определенным образом ограниченную систему отношений, существующую рядом с другими такими же ограниченными системами. Социальный организм представляет собой относительно самостоятельную единицу исторического развития, он объединяет всю систему общественных отношений того или иного формационного типа³, причем, безотносительно к национальной определенности конкрет-

¹ См., например: *Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации...* С. 54, 55; *Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы*. С. 146-163.

² *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973. С. 39, 40; Он же. *Этносоциальные процессы*. С. 16.

³ О понятии "социальный организм" см.: *Семенов Ю. И. Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки* // Вопр. истории. 1966. № 8. С. 88-106; Он же. *Теория общественно-экономических формаций и всемирная история* // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978. С. 55-89; Он же. *Общество, страны, народы* // Этногр. обозр. 1996. № 2.; Он же. *Социально-исторические организмы, этносы, нации* // Этногр. обозр. 1996. № 3; Категории исторического материализма. М., 1980. С. 84; *Мархинин В. В. Основные закономерности становления и развития интернациональной общности людей*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1982. С. 11, 12; *Ларченко С. Г. Межкультурные взаимодействия отдельных социальных организмов (Теоретико-методологический аспект)*: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1985. С. 11-14; *Фофанов В. П. Категория "отдельное" и статус гуманитарных наук* // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 318-332. Специфика отдельных социальных организмов в разные исторические эпохи и их типология

ного общества. Национальная специфика является несущественной для характеристики отдельного социального организма.

Национальная общность представляет собой иное социальное образование. Данную ситуацию хорошо проясняет введенное Ю. И. Семеновым разграничение понятий "демосоциальный организм" и "геосоциальный организм". Первый из них обозначает безгосударственный тип социальных организмов, в основе которого лежат родственные отношения. Его границами выступают границы круга людей, входящих в состав племени. Геосоциальный организм характеризует другой тип социальных организмов – с государством. Его границами служат границы территории, которую он занимает. Такой социальный организм именуется обычно государством¹. Если демосоциальный организм является одновременно и национальной общностью, то геосоциальный организм включает в себя, как правило, несколько национальных общностей, поскольку большинство существовавших и ныне существующих государств являются многонациональными.

Понятия этнической и национальной общности соотносятся между собой прежде всего как принадлежащие к разным научным дисциплинам – соответственно этнографии и социальной философии. Каждая наука обладает своим собственным предметным подходом, состоящим в отражении специфической системы закономерных связей объекта, и гносеологический статус этих подходов различен. Более общим является социально-философский подход, позволяющий вычленить существенные характеристики рассматриваемых общностей. Их анализ на уровне этнографии предполагает конкретизацию социально-философского подхода и составляет иную, более специальную предметную область исследований с соответствующей ей вполне определенной системой понятий. Непосредственное перенесение последних на более общий уровень приводит к смешению разнопредметных подходов, а следовательно, и разных явлений.

В этой связи не является бесспорным сделанное в конце 1980-х гг. Ю. В. Бромлеем утверждение о том, что для исследования национальной проблематики может быть использован сложившийся в последнее время в этнографии понятийный аппарат². Его поддержал и В. А. Тишков: "Для

специально исследуется В. И. Игнатьевым. См.: *Игнатьев В. И.* Всемирная история как целостность (Проблемы методологии). Новосибирск, 1993. С. 86-111 и др.

¹ См.: Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйствства и общества // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 54-59.

² См.: Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме: Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1988. № 9. С. 36.

того, чтобы основательно обновить наше теоретическое хозяйство как минимум необходимо задействовать потенциал профилирующей в этой области науки – этнографии¹. Обосновывая свое предложение, Ю. В. Бромлей отмечает, что этническая терминология охватывает все разновидности этнических общностей, поэтому выражает глобальный подход к соответствующим явлениям и позволяет изучать их в масштабе всемирно-исторического процесса².

Возражения на этот счет могут быть двоякого рода.

Во-первых, этническая терминология является всеобъемлющей только в смысле охвата всех исторических форм этнических общностей. Она не выражает глобальности изучения племени, народности и нации в плане охвата их целостности, всех сторон жизни каждой из данных общностей.

Введение в употребление понятия этносоциального организма было, по-видимому, обусловлено тем, что долгое время другие науки не занимались всесторонним изучением народов и этнографии приходилось порой решать задачи этих наук³, в данном случае задачи социально-философской теории. Но подходить к их решению она могла только с точки зрения своего предмета, следовательно в принципе не была в состоянии их решить. Не случайно социально-философская проблематика не нашла (и не могла найти) отражения в категориальном аппарате этнографии. Эту задачу не решает и новая научная дисциплина – этносоциология, поскольку представляет собой не социально-философское, а конкретное социологическое знание об этнических и национальных феноменах⁴. Подобную задачу не ставит перед собой и этнология, рассматривающая лишь специфические внутриэтнические процессы, а не детерминацию их общими социальными условиями и закономерностями⁵.

Во-вторых, как отмечает Ю. В. Бромлей, "проблемы современности не стали еще главным компонентом этнографического изучения народов. Поэтому этнография остается преимущественно исторической дис-

¹ Тишкив В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Сов. этнография. 1989. № 5. С. 6.

² См.: Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 54–59.

³ См.: Бромлей Ю. В. К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // Сов. этнография. 1988. № 4.

⁴ См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998.

⁵ См.: Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 36.

циплиной"¹. За последние десять лет ситуация принципиально не изменилась.

Важно также и то, что в современных этнических концепциях преобладает феноменологический подход, характерными чертами которого являются отсутствие обобщающих теорий при значительном объеме эмпирического материала, преобладание интуитивных методов построения научного знания и использование формальных критериев².

Не спасает ситуацию введенное в научный оборот несколько десятилетий назад понятие этничности. По признанию Н. Г. Скворцова, оно "не может удовлетворительно охватить собой все многообразие межгрупповых взаимодействий, к которым этот термин прилагается"³. Данное понятие, хотя и широко по своему содержанию и интенции, но недостаточно для отражения палитры проблем, связанных с существованием отдельных народов.

Проблема решается, с одной стороны, расширением вкладываемых в понятие этничности смыслов, прежде всего отражающих определенные политические аспекты межэтнических взаимодействий, которые обычно присутствуют в понятии нации (национальной общности), с другой стороны, конституированием новых, базирующихся на нем, понятий. К числу последних принадлежат, например "национализм" и "идентичность", которые часто трактуются как вытекающие из понятия этничности. В этой связи Н. Г. Скворцов обращает внимание на интересный факт: в 1994 г. вместо международного журнала "Этнические группы" появляется новый журнал "Идентичности: глобальные исследования культуры и власти", задача которого, по словам его издателей, состоит в том, чтобы перенести область этнических исследований за пределы описания лишь собственно культурного многообразия⁴.

Для всестороннего изучения национальной проблематики требуется не только использование понятий этнографической науки, этнологии и социальной антропологии, но и развитие собственного категориального аппарата социальной философии. Введение понятия "национальная общность", характеризующего не только нацию, но и предшествующие ей

¹ Бромлей Ю. В. О предмете этнографии... С. 68.

² См.: Павлов А. В. Соотношение феноменологического и сущностного подходов в процессе исследования национальных отношений: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. С.-П., 1995. С. 9.

³ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П., 1997. С. 168.

⁴ Там же.

исторические формы общности людей может способствовать решению данной задачи.

Итак, национальную общность следует понимать как общность людей, имеющую духовно-практическую природу и конституирующую относительно самодостаточную целостность общественных отношений. В отличие от этнической общности, презентирующей традиционно-бытовую сферу жизнедеятельности людей, общность языка и самосознания, непосредственно связанных с воспроизведением человека как основной предпосылки существования общества, национальная общность характеризует целостность всех аспектов общественной жизни определенной совокупности людей в ее отношении к этническому как одному из факторов, детерминирующих социальное бытие. Являясь многосвязной социальной системой, национальная общность предполагает такую совокупность людей, в которой они объединены этническим, хозяйственно-экономическим, территориальным и политическим (в развитом состоянии) признаками, не будучи сводима ни к одному из них. Национальная общность в своем развитии реализуется в разных исторических формах – племени, народности, нации. Все они обладают инвариантными признаками, различаясь степенью развитости, спецификой проявления и ролью этих признаков в формировании органической целостности общности людей.

3. Интернационализация в системе взаимодействия национальных общностей

Введенное представление о национальной общности как носителе процесса интернационализации позволяет перейти непосредственно к характеристике самой интернационализации. Среди основных проявлений данного процесса обычно выделяют углубление взаимовлияния и взаимозависимости национальных общностей, их сближение, выравнивание уровней развития в различных сферах жизни, преодоление замкнутости и изолированности, формирование черт общности и т. п.

Очевидно, что данные моменты выражают различные стороны изучаемого феномена, поэтому они должны быть определенным образом систематизированы. Осознавая это, авторы при определении интернационализации чаще всего идут двумя путями. Одни из них в качестве главной рассматривают ту или иную конкретную характеристику интернационализации (сближение национальных общностей или формирование общности черт, их взаимовлияние и взаимозависимость или усиление всестороннего обмена), считая другие подчиненными моментами. Вторая группа авторов дает определение интернационализации путем фиксации большинства из вышеназванных характеристик.

Такие подходы не могут не вызывать возражений. В первом случае происходит сужение процесса интернационализации до отдельных его проявлений, поскольку отмеченные характеристики, хотя и связаны между собой, в принципе являются рядоположенными, поэтому обозначение сущности процесса через одну из них ведет к тому, что другие остаются за рамки данного определения. Во втором случае имеет место не сущностное, а операциональное определение, являющееся некоторым перечислением эмпирически фиксируемых явлений, а не отражением действительности на собственно теоретическом уровне познания.

Исходным пунктом для выработки общего определения интернационализации общественной жизни национальных общностей могут и должны служить ее конкретные характеристики. Но это возможно лишь при условии, что они в данном определении будут присутствовать в снятом виде. Следовательно, речь идет о поиске понятия более высокого уровня абстракции, чем понятия, выражающие взаимовлияние и взаимозависимость национальных общностей, сближение, общность черт и т. п. В нем последние должны присутствовать в качестве внутренне опосредованных моментов. Через это более общее понятие и должно быть дано определение интернационализации, способное отразить содержание соответствующего процесса.

По нашему мнению, таким понятием выступает понятие "взаимодействие". В диалектико-материалистической философии под взаимодействием понимается категория, фиксирующая порождение одним объектом другого, их взаимное воздействие и взаимную обусловленность, взаимоперевод друг в друга, изменение состояния и т. п. Интернационализация выражает именно такой вид связи национальных общностей, каковым является взаимодействие, – взаимозависимость и взаимовлияние, сближение и формирование общности черт, усиление обмена и выравнивание уровней развития есть не что иное, как элементы одного и того же явления – взаимодействия национальных общностей.

Нельзя сказать, что понятие "взаимодействие" не используется исследователями при анализе интернационализации. Однако оно употребляется, как правило, не категориально.

Категория взаимодействия играет фундаментальную роль в современной картине мира и является существенным методологическим принципом познания природных и общественных явлений. Как отмечает Н. Г. Белянкина, в настоящее время "акцент в постановке проблемы нахождения элементарного объекта смещается с выделения субстрата (в форме элементарной "вещи") на анализ связей, отношений элементов", "элементарность становится продуктом системных отношений, а взаимодействие

выступает в качестве интегральной характеристики"¹. Рассмотрение действительности как взаимодействия является основополагающим принципом в современном научном познании, а изучение закономерностей взаимодействия противоположностей в самой сущности предметов выступает основной задачей науки.

Важно обратить внимание также на то, что категория взаимодействия приобрела существенное значение для объяснения источников развития. Если раньше в диалектической методологии в качестве такового рассматривалась борьба противоположностей, то сейчас – их взаимодействие².

В рамках каждой формы движения материи существует соответствующий ей тип взаимодействия. Социальная форма движения имеет в основе социальное взаимодействие. Специфика социального взаимодействия в отличие от взаимодействий, существующих в рамках иных форм движения материи, состоит в том, что его сторонами являются социальные общности. В процессе взаимодействия каждая из них выступает одновременно и в качестве объекта (для другого субъекта), и в качестве субъекта (являясь носителем воздействия на другую общность). В этом смысле стороны являются взаимообусловленными, а их взаимодействие образует собственно систему.

Если взаимодействие берется как наличное, то в нем фиксируются лишь случайные (несистемные) связи. Его правомерно назвать необходимым (системным) взаимодействием, если оно рассматривается в развитии, т. е. не только функционально, но и генетически. Взаимодействие, взятое в развитии, образует целостное социальное отношение, сторонами которого являются социальные субъекты (общности)³.

В то же время необходимое взаимодействие выступает как диалектическое противоречие, которое включает в себя четыре взаимосвязанных процесса: "Каждая из его сторон полагает свою противоположность, т. е. выступает как предпосылка, необходимое условие ее существования как таковой. Одновременно каждая из сторон отрицает свою противоположность, т. е. собственным движением ограничивает ее развитие. Важный момент противоречивого взаимодействия сторон – их взаимопроникновение. Обе стороны полагают себя друг в друга и возвращаются в себя опосредованно через свое иное. Полагание себя в иное выступает как предпо-

¹ Белянкина Н. Г. О парадоксе элементаристского подхода // Филос. науки. 1988. № 5. С. 96.

² См.: Иезуитов А. Н. Философия взаимодействия. Объяснение необъяснимого. С.-П., 1995.

³ См.: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.

сылка и способ саморазвития этого иного. Возвращение в себя выступает как граница, ограничение развития иного"¹. Обратим внимание на то, что взаимопроникновение осуществляется через снятие воздействия друг на друга, при этом в процессе снятия происходит не только отрицание, но и полагание, т. е. осуществляется не только отрицательный, но и положительный процесс. Результатом взаимодействия сторон выступает формирование одновременно и их тождественности, поскольку существует взаимопроникновение, и различности, так как каждая сторона сохраняет себя как субъект.

Чем более развито взаимодействие, тем более опосредованы взаимосвязи сторон. В результате взаимодействия каждая сторона внутренне дифференцируется. В ней существует не только собственно свое, но и иное, ставшее своим, как опосредованное процессом взаимодействия снятое воздействие другой стороны. Поэтому каждая сторона включает в себя особенное как свойственное только ей, и общее – свойственное и ей, и другой стороне. Диалектику общего и особенного во взаимодействии предельно четко выразил Гегель: "Но если в воздействии объектов друг на друга положена прежде всего их тождественная всеобщность, то столь же необходимо должен быть положен и другой момент понятия – особенность, поэтому объекты показывают свою самостоятельность, сохраняются как внешние друг другу"².

В рамках социального взаимодействия стороны являются относительно самостоятельными и относительно обособленными потому, что они и полагают, и отрицают друг друга, каждая из них и проникает в другую сторону, и противостоит ей, имея свой механизм воспроизведения. Относительная самостоятельность и обособленность социальных общностей делает их несовпадающими и различными относительно друг друга. Эти различия определяют развитие сторон, которое реализуется через ряд циклов их взаимополагания и взаимоотрицания.

Таким образом, социальные общности в процессе взаимодействия одновременно и различны, и тождественны (едины). Различность выражается в том, что каждая из них образует отдельную относительно самостоятельную систему, тождественность – в их взаимном снятии. И то, и другое выступают моментами взаимодействия социальных общностей, а само взаимодействие является одним из необходимых условий их внутреннего

¹ Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986. С. 28, 29.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х т. М., 1972. Т. 3. С. 165, 166.

развития. "Полностью самодостаточных, развивающихся только "из себя" систем не существует"¹.

Специфика социальной формы движения материи состоит в том, что объективная диалектика выступает как диалектика материального и идеального, предметной и духовной составляющих. Соответственно во взаимодействии присутствует сознание как его внутренний компонент. Поскольку в социальной системе каждый субъект существует опосредованно через другой субъект, постольку опосредованным является и его сознание. "Каждый субъект делает свою деятельность и свое сознание предметом своего сознания опосредованно через деятельность и сознание другого субъекта"². По мере развития взаимодействия развивается и сознание социальной общности.

Выделенные характеристики социального взаимодействия являются общими для любой его разновидности, в том числе и для взаимодействия национальных общностей. Но они имеют особую форму проявления, обусловленную своеобразием данного вида социального взаимодействия. Следовательно, взаимодействию национальных общностей присущи, с одной стороны, механизм функционирования и развития, свойственный любому целостному социальному взаимодействию, с другой – содержательное своеобразие, определяемое спецификой взаимодействующих сторон.

Переходя к анализу процесса интернационализации, выделим три его уровня, характеризующих глубину отражения действительности. Первый уровень предполагает исследование взаимодействия национальных общностей в общем плане, понимая последних как носителей активности. Это соответствует рассмотрению взаимодействия в качестве исходного пункта познания. Еще Ф. Энгельс отмечал: "*Взаимодействие – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания*"³.

Второй уровень характеризует углубление познания взаимодействия до фиксации его как причинного отношения: "Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющие движения выступают перед нами – одно как причина,

¹ Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. С. 123.

² Там же. С. 33.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 546.

другое как следствие¹. Такое соотношение взаимодействия и причинности признается и современными философами. Так, О. С. Разумовский пишет, что категория взаимодействия является основой для объяснения механизма причинной связи². А. К. Черненко рассматривает причинность как универсальное взаимодействие³.

Третья ступень познания предполагает отражение процесса на уровне субстанции, ибо объяснение причины невозможно без углубления познания от внешних проявлений к глубинному внутреннему основанию.

Рассмотрение процесса интернационализации как взаимодействия связано с выделением его сторон – носителей процесса. Ими являются национальные общности. Каждая из них воздействует на другую и одновременно воспринимает воздействие с ее стороны. Обе стороны обладают активностью и выступают поэтому в качестве субъекта. Но если каждая национальная общность есть субъект, то она является и объектом для другой общности. Тем самым налицо взаимопроникновение сторон, выражающееся в существовании общности одновременно и как субъекта, и как объекта.

Национальная общность реализует себя как субъект путем полагания и отрицания. Причем, в процессе взаимодействия происходит полагание и отрицание не только другой общности, но и самой себя. Каждая общность, полагая другую, одновременно отрицает себя в себе и полагает себя в эту другую. Затем происходит отрицание себя в другом и полагание себя в себя, т. е. осуществляется возвращение себя в себя, опосредованное через другую общность. Сама национальная общность при этом не остается неизменной, она содержательно обогащается за счет усвоения элементов другой общности.

Процесс полагания и отрицания себя и другой общности является характерным для каждой из сторон взаимодействия, поэтому налицо взаимопроникновение национальных общностей. В нем важно выделить два момента. Во-первых, проявление национальной общности в качестве субъекта путем полагания себя в ином и возвращение в себя (обогащение иным) выражает момент саморазвития национальной общности. В данном случае причина ее развития лежит в ней самой. Во-вторых, проявление этой же национальной общности как объекта, т. е. как подвергаемой полаганию и отрицанию со стороны другой общности, выражает момент ее

¹ Там же. С. 546, 547.

² См.: Разумовский О. С. Бинарное отношение причины и следствия // Детерминизм и современная наука. Воронеж, 1987. С. 67

³ См.: Черненко А. К. Причинность в истории. М., 1983. С. 27-34.

детерминации внешними условиями. В данном случае причиной ее развития выступает эта другая общность.

Если же говорить в целом, то следует признать, что причина развития национальной общности лежит и в ней самой, и в другой общности, т. е. ее развитие определяется и внутренними, и внешними причинами. И в первом, и во втором случае причина реализуется через взаимодействие и во взаимодействии. Таким образом, развитие национальных общностей определяется их взаимодействием и реализуется через взаимопроникновение внутреннего и внешнего. Собственное развитие каждой национальной общности обусловлено как внутренними причинами, так и характером взаимодействия с другой общностью: "не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего обществения"¹. В процессе взаимодействия происходит освоение внешнего, превращение его во внутренние элементы данной общности. В то же время элементы внутреннего становятся достоянием другой общности. Налицо объективная рефлексия национальных общностей.

До начала взаимодействия каждая национальная общность выступает как нерасчлененное с точки зрения национальных характеристик целое. В процессе взаимодействия она дифференцируется, в ней помимо элементов, свойственных только ей (своего), появляются элементы, присущие обеим общностям (иное, ставшее своим). Первое есть особенное, специфическое, как свойственное только данной общности, а потому отличное от иного, второе – общее, как существующее и в данной, и в противоположной общности. Специфическое обозначим понятием "национально-особенное", а общее – понятием "интернациональное". Национально-особенное и интернациональное существуют в единстве и образуют национальное как конкретное тождество, т. е. тождество с различием. Соответственно единство национально-особенного и интернационального обозначим понятием "национальное". Оно выражает внутренние стороны, принадлежащие отдельной общности, характеризуя ее как качественную определенность. Качество, как известно, является синтетической характеристикой, снимающей внутренние различия. Сочетание национально-особенного и интернационального образует национальную общность как отдельное целостное образование. Таким образом, национальное как качественно определенное есть единство различных сторон – национально-особенного и интернационального. Не может быть целостности наци-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 20.

нального, а следовательно, и национальной общности, если нет составляющих ее сторон.

Такая позиция не является общепризнанной. Ее оппонентами являются, например ряд этнографов. Так, В. И. Козлов отстаивает идею о том, что интернациональное (интерэтническое) может существовать вне национального (этнического)¹. "Межэтническая, или интернациональная, культура, – отмечает он, – не является ни частью этнической (национальной) культуры, ни конгломератом таких культур, а представляет собой принципиально иной компонент культуры. Она не просто сосуществует с этнической (национальной) культурой, но взаимодействует с ней. В отдельных случаях это взаимодействие выражается в том, что некоторые элементы межэтнической, или интернациональной, культуры при их усвоении данной этнической средой несколько изменяются и в таком виде включаются в этническую (национальную) культуру. Однако в подавляющем большинстве случаев это взаимодействие приводит к вытеснению элементов этнической культуры из массового употребления, к превращению их в раритеты, к общему сужению зоны традиционно-бытовой культуры"².

Такую позицию можно, на наш взгляд, объяснить тем, что этническое рассматривается как некоторая составляющая культуры, не охватывающая все аспекты жизни отдельных общностей, т. е. понимается не в качестве органической целостности, а лишь как часть (традиционно-бытовая) культуры. В рамках этого подхода разграничиваются понятия (по логике: от общего к частному) "культура", "культура этноса", "этническая культура". Этническое ассоциируется с последним из приведенных понятий, а национальное, в свою очередь, рассматривается как этническое.

В соответствии с нашим подходом, где национальное рассматривается как некоторая целостность, интернациональное вовсе не означает отрицание национального. Напротив, само интернациональное воплощено в национальном. Они соотносятся между собой не как общее и особенное, а как общее и отдельное.

Благодаря своей качественной определенности национальная общность в процессе взаимодействия сохраняет свою самостоятельность и относительную обособленность, что дает ей возможность не сливаться с другой национальной общностью, несмотря на их взаимопроникновение.

¹ Козлов В. И. Этнос и культура. (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // Сов. этнография. 1979. № 3.

² Козлов В. И. Этнос и культура. (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 84, 85.

Это делает их во взаимодействии и различными, и тождественными одновременно. Различность выражает национально-особенное, тождественность – интернациональное. Само интернациональное не следует понимать упрощенно. Оно не существует в "чистом" виде, а воплощается, как правило, в конкретной форме, сообразуясь с внутренними условиями данной национальной общности. Интернациональное опосредовано национально-особенным, которое присутствует в нем как внутренний момент, как некоторая внутренняя форма.

Сам процесс интернационализации характеризует не любое взаимодействие, а лишь то, которое характеризует взаимопроникновение, т. е. рефлексию национальных общностей. В аспекте внешней рефлексии национальные общности проявляют себя одновременно и как объекты, и как субъекты, сохраняя свою относительную обособленность и самостоятельность в условиях нарастания их сближения и взаимной зависимости. В аспекте внутренней рефлексии интернационализация выступает как причинное отношение, как взаимоопосредование внутренних и внешних условий развития национальных общностей. Субстанцию интернационализации составляет взаимопроникновение интернационально-общего и национально-особенного. Данные положения выражают суть рефлексивной концепции интернационализации.

При характеристике субстанции интернационализации речь шла о единстве интернационального и национально-особенного применительно к отдельной национальной общности. Это соответствовало поставленной задаче зафиксировать в данной общности изменения, обусловленные внутренними и внешними причинами. Следовательно, субстанция была отражена с точки зрения результата взаимодействия сторон. В то же время субстанция составляет основу не только продукта, но и самого процесса. Иначе говоря, единство интернационального и национально-особенного, если оно действительно является субстанцией интернационализации, должно характеризовать не только отдельную национальную общность, но и само взаимодействие данной общности с другой общностью.

На самом деле это так и есть. И национально-особенное, и интернациональное формируются, вычленяются первоначально непосредственно во взаимодействии и лишь затем становятся сторонами национального. Именно потому, что интернациональное существует не только в рамках отдельных национальных общностей, но и в самом взаимодействии этих общностей, оно не сводится к сумме общего, существующего в отдельных общностях. Подобно тому, как реальную действительность образуют не только отдельные предметы и явления как таковые, но и связи между ними, интернациональное (а также национально-особенное) существует как внутри национального, так и в самом процессе взаимодействия. Во взаимодействии интернациональное

и национально-особенное выражают момент движения, изменения, в национальной общности – момент относительного покоя, опредмеченный результат взаимодействия.

Как интернациональное, так и национально-особенное не являются раз и навсегда данными. Они развиваются по мере развития взаимодействия национальных общностей. В процессе интернационализации все большее число элементов, свойственных одной национальной общности, становится достоянием другой общности, т. е. превращается в общие для них, интернациональные элементы. Процесс превращения национально-особенного в интернациональное составляет основное содержание интернационализации общественной жизни национальных общностей. В этом смысле правомерно понимание интернационализации как специфической формы обобществления различных сторон общественной жизни национальных общностей¹.

Превращение национально-особенного в интернациональное нельзя рассматривать как исчезновение национально-особенного. Оно не исчезает, а получая жизнь не только в данной, но и в другой национальной общности, приобретает статус общего, снимается в интернациональном. Кроме того, часть национально-особенного воспроизводится, оставаясь исключительным достоянием данной национальной общности, что и определяет отличие ее от другой общности. Причем, воспроизведение является расширенным, ибо национально-особенное развивается сообразно изменению внутренних и внешних условий существования общности. Если национально-особенное не изменяется вместе с изменением национальной общности, а также условиями ее существования, то оно выключается из структуры реально национального, становится "музейным экспонатом".

Основным содержанием интернационализации является формирование элементов сходства и различия, выражющееся в двуедином процессе превращения национально-особенного в интернациональное (интернационализация в узком смысле), а возникающего во взаимодействии интернационального – в элемент национального. Последнее происходит опосредованно через национально-особенное и при этом формируется национальная общность как качественная определенность, снимающая в себе внутренние различия национально-особенного и интернационального.

¹ Интернационализация, понимаемая как форма обобществления, рассматривается рядом автором. См., например: Шпилюк В. А. Интернационализация социалистического образа жизни. Львов, 1979. С. 44; Интернационализация капиталистического хозяйства и международные экономические отношения. Киев, 1983. С. 9; Мирский Р. Я. Патриотизм советского человека: Интернационализм, гражданственность, труд. М., 1988. С. 64, 65.

Каждая национальная общность в процессе интернационализации усваивает инонациональное (свойственное другой общности), а также возникшее интернациональное, превращая их из внешнего во внутреннее, национальное. Этот процесс есть по сути дела не что иное, как национализация¹.

Введение понятия "национализация" в категориальный ряд проблематики интернационализации представляется вполне оправданным. Это позволяет преодолеть односторонность исследования феномена интернационализации, выделение в нем лишь процесса образования интернационального. В действительности он включает в себя также процесс образования национального.

Национализация представляет собой по сути дела то, что обозначается обычно как интернационализация общественной жизни той или иной национальной общности. В строгом смысле слова интернационализация есть взаимопроникновение национальных общностей, т. е. она выступает как сторона непосредственного взаимодействия. То, что происходит в отдельной общности, характеризует не взаимо-, а лишь проникновение в нее внешнего, значит, это лишь часть целостного процесса. Поскольку часть не сводится к целому, поскольку для ее обозначения должно употребляться другое понятие. Понятия "национализация" и "интернационализация" как раз и выражают явления, соотносящиеся как часть и целое.

В процессе взаимодействия не всякое внешнее воздействие является для данной национальной общности позитивным, усваивается общностью и становится органичным элементом ее внутреннего развития. Усвоение внешнего воздействия происходит только тогда, когда оно адекватным образом адаптировано к внутренним условиям, т. е. когда налицо взаимопроникновение внутреннего и внешнего. Процесс адаптации является необходимым условием реализации интернационализации и национализации. При отсутствии адаптации процесс меняет свою сущность. Если внешнее воздействие не адаптировано к внутренним условиям, то происходит либо отторжение этого внешнего и замыкание национальной общности в себе, либо, если процесс внешнего воздействия чрезвычайно интенсивен, разрушение ее основ и постепенное поглощение. И в том, и в другом случае имеет место не интернационализация, а иной вид связи.

Интернационализация определяет формирование нового системного единства взаимодействующих общностей и развитие каждой из них. Дан-

¹ В аналогичном смысле о национализации говорят зарубежные исследователи. См., например: Дресслер-Холохан В. Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. С.-П., 1995. С. 27.

ный процесс как рефлексивное взаимодействие следует отличать от ассилияции. Последняя характеризует не субъект-субъектное, а субъект-объектное взаимодействие, в котором активность сторон является настолько асимметричной, что одна из них превращается в объект для другой. При этом надо иметь в виду, что "ассимиляция представляет собой процесс не только принятия членами той или иной национальной общности иной культуры, но и изменение национальной идентичности, самосознания людей"¹. Если интернационализация ведет к формированию, наряду с интернациональным, также национально-особенного, то ассилияция связана с его поглощением. Продуктом интернационализации применительно к отдельной национальной общности выступает ее развитие, продуктом ассилияции – разрушение. Мерой интернационализации является сохранение национальной общности как целостности, в основе которой лежит оптимальное соотношение национально-особенного и интернационального.

Интернационализацию следует отличать также от интеграции национальных общностей. Они выражают различные стадии развития взаимодействия, в результате которого осуществляется переход одного вида связи в другой. Интернационализация характеризует взаимопроникновение относительно обособленных национальных общностей, интеграция – их слияние в единую общность, образование из двух (или большего числа) общностей новой общности. Примером интеграции может служить процесс образования нации из нескольких народностей или народности – из ряда племени.

Очевидно, что элементы ассилияция и интеграции могут присутствовать в рамках процесса интернационализации, но они являются в ней не определяющими, а подчиненными моментами и затрагивают не весь процесс как таковой, а лишь отдельные его стороны. В процессе интернационализации каждая национальная общность выступает как целостность, которую обеспечивает, как отмечалось, единство интернационального и национально-особенного. Нарушение меры этого единства неблагоприятно для национальной общности и может привести к ее деградации.

Таким образом, интернационализация, интеграция и ассилияция представляют собой различные типы межнационального взаимодействия. В этой связи следует обратить внимание на то, что существующая в литературе точка зрения на понимание интернационализации как взаимодействия национальных общностей² является верной лишь в первом прибли-

¹ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 146.

² См.: Попкова Т. В. Интернационализация общественной жизни народностей Севера в процессе перехода к социализму: Автореф. дис. ... канд. филос. наук.

жении. Указывая методологические ориентиры для адекватного анализа рассматриваемого процесса, такое понимание требует корректировки. Как было показано выше, не всякое межнациональное взаимодействие характеризует интернационализацию, а лишь то, которое является рефлексивным. Под рефлексивным понимается такое взаимодействие, в рамках которого существует взаимопроникновение национальных общностей, т. е. здесь развитие каждой из них осуществляется через другую общность, при этом обе они сохраняются в качестве органических целостностей.

Не все то, что присутствует в непосредственном процессе интернационализации как интернациональное, является таковым для отдельной национальной общности. Для нее оно является действительно интернациональным, если стало органичным элементом внутренней структуры, что возможно при опосредовании национально-особенным. Когда этого не происходит, внешнее, интернациональное, выступает для национальной общности просто в качестве инонационального. Последнее может присутствовать в рамках отдельной общности, но не быть включенным в механизм ее функционирования и развития.

В то же время можно говорить о разном интернациональном. Таковым является и то, что возникло в процессе взаимодействия двух или трех общностей, и то, что существует в мировом масштабе как результат взаимодействия сотен различных общностей. Иначе говоря, само интернациональное имеет в каждом конкретном случае различную степень общности.

Взаимодействие национальных общностей имеет циклический характер. Каждый цикл представляет собой диалектическое отрицание предшествующего и полагание последующих циклов. Предыдущий процесс взаимодействия снимается в продукте актуального процесса, который, в свою очередь, выступает объективным условием для его протекания в будущем. Именно циклическость взаимодействия обеспечивает развитие национальных общностей. Расширенное воспроизведение взаимодействия детерминирует, с одной стороны, тенденцию сближения национальных общностей, с другой – тенденцию к их обособлению, поскольку с воспроизведением взаимодействия воспроизводится и качественная определенность участвующих в нем субъектов.

Как можно заметить, вводя понятие циклическости в анализ процесса интернационализации, мы имеем в виду не "движение по кругу", не простое воспроизведение, а расширенное, рассматривая циклическость в качестве момента развития. Ее составным элементом выступает снятие как единство отрицания и полагания.

Новосибирск, 1986. С. 7; Мархинин В. В. Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни. С. 130.

Взаимодействие национальных общностей существует в различных сферах жизни. В сфере материального производства возникновение взаимодействия связано с появлением общих для различных общностей предметов деятельности, которые опосредуют взаимодействие. "Первоначально это предметы обмена. Чем более развито взаимодействие, тем в большей степени такие посредники становятся предметами и продуктами совместного производства. Формирование совместного производства полагает весь цикл последующих взаимодействий в процессе обмена, распределения и потребления и создает, таким образом, единую материальную основу дальнейшего взаимодействия"¹. Аналогичен механизм взаимодействия национальных общностей и в других сферах.

Каждый новый цикл взаимодействия представляет собой сохранение тождественности процесса самому себе и в то же время его изменение. Постоянное воспроизведение взаимодействия определяет его непрерывное развитие, что ведет к соответствующему развитию и взаимодействующих сторон. С каждым новым циклом осуществляется переход взаимодействия в такое состояние, которое, сохранив генетическую связь с предшествующим, одновременно проявляется в дальнейшем взаимопроникновении национальных общностей, в их сближении и внутреннем развитии каждой из них. Национальное обогащается интернациональным, не переставая при этом быть национальным. Рост интернационального обуславливает сближение данной национальной общности с другой, но одновременно воспроизводится и обособление, которое выражает сохранение качественной определенности национальной общности. Это обособление является диалектической противоположностью сближения общностей, т. е. в процессе интернационализации национальные общности выступают как качественно различные, но генетически связанные между собой стороны. Чем более развит процесс интернационализации, тем сильнее их зависимость друг от друга. Внутреннее состояние каждой из национальных общностей выступает как снятое внешнее воздействие, а внешнее ее проявление – снятое внутреннее состояние.

Здесь сделан акцент на объективном характере рефлексии национальных общностей. Это, однако, не означает, что она осуществляется без участия духовных предпосылок. В процессе интернационализации они играют такую же роль, какую духовная сторона играет в ходе всемирной истории вообще. В этой связи уместно вспомнить следующее положение Гегеля: "При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговоротение, которое вечно повторяется; в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении

¹ Фофанов В. П. Категория "отдельное" и статус... С. 329.

многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Это явление, совершающееся в духовной сфере, позволяет вообще обнаружить в человеке иное определение, чем в чисто естественных вещах, в которых всегда проявляется один и тот же характер, остающийся неизменным, а именно действительную способность к изменению, и притом к лучшему – стремлению к усовершенствованию¹.

Как и всякое социальное взаимодействие, взаимодействие национальных общностей включает в себя в качестве внутреннего опосредования духовную компоненту, сознание. Им обладает каждый субъект, и в рамках данного взаимодействия оно выступает в форме национального сознания. Так же как и сама национальная общность, национальное сознание формируется во взаимодействии, т. е. опосредованно через другого субъекта и его сознание, и включает в себя элементы интернационального и национально-особенного.

Национальное сознание вторично по отношению к процессу социально-практического взаимодействия национальных общностей и в то же время относительно самостоятельно, что проявляется в его активной роли. Любое изменение и, тем более, развитие национальной общности, а также системы межнациональных взаимодействий, осуществляется опосредованно через национальное сознание. Оно участвует в определении характера и направленности взаимодействия. Духовная составляющая взаимодействия выражает содержание субъективной рефлексии национальных общностей.

В целом роль национального сознания во взаимодействии национальных общностей состоит в том, что оно выступает необходимым звеном механизма осуществления выбора возможного направления изменения системы. Предшествующее развитие взаимодействия создает некоторый набор вариантов его дальнейшего развития и развития каждой общности. Этот набор задан объективно. Выбор одного из вариантов осуществляется непосредственно субъектами, и важная роль при этом принадлежит национальному сознанию. От субъекта непосредственно зависит, на что сделать упор в дальнейшем движении национальной общности: на ионациональное или национальное, внешние условия или собственные основания, на разумное сочетание того и другого. Крайними вариантами являются ориентация на полную "открытость" национальной общности, т. е. на преобладание ионационального, и полную "закрытость" – преобладание национально-особенного. Первый из них ведет к ее растворению в других общностях, второй – к стагнации. Состояние "закрытости" может

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М. Л., 1935. С. 51, 52.

быть только временным. В этом случае национальная общность во взаимодействии с другими общностями перестает выступать в качестве субъекта, а потому превращается в объект. Но тогда она рано или поздно ассилируется, начав противодействовать ассилияции, вновь превращается в субъект, меняя при этом ориентацию и делая упор на оптимальное сочетание внутреннего и внешнего, национально-особенного и инонационального. Общность является субъектом до тех пор, пока она в состоянии контролировать интенсивность и характер внешнего воздействия на нее и определять свое собственное развитие, естественно, при учете всей совокупности существующих обстоятельств.

И в случае полной "открытости", и в условиях полной "закрытости" нарушается мера соотношения основных сторон национальной общности – национально-особенного и интернационального, – поэтому она теряет свою целостность. Сохранение целостности возможно лишь в процессе интернационализации, обеспечивающей взаимопроникновение внутреннего и внешнего, национально-особенного и интернационального, а тем самым и развитие национальной общности.

С этим связано адекватное понимание национального вопроса как необходимости реализации национального интереса. Сущность национального интереса состоит не в обособлении или абсолютной независимости национальной общности и не просто в ее самоопределении, а в воспроизведстве объективных условий, обеспечивающих ее развитие и сохранение как целостности. Это возможно только в процессе интернационализации, понимаемой диалектически. Соответственно содержание национального вопроса заключается в определении условий, необходимых и достаточных для устойчивого воспроизведения формируемых в процессе интернационализации внутренних и внешних предпосылок, которые обеспечивают функционирование и развитие национальных общностей в качестве целостных субъектов системы национальных отношений.

Фиксация цикличного характера взаимодействия национальных общностей характеризует его не только как наличное (функционально), но и в развитии (генетически). Взятое в развитии, данное взаимодействие выступает как необходимое, поэтому оно предстает в качестве целостного социального отношения, сторонами которого являются национальные общности, т. е. оно есть национальное отношение. С точки зрения социально-философского подхода национальное отношение не сводится к общению представителей различных национальностей, а выражает взаимодействие на уровне национальных общностей, затрагивающее все стороны жизнедеятельности людей, образующих эти общности. Последние являются противоположными сторонами национального отношения, поэтому их взаимодействие образует диалектическое противоречие. Нацио-

нальное отношение есть нечто единое. Но это единство является не абстрактным, а конкретным как единство противоположностей, которое в качестве внутренних моментов включает в себя их соперничество (борьбу) и сотрудничество. Развитое состояние взаимодействия национальных общностей, выход его за рамки геосоциальных организмов и превращение во взаимодействие между государствами конструируют систему международных отношений в общепринятом смысле слова.

Национальное отношение выражает взятый в развитии процесс взаимодействия национальных общностей, для которого характерна взаимосвязь внутренних и внешних условий существования данных общностей. Для характеристики совокупности внутренних условий национальных общностей введем понятие "внутринациональные отношения", а для характеристики внешних связей между ними – "межнациональные отношения". Соответственно понятие "национальное отношение" будем рассматривать как единство внутринациональных и межнациональных отношений.

Итак, в соответствии с нашей точкой зрения, интернационализация представляет собой процесс рефлексивного взаимодействия национальных общностей. Будучи внутренне противоречивым явлением, она характеризует единство тождества и различия национальных общностей, их сближения и обособления, зависимости и самостоятельности. В аспекте внешней рефлексии процесс интернационализации протекает как взаимопроникновение национальных общностей, функционирующих одновременно в качестве объектов и субъектов взаимодействия; в аспекте внутренней рефлексии он фиксируется как взаимоопосредование внешних и внутренних условий развития национальных общностей. Субстанцию интернационализации составляет взаимопроникновение интернационального и национально-особенного. В процессе интернационализации национальных общностей взаимопроникновение осуществляется как в базисных, материально-предметных, основаниях (уровень объективной рефлексии), так и в сознании, а также и надстроекных, государственно-правовых, структурах (уровень субъективной рефлексии). Продуктом интернационализации является развитие национальных общностей; мерой интернационализации является сохранение целостности национальных общностей как относительно самостоятельных образований.

Глава 2. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

1. Интернационализация как фактор процессуальности всемирной истории

Исследования по теории исторического процесса имеют давнюю традицию и осуществляются в рамках различных научных направлений. Заложенные А. Фергюссоном, А. Тюрго, А. Смитом, Л. Морганом, А. Бахофеном и Э. Тайлером основы теории стадиального развития общества впоследствии были развиты в двух основных ее концепциях – формационной (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин) и концепции индустриального общества (Д. Белл, У. Ростоу, О. Тоффлер, Р. Дарендорф, А. Турен, Э. Гидденс и др.). Данному направлению противостоит так называемый цивилизационный подход в понимании истории, основоположниками которого являются Ж. А. Гобино и Г. Риккерт, а наиболее яркими последователями – Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, А. Кребер, Л. Н. Гумилев.

Направление, снимающее ограничения стадиального и цивилизационного подходов и фиксирующее движение истории в единстве временного и пространственного аспектов, составляют работы Ж. Бодена, Л. Леруа, Дж.Хейквилла, И. Г. Гердера, И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля¹. К числу последних отечественных исследований, выполненных в рамках данного направления, принадлежат монография С. Г. Ларченко и С. Н. Еремина², в которой межкультурные взаимодействия рассматриваются в качестве необходимого условия становления единства всемирно-исторического процесса, и монография В. И. Игнатьева³, посвященная опыту построение общей теории целостности всемирной истории на основе современных представлений о системном подходе. Полученные здесь результаты имеют важное методологическое значение для разработки философско-исторической концепции интернационализации, раскрывающей роль данного процесса во всемирной истории и в развитии отдельных национальных общностей.

Другим основанием для решения указанной задачи являются результаты конкретных исследований в других отраслях обществознания – архео-

¹ См. Об этом подробнее: Семенов Ю. И. Всемирная история в самом сжатом изложении // Восток. 1997. № 2.

² См.: Ларченко С. Г., Еремин С. Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск, 1991.

³ См.: Игнатьев В. И. Всемирная история как целостность. (Проблемы методологии). Новосибирск, 1993.

логии, этнографии, социальной антропологии, истории – по вопросу об источниках развития отдельных национальных общностей. На этой методологической и информационной базе предполагается осуществить переосмысление и расширение сложившихся исследовательских подходов для анализа процесса интернационализации.

Можно выделить два основных, противоположных по своей сути, направления в трактовке источников культурного развития и исторического процесса. Представители эволюционизма, придерживающиеся в основном концепции стадиального развития, отстаивают идею культурного единства человечества и прогрессивности его эволюции, сходные элементы культуры рассматриваются как результат сходных условий жизни. Так называемые диффузионисты, напротив, считают, что подобного рода элементы являются продуктом миграций, в ходе которых среди разных этносов распространяются возникшие в отдельных местах оригинальные культурные явления¹. Изучение диффузии культур было поставлено в качестве важнейшей задачи представителями культурно-исторической школы при сравнительном изучении цивилизаций. Выдвинутая ими теория культурных кругов предполагала анализ всесторонних связей между историческими общностями людей.

В советском обществознании на протяжении продолжительного времени господствовала стадиальная теория. Археологами, этнографами, лингвистами, историками культуры появление у разных народов одних и тех же или подобных явлений объяснялось исключительно достижением ими определенной стадии развития (одинаковые стадии рождают сходные или тождественные явления и элементы культуры)². В социальной философии аналогичный подход присутствовал в формационной теории.

Положения стадиальной парадигмы имели широкое распространение, часто они не подвергались сомнению даже тогда, когда конкретный исторический материал требовал иных интерпретаций. Как отмечает Л. С. Васильев, "особенности процесса просачивания чуждых элементов и компонентов в рамки данной общности, связанные с быстрым усвоением заимствованного и превращением его в органическую часть своего, нередко мешают с точностью определить, чему обязано данное общество знакомством с тем или иным важным культурным нововведением и изобретением. В этих неясных случаях многие специалисты предпочитают, не мудр-

¹ См.: Козлов В. И. Этнос и культура. (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 74, 75.

² См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976. С. 15, 16.

ствую лукаво, исходить из кажущегося им вполне естественным предположения, что данное общество самостоятельно, конвергентно приобрело свои познания. При этом роль внешних импульсов обычно считается второ- и третьестепенной, а постулат о закономерной спонтанной конвергентной эволюции чуть ли не каждой этнокультурной общности представляется неоспоримым¹.

В русле этой позиции следует рассматривать точку зрения о вреде межэтнических (этнокультурных) контактов. Л. Н. Гумилев считает, что нормальное взаимодействие этносов невозможно вследствие несовместимости присущего каждому из них особого биофизического поля: "Если этносы – процессы, то при столкновении двух несхожих процессов возникает интерференция, нарушающая каждую из исходных частей. Складывающиеся объединения химерны, а значит, не стойки перед посторонними воздействиями и недолговечны. Гибель химерной системы влечет аннигиляцию ее компонентов и вымирание людей, в эту систему вовлеченные"². Подобную идею поддерживает Ю. М. Бородай³. Он полагает, что развитие этноса невозможно, поскольку оно означает для него размывание и утрату специфических качеств. "Лучший способ сохранить этническую самобытность, – по его убеждению, – оставить народ в первобытной дикости"⁴.

Данная позиция во многом перекликается с долгое время существовавшим в зарубежной науке представлением о консервативности культурных явлений и неизменности традиционной жизни народов периферийных регионов планеты⁵.

Существенные изменения, произошедшие в последние десятилетия в традиционных обществах по всему миру, привели многих исследователей к осознанию необходимости корректировки устоявшихся представлений: в отличие от периода раннего структурализма эти общества и соответствующие культуры перестали рассматриваться как однозначно изолированные, статические и гомогенные образования. Произошла трансформация исследовательских подходов, а вместе с ними изменилась и используемая для обозначения основного объекта изучения терминология. Например, в социальной антропологии понятия "племя", "трайбовый" усту-

¹ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976. С. 14.

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд. Л., 1990. С. 91.

³ См.: Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда // Природа. 1981. № 1.

⁴ Он же. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 320.

⁵ См.: Бромлей Ю. В., Козлов В. И. X Международный конгресс антропологических и этнологических наук // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 6.

пили место понятиям "этническая группа", "этнический". Терминологические изменения не есть просто замена одних слов другими. "Важно то, что термин "этническая группа" подразумевает наличие контакта и взаимодействия. Говорить об этнической группе, находящейся в полной изоляции, – полный абсурд. По определению этнические группы остаются более или менее дискретными, но они осознаются членами других этнических групп, и между ними в той или иной форме осуществляются контакты. Более того, данные группы, или категории, в определенном смысле создаются посредством этих самых контактов. Групповая и индивидуальная идентичность может быть определена только в отношении тех, кто к этой идентичности не принадлежит, другими словами, по отношению к тем, кто не является членом данной группы"¹. При этом под этнической группой имеется в виду, как правило, содержание, близкое по смыслу понятию "народ" в его этническом значении.

Важным представляется введение в западных научных исследованиях в 60-х гг. нашего века понятия этничности, которое начало играть существенную роль в методологических ориентациях исследователей. По мнению Н. Г. Скворцова, оно стало своеобразным мостиком между полюсами социальной антропологии, во-первых, подчеркивая динамику, а не статику в отношениях между этническими группами, во-вторых, показывая относительность границ категорий "мы" и "они", и, в-третьих, связывая архаичность и современность². Лишь недавно стало очевидно, что так называемые примитивные общества «никогда не являлись столь изолированными, как это предполагалось раньше. Они были не более "девственными" и "первичными", чем наши собственные общества»³.

Но такая оценка не является общепризнанной. До сих пор сохраняется представление об обособленности существования человеческих сообществ на ранних этапах истории. Так, М. Хайслер, говоря о трансформации феномена этничности, выделяет четыре ее исторические стадии и соответствующие им типы социальной организации. При этом для двух первых стадий, свойственных доиндустриальным обществам, характерным является, на его взгляд, изолированное и независимое существование отдельных групп населения⁴.

Подобное мнение присутствует и в других областях обществознания. Оно превалирует, например, в экономической теории, социальной фило-

¹ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П., 1997. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 144.

⁴ См.: Heisler M. Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts / Toronto, 1990. P. 30.

софии и теоретической социологии. "В прошлом, – отмечает П. Птомпка, – общество представляло собой чрезвычайно пеструю, разнородную мозаику, составленную из изолированных социальных единиц, начиная от орд, племен, царств, империй и кончая еще относительно недавно наиболее широко распространенной формой – национальным государством. Каждое из этих множественных или единичных политических образований имело независимую, самоподдерживающуюся и самодостаточную экономику, собственную культуру, сохранявшую свою уникальную идентичность, которая не пересекалась и была несогласима с остальными"¹. Как покажет дальнейший анализ, такая позиция не соответствует реальному положению вещей.

Большинство исследователей в вопросе о возникновении процесса интернационализации исходят из признания его как необходимого продукта капиталистической стадии общественного развития. Такая позиция логично следует, во-первых, из рассмотрения интернационализации в качестве взаимной связи народов во всемирном масштабе, во-вторых, из отождествления национальной общности как носителя данного процесса с буржуазной нацией. Поскольку и то, и другое появляется в условиях капитализма, постольку и становление интернационализации связывают с буржуазной эпохой.

Вместе с тем отдельные авторы признают наличие процесса интернационализации в докапиталистический период истории. Например, Г. Шахназаров считает, что многие духовные и материальные предпосылки данного процесса формировались с древнейших времен². А. И. Холмогоров связывает появление интернационализации общественной жизни народов с возникновением классового общества, и в частности разделения труда и взаимного обмена продуктами производства³. Это положение поддержано Е. П. Черновым, который высказал мысль о возникновении в экономике тенденции интернационализации в период разложения первобытно-общинного строя, что обусловлено, по его мнению, разделением труда, появлением некоторой специализации первобытных общин и установлением обмена между ними⁴. По существу, признают существование интернаци-

¹ Птомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. С. 120, 121.

² Шахназаров Г. Интернационализация – истоки, содержание, ступени развития // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 1986. № 5. С. 21.

³ Холмогоров А. И. Интернациональные черты советских наций. М., 1970. С. 7.

⁴ См.: Единство интернационального и национального в социально-экономическом развитии союзной республики. Фрунзе, 1987. С. 6.

нализации на ранних исторических этапах В. Е. Давидович и Р. Я. Абolina, хотя не употребляют непосредственно термина "интернационализация": "Единство и взаимопроникновение, общение и обособление, взаимодействия и взаимоотталкивания, связи и противопоставление – все это характеризует противоречивое единство разных общностей, составляющих человечество на ранних этапах его истории"¹. В качестве необходимого момента исторического процесса на всех его этапах рассматривается интернационализация Т. В. Попковой².

Специально проблеме интернационализации как одного из факторов общественного развития посвящена монография А. И. Козаева. В ней интернационализация признается в качестве объективной закономерности общественного прогресса³. Представляется, на наш взгляд, правомерным следующее утверждение автора: "Интернациональные связи – одно из проявлений и одна из форм всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности общественной жизни и человеческой истории. Естественно, что такие связи существовали с самого начала существования человечества. Более того, человечество – продукт этих многообразных связей и отношений. Если наиболее интенсивные интернациональные связи устанавливаются с появлением общего мирового рынка, то есть с возникновением капитализма, то это вовсе не значит, что подобных связей прежде не было вообще. Экономические, политические и культурные связи между народами существовали на протяжении всей истории классового развития общества, а частичные, примитивные и стихийные хозяйствственные и культурные связи имелись еще и в первобытно-общинном строе"⁴.

Зафиксировав эти моменты, А. И. Козаев совершенно справедливо обращает внимание на качественное отличие интернациональных связей в докапиталистических обществах и в ходе последующего развития: по форме, содержанию, глубине, интенсивности и широте⁵. Но далее приходит к выводу, что в эпохи первобытной, рабовладельческой и феодальной формаций связи между отдельными народами не были внутренне неизбежными, а являлись случайными и эпизодическими. Их превращение в необходимые и постоянные, отмечает автор, связано с утверждением капитализма⁶.

¹ Давидович В. Е., Абolina Р. Я. Кто ты человечество? М., 1975. С. 56.

² См. Попкова Т. В. Интернационализация общественной жизни народностей Севера в процессе перехода к социализму: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1986. С. 10-12.

³ См. Козаев А. И. Диалектика интернациональных связей и общественного прогресса. Цхинвали, 1987. С. 7.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 94, 95.

Но если связи являются случайными, то они не могут выражать закономерность. Следовательно, провозглашенное в начале анализируемой монографии положение о том, что интернационализация есть объективная закономерность общественного прогресса, можно понимать двояко: либо оно относится только к определенному историческому периоду, а именно начиная с эпохи капитализма, либо эта идея высказана без должного основания.

В действительности утверждение о существовании интернационализации в докапиталистические эпохи не является достаточно обоснованным. А вопрос о взаимообусловленности интернационализации и общественного прогресса основательно рассматривается исследователями лишь применительно к условиям индустриального общества.

Тем не менее интернационализация, по нашему мнению, выражает необходимые связи между национальными общностями не только буржуазной и последующей эпох, но и на всех предшествующих этапах всемирно-исторического процесса. Понятно, что данное утверждение требует аргументации и предполагает решение ряда теоретических вопросов, в том числе вопроса о выделении интернационализации как социального процесса.

Прежде чем приступить к их содержательному анализу, сделаем несколько предварительных замечаний. Во-первых, как было показано в первой главе, понятие "национальная общность" мы не сводим только к нации, а понимаем под ним и предшествующие ей исторические формы общностей – племя и народность.

Во-вторых, мы солидарны, в частности, с А. И. Козаевым в понимании содержания понятия "интернациональные связи". Дословно они означают связи между народами и поэтому выражают отношения между всеми национальными общностями, существующими в человеческой истории¹.

В-третьих, в качестве основополагающего методологического средства исследования процесса интернационализации в данном случае используется системно-генетический подход, согласно которому капиталистическую интернационализацию как относительно развитую форму данного процесса следует рассмотреть в ее обусловленности предшествующим развитием, т. е. необходимо отразить ее генезис. Внутренним опосредованием системно-генетического подхода является функциональный аспект, поскольку функционирование представляет собой момент развития. Только в единстве этих аспектов (иначе их называют синхронным и диахронным) можно воспроизвести целостность изучаемого процесса².

¹ См. Козаев А. И. Диалектика интернациональных связей... С. 85.

² О генетическом и функциональном аспектах исследования в рамках восхождения от абстрактного к конкретному и их соотношении между собой см.: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 90-92.

Взаимопроникновение генетического и функционального аспектов проявляется, в частности, в установлении того факта, что всякий продукт представляет собой снятый процесс, его породивший. Чтобы объяснить настоящее состояние того или иного явления, нужно воспроизвести логику его развития. В то же время достаточно адекватно понять предшествующее можно, лишь зная его развитое состояние. Так, говоря о буржуазном обществе как результате исторического развития, К. Маркс отмечал, что оно есть "наиболее развитая и наиболее многогранная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влечь за собой еще неопределенные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т. д."¹

Подобным образом дело обстоит и с процессом интернационализации. Описанное в предыдущей главе абстрактно-общее представление об интернационализации, выражающее ее развитое состояние, может служить отправным пунктом исследования ее генезиса.

По нашему мнению, процесс интернационализации берет свое начало с периода становления человеческой истории. Мало того, он может рассматриваться в качестве пускового механизма исторического процесса, если, конечно, под интернационализацией не иметь в виду ее развитую форму в виде всесторонней зависимости и всесторонней связи национальных общностей во всемирном масштабе, соответствующей эпохе развития капитализма.

В соответствии с общепринятой точкой зрения, сообщество людей возникает из органического мира, из некоторого природного организма. На первоначальном этапе социальное присутствует в нем как второстепенное, как внутренний момент природного функционирования. В этих условиях сообщество людей, точнее говоря, пред-людей, целиком детерминировано природной средой. Социальное превращается в относительно самостоятельную систему только тогда, когда данное сообщество вступает в отношение с другим сообществом. Становление социального является результатом взаимодействия и взаимопроникновения сообществ. Именно это взаимодействие (с взаимопроникновением) определяет превращение природных организмов в организмы социальные. Только взаимодействие социальных организмов между собой делает каждый из них собственно со-

¹ См.: Из рукописного наследства К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 731.

циальным. "Когда среда только природна, о социальном организме можно говорить лишь в смысле становления. В чисто природной среде и социальный организм, по сути, лишь природен... Поэтому для социального развития необходимо как минимум два взаимодействующих общества. Они не могут выделиться из природы, не имея основания друг в друге. Опираясь только на природу, они останутся только природными объектами"¹.

Исторический процесс как таковой возникает тогда, когда социальные организмы обретают внутренние источники развития, существующие наряду с природными предпосылками. История для изолированного социального организма невозможна, как невозможно возникновение и развитие человеческого общества без взаимодействия и взаимопроникновения этих социальных организмов. Поскольку отдельный социальный организм первоначально является демосоциальным образованием, которое совпадает с племенем, а оно, в свою очередь, выступает исходной формой национальной общности, постольку можно говорить об интернационализации как условии исторического процесса уже на первоначальном этапе.

Такой теоретический вывод подтверждается современными конкретно-научными данными истории, археологии, палеоантропологии. Так, авторы фундаментального труда по истории первобытного общества эпохи первобытной родовой общины отмечают: "Завершение становления человека и общества было невозможно без преодоления замкнутости праобщин. И она была преодолена. Становление человека и общества завершилось"².

Каждая из конкретных человеческих общностей изначально возникает под воздействием непосредственной природной среды ее обитания. Различия этой среды определяют и различия конкретных народов. Естественные различия обусловливают соответствующее своеобразие образа жизни тех или иных общностей. Очевидно, эти различия образуют разные этнические общности, характерной чертой которых является непосредственная их связь с природной средой. Многообразие природы обуславливает многообразие народов. Как отмечает Ю. В. Бромлей, этнос и среда его обитания составляют определенную целостность – этноэкологическую систему³.

В процессе взаимодействия этнических общностей между собой возникает собственно социальное, которое в единстве с этническим образует национальное. Собственно национальная общность является продуктом

¹ Фофанов В. П. Категория "отдельное" и статус гуманитарных наук // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 328.

² История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 73.

³ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 222.

взаимодействия этнических общностей, опосредованного социальной сущностью. В результате национальная общность выступает как внутренне дифференцированное целое, характеризующееся исторически возникшими различием и одновременно единством с другой национальной общностью, т. е. единством национально-особенного и интернационального. Это обеспечивается благодаря взаимопроникновению общностей друг в друга, т. е. интернационализации. Поскольку первоначально национальная общность совпадает с социальным организмом, постольку интернационализация является не только условием формирования национальной общности, но и пусковым механизмом исторического процесса как такового.

Сформулировав положение о том, что интернационализация является необходимой стороной исторического процесса с самого его начала, и рассмотрев механизм становления интернационализации как пускового механизма развития общества, мы далее сосредоточим основное внимание на исследовании роли взаимодействия национальных общностей в развитии каждой из них. Логика такого движения исходит из понимания того, что исторический процесс не является движением абстрактного общества, а представляет собой развитие множества конкретных национальных общностей, через которые этот процесс и реализуется.

Вместе с тем последний не сводится к сумме историй развития конкретных народов, а выступает результатом их взаимодействия. Поэтому исторический процесс может рассматриваться как некоторая целостность, снимающая в себе движение отдельных народов¹. В этом смысле он предстает в качестве последовательной смены определенных стадий социальной эволюции. В марксистской традиции под основными стадиями понимаются формации, а подход, фиксирующий рассмотрение исторического процесса под этим углом зрения, называется формационным. В последнее время он активно критикуется в литературе, хотя в целом до сих пор не потерял своей актуальности². Мы будем говорить о нем в смысле проявления диахронного подхода.

В этом аспекте исследование роли интернационализации в историческом процессе должно быть дополнено выяснением вопроса о том, в каком отношении она находится к смене формаций. Современные достижения обществознания позволяют сделать вывод о взаимодействии наци-

¹ См. об этом подробно: *Ларченко С. Г., Еремин С. Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе*. Новосибирск, 1991; *Игнатьев В. И. Всеобщая история как целостность. (Проблемы методологии)*. Новосибирск, 1993.

² См., например: *Арутюнов С. А. Семенов Ю. И. И. М. Дьяконов. Пути истории. От древнейшего человека до настоящих дней // Этногр. обозр. 1996. № 2.*

нальных общностей как одном из необходимых условий перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Становление классового общества связано, как известно, с формированием частной собственности на средства производства. Сама она развивается из так называемой обособленной собственности, представляющей собой собственность отдельных семей в рамках общины. Обособленная собственность "существует уже в древней первобытной общине всех культурных народов, хотя и распространяется только на некоторые предметы. Уже внутри этой общины частная собственность развивается в форму товара, сначала в обмене с чужестранцами"¹. Именно тогда, когда товарный обмен проникает в общину, обособленная собственность перерастает в определенный тип частной собственности². Иными словами, возникновение экономической основы классового общества, т. е. частной собственности, непосредственно связано с взаимодействием различных общин (племен), главной формой которого в этот период и был межплеменной обмен. В настоящее время вряд ли кто-то из серьезных исследователей будет спорить с тем, что внешний обмен первичен по отношению к внутреннему.

Внутреннее развитие того или иного племени, в данном случае развитие по пути производства прибавочного продукта и возникновение на этой основе частной собственности, нельзя объяснить только уровнем его материального производства. Оно обусловлено также и взаимодействием с другими общностями. В рамках конкретной общности могут существовать условия производства продуктов сверх необходимого для удовлетворения внутренних потребностей уровня. Но если в данных продуктах нет потребности за пределами общности, то и их производство не может быть реализовано.

К числу первых раннеклассовых государств принадлежат государства Востока со свойственной им деспотической централизованной формой власти. Многие из них возникли в результате племенных завоеваний, таких, например, как раджпутские, тюркские, афганские завоевания в Индии, сельджукские, монгольские, османские завоевания, охватившие обширные территории, маньчжурские завоевания Китая³. Завоеванные племена обладали устойчивой патриархально-общинной "демократической" структурой, для уничтожения и преодоления сопротивления которой, как

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюоринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 165.

² См. Румянцев А. М. Первобытный способ производства. М., 1987. С. 286.

³ См.: Ким Г. Ф., Аирафян К. З. Государство в традиционных обществах Востока: Некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 9, 10.

отмечают Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян, понадобилась особая форма управления – государственная власть в форме деспотии: "Спаянные узами родства, древнейшие общины были трудным объектом эксплуатации извне. Подчинение их с целью эксплуатации требовало не только консолидации господствующего класса и государственной централизации, но и предопределяло деспотическую форму политической власти"¹. Используя ее, являвшаяся господствующей в экономическом отношении группа людей становилась господствующей и в политическом смысле, добиваясь повиновения как соплеменников, так и представителей завоеванных племен. Таким образом, политическая основа классового общества – государство, – так же как экономическая основа, в существенной мере была обусловлена взаимодействием данной национальной общности с другой, выступая своеобразным отражением внешнего воздействия со стороны захваченных народов. В принципе государство возникло как продукт взаимопроникновения разных общностей.

Разложение рабовладельческого общества и появление феодального также связано с взаимодействием, причем взаимодействием народов, представлявших собой национальные общности различных формационных типов – первобытного и рабовладельческого. Как отмечает А. Я. Гуревич, гибель рабовладельческому строю принесли племена, находившиеся на более низкой ступени развития. "Магистральная линия пути к феодализму лежала не через разложение рабовладельческого способа производства, а через трансформации доклассовых, архаических обществ"².

Становление капиталистического способа производства связано с взаимодействием европейских народов с находившимися на более низкой ступени развития народами Америки, Азии и Африки. Важную роль в этом сыграли великие географические открытия, позволившие найти территории, ставшие, с одной стороны, поставщиками сырья для рождавшегося капиталистического производства, с другой – потребителями его продукции: "Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для подымающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индийский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до сих пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие револю-

¹ Ким Г. Ф., Ашрафян К. З. Государство в традиционных обществах Востока: Некоторые дискуссионные проблемы // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 9, 10.

² Философия и историческая наука: Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1988. № 10. С. 20. См. также: Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978. С. 76-79.

ционного элемента"¹. Без взаимодействия различных национальных общностей между собой капитализм не мог ни возникнуть, ни укрепить свои позиции.

Итак, взаимодействие национальных общностей, одним из моментов которого выступает их взаимопроникновение, является необходимым условием развития не только отдельных национальных общностей, но и исторического процесса в целом, определяя переход от одной общественно-экономической формации к другой. Смену формаций нельзя объяснить, исходя только из внутреннего развития тех или иных народов, она всегда обусловлена взаимодействием внутреннего и внешнего, иначе говоря, определяется не только конкретно-историческими, но и общеисторическими условиями. Отсюда, в частности, следует, что реальный процесс развития человеческого общества можно адекватно понять, если он рассматривается в единстве генетического (диахронного) и функционального (синхронного) подходов. Абсолютизация либо одного, либо другого из них ведет к искажению действительной картины социальной эволюции.

Вместе с тем применение генетического и функционального подходов необходимо и при исследовании отдельных национальных общностей в том случае, если ставится задача целостного анализа их развития. Единство данных подходов проявляется в их взаимопроникновении. Поскольку, как уже отмечалось, функционирование выступает моментом развития, поскольку в конечном итоге генетический аспект снимает в себе аспект функциональный. В этом смысле каждое настоящее состояние национальной общности представляет собой продукт взаимодействия внутринациональных и межнациональных отношений в ходе ее предшествующего развития. Поэтому то, что представляет собой национальная общность, зависит от уровня ее собственного развития и уровня развития тех общностей, с которыми она находилась во взаимодействии. Характер внутри- и межнациональных отношений определяет также направление дальнейшего развития национальной общности.

В рамках формационно-типологического анализа уровень развития национальной общности фиксируется через тип общественно-экономической формации, к которому она в данном случае принадлежит. Взаимодействие национальных общностей одного и того же уровня исторического развития образует соответствующий тип интернационализации. Так, взаимодействие капиталистических наций составляет капиталистический тип интернационализации, исторически имевшее место взаимодействие социалистических наций – социалистический тип и т. д.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 425.

В доклассовый период человеческой истории общественное развитие характеризовалось взаимодействием между собой национальных общностей одной и той же формационной принадлежности – первобытно-общинной. С момента образования классовых формаций ситуация меняется: во взаимодействие вступают общности не только однотипные, но и принаследлежащие к разным формационным типам. Как для той, так и для другой сторон такое взаимодействие оказывается необходимым условием достижения иного формационного уровня развития. В настоящем параграфе было показано, что переход к новой общественно-экономической формации осуществляется благодаря взаимодействию более развитых общностей с менее развитыми. Первые из них нуждаются во вторых. Правда, на ранних этапах истории, как отмечает Ю. И. Семенов, переход к новой формации был связан не с развитием существовавших до сих пор, а с возникновением новых национальных общностей и разрушением старых¹, что является результатом взаимодействия между собой исторически более развитых и менее развитых народов и последующей их интеграции, а порой ассимиляции. Так или иначе одни, сами по себе народы (даже более развитые, чем другие) не могут перейти в новое качественное состояние.

В то же время и менее развитые народы нуждаются во взаимодействии с более развитыми. Для них это взаимодействие также является предпосылкой перехода на новый уровень развития. Как отмечает М. А. Коростовцев, одна из главных закономерностей истории Древнего мира состоит в том, что перерастание доклассовых обществ в классовые связано с воздействием на них уже ранее сложившихся обществ. Так формировались, например, Палестина, Сирия, Ассирия и др.²

В условиях существования национальных общностей различных формационных типов исторически менее развитые в результате взаимодействия получают возможность усвоить достижения более развитых народов в области материальной и духовной культуры и "продвинуться вперед, минуя те стадии развития, которые человечество в целом уже прошло"³. На существование этой закономерности указывал еще Н. Г. Чернышевский, отмечавший, что при достижении "высокой степени развития" того или иного общественного явления у одних народов достижение этой же степени у отставших народов происходит гораздо быстрее. Это ускорение

¹ Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. 1970. № 5. С. 93.

² Коростовцев М. А. Некоторые теоретические аспекты становления классового общества // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 60.

³ Категории исторического материализма. М., 1980. С. 88.

совершается благодаря сближению отставшего народа с передовым. И тогда, дополняет Н. Г. Чернышевский, появляется возможность перескочить прямо с низшей степени на высшую, минуя средние степени¹. В отечественной литературе данная проблема активно разрабатывалась в рамках теории некапиталистического пути развития².

Указанная общая закономерность имеет свои особенности реализации в зависимости от качественной определенности тех национальных общностей, которые при этом вступают во взаимодействие. Ведущее значение имеют законы функционирования и развития более развитой общности. Но и другая сторона обладает активностью. Характер их взаимодействия определяет направленность изменения каждой национальной общности.

2. Соотношение локальной и всемирной форм интернационализации

Возникнув в начале человеческой истории, интернационализация существует как внутренний механизм дальнейшего общественного процесса, являясь вместе с тем условием развития отдельных национальных общностей. Формы их взаимодействия меняются в зависимости от этапа исторического прогресса, а также от специфики национальных общностей, вступающих в контакт. Но само оно, а вместе с ним и процесс интернационализации неизбежно присутствуют во все исторические эпохи.

В 1940-е годы известный английский археолог Г. Чайлд в своей книге "Прогресс и археология" выделил главу, специально посвященную доказательству существования в древнем мире взаимных связей между отдельными народами, в том числе расположеными сравнительно далеко друг от друга³. В конце 60-х годов Б. Ф. Поршинев поставил вопрос о необходимости не только диахронных, но и синхронных исследований истории, т. е. исследований с точки зрения взаимодействия народов между собой, и предложил свою классификацию основных видов связи между человеческими общностями, начиная с первобытности⁴.

¹ См.: Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Избранные философские сочинения: В 3-х т. М., 1950. Т. 2. С. 488, 489.

² См. об этом подробнее: Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера. Новосибирск, 1990. С. 78-118.

³ См.: Чайлд Г. Прогресс и археология / Пер. с англ. М., 1949. С. 106-138.

⁴ См.: Поршинев Б. Ф. Мыслима ли история одной страны // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 301-316.

В последние десятилетия многие отечественные ученые, опираясь на данные археологии и других наук, фиксируют различные формы взаимных контактов народов в разных районах земного шара с древних времен¹. Эти контакты имеют место не только между родами внутри племен, но и между различными племенами. Говоря об Австралии первобытной эпохи, Н. А. Бутинов отмечает: "Оживленный обмен предметами и постоянные взаимопосещения локальных групп опровергают представление об австралийской локальной группе как о чем-то замкнутом, изолированном. Локальная группа сама по себе существовать не могла, она была связана хозяйствственно с соседними и отдаленными локальными группами – в разные времена года по-разному. Это и вызвало к жизни такое явление, как относительное культурное единство всего населения Австралии"².

Важно отметить, что так называемый синхронный аспект исследования исторического процесса не является открытием XX века. Большое внимание анализу взаимодействия различных народов между собой на отдельных этапах истории уделяли классики марксизма. Например, К. Маркс рассматривал такие взаимодействия в качестве одного из необходимых условий внутреннего развития общности: "...различные общины в зависимости от своего положения, климата, уровня культуры производят различные продукты, и эти продукты *обмениваются там, где общины приходят в соприкосновение между собой*. Обмен с чужими общинами является одним из главных средств разрушения естественной связи внутри собственной общины вследствие дальнейшего развития естественного разделения труда"³.

В данном положении К. Маркса следует обратить внимание также еще на одну важную мысль: возможность обмена определяется тем, что общи-

¹ См.: например: История Сибири. Л., 1968. Т. 1; *Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; *Окладников А. П.* Поселение каменного века на горе Хере-Уул (Восточная Монголия) и докерамические культуры Японии // Историко-филологические исследования: Сб. статей памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974; *Хазанов А. М.* Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М., 1975; *Деревянко А. П.* Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии. Новосибирск, 1975; *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978; Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987; *Румянцев А. М.* Первобытный способ производства: Политико-экономические очерки. М., 1987 и др.

² *Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 121.

³ *Энгельс Ф.* Конспект первого тома "Капитала" К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 287.

ны производят разные продукты, а это, в свою очередь, обуславливает взаимную их потребность друг в друге. Между ними не могла бы возникнуть связь, тем более связь устойчивая, если бы каждая из них производила то же самое, что и другая, если бы между ними не было определенного разделения труда. Разделение труда племен (общин) первоначально имеет естественный характер и возникает в результате различий природно данных условий обитания. Лишь затем под влиянием обмена оно становится общественным, исторически возникшим. По мере развития обмена, с одной стороны, углубляется различие между племенами, поскольку происходит дальнейшая специализация, а с другой стороны, укрепляется их взаимная связь, зависимость друг от друга, ибо развитие каждого из них все больше определяется состоянием производства другого. Налицо взаимопроникновение национальных общностей.

Механизм взаимопроникновения таков, что изначально в обмен поступают избыточные для племени продукты труда. Но, будучи избыточными для данного племени, они выступают необходимыми для другого. Сама эта необходимость имеет общественный характер, поскольку проявляется во взаимодействии. Благодаря обмену происходит присвоение чужих продуктов и отчуждение своих. Вместе с этим преодолевается существующее до обмена отчуждение племен и происходит их взаимное присвоение. В результате не только продукты, но и сами племена оказываются необходимыми друг другу. Присвоение продуктов лишь опосредует необходимую связь племен между собой. Их взаимодействие становится необходимым условием развития каждого из них.

Как отмечает А. М. Румянцев, межплеменной обмен становится постоянным и регулярным явлением экономической жизни в фазе первобытного воспроизводящего хозяйства¹. Продукты, явившиеся вначале избыточными для данного племени, с появлением обмена начинают специально производиться для целей обмена. Таким образом, само материальное производство в результате взаимодействия дифференцируется: часть его продукции служит удовлетворению собственных потребностей производителя (племени), а другая часть предназначена для удовлетворения потребностей других племен. Производство для других, став составным элементом внутреннего хозяйства, из необходимого лишь для иных племен превращается в необходимое и для себя. Осуществляемая в процессе взаимодействия рефлексия племен, понимаемая как способность каждого из них воспроизводить себя опосредовано через другого, выступает существенным условием их внутреннего развития.

¹ См.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. С. 256.

Продукт, произведенный для удовлетворения потребностей других потребителей и переходящий к ним в результате добровольного обмена на другие продукты, является товаром. Товарный обмен в своих первоначальных формах присутствует на ранних стадиях человеческой истории и является свидетельством относительно устойчивых связей между различными общностями.

Обобщая многочисленные данные археологической и исторической наук, А. М. Румянцев, исследуя первобытный способ производства, делает, в частности, вывод о том, что в конце VI тыс. до н. э. для обширного района Ближнего Востока характерным является регулярный межплеменной (межобщинный) обмен товарами, ставший для них необходимым. В качестве товаров, например для Месопотамии, выступали кремень, обсидиум, битум, лес, медь, серебро, золото, сердолик, лазурит, с одной стороны, и зерно или другие продукты – с другой¹. Уже в VIII – VII тыс. до н. э. расстояние между участвующими в товарном обмене народами достигало более 600 км². Об очевидности и неоспоримости непрерывного взаимовлияния и взаимообогащения различных обществ обширного ближневосточного региона в эпоху неолита говорит Л. С. Васильев³.

Мы специально остановились столь подробно на межплеменных связях для того, чтобы зафиксировать наличие взаимодействия и взаимопроникновения национальных общностей уже в условиях первобытнообщинного строя. Приведенные положения позволяют заключить, что это взаимодействие не является случайным. В процессе обмена племена приобретали не только предметы роскоши, украшения, продовольствие, но и предметы быта, орудия труда, оружие (или материал для его изготовления), идеи. В свою очередь, вызванная потребностью обмена определенная специализация стимулирует совершенствование орудий труда, расширение объема производимой продукции и в целом развитие собственного материального производства, а вместе с ним и других сторон жизнедеятельности. Необходимые для этого средства частично существуют в рамках данной общности, частично находятся за ее пределами и приобретаются посредством обмена. Таким образом, обмен, явившийся главной формой взаимодействия племен, выступает важным условием их внутреннего развития.

В то же время следует отметить существенную особенность взаимодействия племен, состоящую в том, что оно ограничено рамками определенных регионов. В контакт вступает незначительное количество племен,

¹ См.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. С. 262.

² Там же. С. 263.

³ См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.

в основном соседних. Поэтому процесс интернационализации, выражающий момент их взаимопроникновения, является также ограниченным, региональным. Для самого взаимодействия характерно опосредование его продуктами деятельности, производство которых осуществляется в рамках отдельных племен. Совместное производство является достижением более позднего этапа исторического развития.

Учитывая, что конкретным объектом диссертационного исследования являются народы Севера, остановимся специально на проблеме их взаимодействия в древние времена, опираясь при этом на наследие академика А. П. Окладникова, одного из основоположников сибирской школы археологии, внесшего важный вклад в теорию исторического процесса. На примере Сибирского региона зафиксируем некоторые закономерности, имеющие общий для мировой истории характер на первоначальном ее этапе.

А. П. Окладников так формулировал цель своих научных изысканий: "...я стремился выявить общие закономерности исторического процесса, последовательность его этапов, а вместе с тем и локальные черты этого процесса, отраженные в своеобразии конкретных культурных комплексов, в их взаимодействии. За этими культурными комплексами... стоят конкретные этнические общности, например племена, родовые общины, народности"¹.

Одна из главных задач в рамках этой общей цели была связана с необходимостью выявления последовательной эволюции и развития конкретных культур во времени. Неверно представлять их неизменными, чуждыми развитию, смене форм быта и других компонентов материальной и духовной культуры. Напротив, А. П. Окладников был убежден, и это убеждение основывается на обобщении множества документальных археологических материалов, что этносы и их культуры развиваются во времени и перемещаются в пространстве².

В глазах академика древность предстает в качестве живого комплекса разных культур, находящихся в постоянном движении, в системе диахронных и синхронных связей. Из глубины времен он прослеживает контуры великого культурного синтеза. В отличие от утвердившейся в социальной философии и в этнографии точки зрения о застойных и обособленных формах жизни людей в докапиталистическую эпоху, исследователь убедительно показывает, что уже в палеолите не было застоя ни в

¹ Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. всесоюзн. конф. Новосибирск, 1973. С. 7.

² Там же.

производстве орудий труда, ни в эволюции самого человека, его духовного потенциала. По его мнению, не существовало и изоляции отдельных групп населения.

Такой изоляции не наблюдалось не только в регионах, объективно благоприятных для взаимных контактов, как в Европе, которая была, по его словам, "проходным двором" палеолитического мира, но и в труднодоступных в силу различного рода природных препятствий районах, например в Монголии. Анализируя археологические данные о леваллуазской технике обработки камня, А. П. Окладников вместе с Р. С. Васильевским делает вывод о контактах древних людей, населявших данную территорию, с другими областями Азии. В то же время истоки этой техники в Монголии и Сибири усматриваются в культуре леваллуа-мустье Средней Азии, генетически связанной с леваллуа-мустье Ирана и Средиземноморья¹. В свою очередь в Монголии, по мнению исследователей, следует искать истоки многих сибирских и дальневосточных культур.

Особое внимание уделяется кочевникам, фиксируется их своеобразная функция в истории. "Кочевые племена Азии в силу своей подвижности играют особо важную роль в качестве посредников между различными странами и народами. Они выступали как влиятельная сила всемирной истории, участник и катализатор многих событий, в том числе в отношениях с китайцами и хуннами, сяньби и монголами"². При этом кочевники рассматриваются не только как способные к культурным заимствованиям, но и оказывающие активное влияние на культуры других народов.

Обобщение многочисленных археологических данных позволяет сделать вывод о существовании на заключительном этапе палеолита широкой интеграции культур на обширной территории Азии – от Восточной Монголии до Приморья и Камчатки. Он говорит также об интеграции культур Северной Азии с культурами, с одной стороны, Аляски, с другой – Центральной Азии, о живых связях между населением Старого и Нового Света через островную часть Алеутских островов, о древних культурных связях между арктическими племенами Азии и Европы, о длительных и многосторонних связях племен Дальнего Востока с Кореей и Японскими островами, о контактах их с племенами Индонезии и Полинезии, Вьетнама и Австралии.

В своих многочисленных публикациях А. П. Окладников подробно анализирует конкретные формы взаимодействия населения различных регионов, проявляющиеся в обмене и заимствованиях орудий труда, сы-

¹ См. Окладников А. П., Васильевский Р. С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск, 1980. С. 25.

² Там же. С. 153.

рья, технического опыта, эстетических вкусов, фольклорных сюжетов и даже мифов. Общий вывод, который делается на основе обобщения многочисленных фактов, гласит: "Мир издревле был тесен. С самого начала истории племена и народы соприкасались друг с другом, взаимодействовали, обмениваясь культурными ценностями, внося при этом нечто собственное, самобытное в единый культурно-исторический процесс, в экономическую и политическую жизнь человечества"¹.

Итак, в качестве существенных моментов исторического процесса выделяется наличие постоянных контактов между народами, расселенными порой на весьма значительных расстояниях друг от друга, и эволюции, развитие культур, отсутствие их застоя. В то же время он фиксирует не только изменчивость, но и устойчивость традиционной культуры на протяжении трех, четырех и даже пяти тысячелетий. Так, анализ петроглифов дает ему основание говорить о преемственности художественно-стилевых норм, образов и связанных с ними идей, а на примере тунгусских племен прослеживаются непосредственные связи между древней неолитической, энеолитической и недавней этнографической культурой в различных сферах жизни – в хозяйстве, искусстве, мифологии. Вывод гласит: "В целом весь ископаемый этнографических комплекс, о котором дают представление материалы прибайкальского неолита, совпадают с основными чертами культуры, которая в XVII – XX вв. присуща тунгусским племенам Сибири и является их традиционным достоянием"². Именно устойчивость внутреннего потенциала культуры, сохраняющаяся на протяжении длительного промежутка времени и находящая отражение в определенных, доступных археологу вещественных формах, явилась для академика объективным основанием для разработки концепции прибайкальского происхождения тунгусских племен.

В процессе дальнейшей работы А. П. Окладников делает выводы более широкого плана, касающиеся проблем этногенеза других народов Сибири и Дальнего Востока, начиная с эпохи неолита. Причем, обобщения этногенетического характера он делает на основе полученных археологических данных и созданной им общей схемы периодизации памятников соответствующего исторического периода. Он говорит о материальных связях древних культур многочисленных племен, расселенных на территории Сибири и Дальнего Востока, с большими этнокультурными образованиями современности: финно-уграми, тунгусами, палеоазиатами, а также с тюрками и монголами. Таким образом, речь идет о сделанном на базе ар-

¹ Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. всесоюзн. конф. Новосибирск, 1973. С. 5.

² Там же. С. 89.

хеологических, этнографических и исторических изысканий открытии огромного культурно-исторического массива, специфической чертой которого является определенная непрерывность этнического субстрата от палеолита до современности при известной трансформации отдельных культур.

Переходя вновь к характеристике исторических форм интернационализации, отметим, что с разложением первобытного общества и образованием народностей происходит развитие взаимодействия национальных общностей, усложняется его структура, расширяется число народов, вступающих во взаимодействие. Во многом это достигается в результате произошедшего общественного разделения труда и в особенности выделения в качестве самостоятельной области торговли, которая опосредует обмен товаров между различными национальными общностями. Возникает купеческий и ростовщический капитал, присущий не только собственно капиталистической эпохе, но и предшествующим стадиям общественного развития.

По самой своей природе купеческий капитал заинтересован в существовании отношений между различными народами и государствами, поскольку во взаимодействии их между собой рождается купеческая прибыль. По мнению Б. Ф. Поршнева, "конкретная история торговли показывает явственную тенденцию купеческого капитала связывать как можно более удаленные друг от друга районы. Чем более они удалены, то есть разделены другими странами или морями, тем выше его прибыль"¹.

Посредническая роль торговли во взаимодействии национальных общностей обусловила возникновение чисто торговых народов (например венецианцев, генуэзцев, голландцев), что имело важное значение для укрепления связей между различными государствами. Данные связи носили опосредованный характер и определяли в первую очередь развитие самих торговых народов: "Торговые народы древнего мира существовали, как боги Эпикура в межмировых пространствах... Торговля первых самостоятельных, колossalно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников"². Вместе с тем это опосредованное взаимодействие служило одним из условий прогресса самих производящих народов, давая им возможность подняться на такой уровень развития, которого они не могли к тому времени достичь, опираясь лишь на свои внутренние предпосылки.

Значительную роль в развитии взаимодействия народностей играют миграции тех или иных народов и отдельных их групп. Они являются не-

¹ Поршнев Б. Ф. Мыслима ли история одной страны. С. 311.

² Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. С. 363.

обходимым моментом исторического развития и выступают одним из элементов механизма, непосредственно обеспечивающего взаимопроникновение национальных общностей (кстати сказать, не только народностей, но племен и наций). Во многом через мигрантов элементы культуры (понимаемой в широком смысле слова – как единство материальной и духовной культуры) одних народов становятся достоянием культуры других народов. Мигранты образуют инонациональную группу в рамках той или иной национальной общности и выступают своего рода каналом, по которому осуществляется заимствование инонациональной культуры и последующее превращение ее в элемент собственного развития. Для обозначения подобных групп, при помощи которых осуществляется взаимодействие национальных общностей, С. Г. Ларченко вводит специальное понятие "группы – трансляторы культуры"¹.

Роль миграции не сводится только к этому. Если миграция имеет массовый характер, то она может привести к формированию новых национальных общностей. Так, в свое время великие переселения "варваров" с плоскогорий Азии на европейскую территорию послужили основой формирования народов древней и современной Европы. В настоящее время миграция, наряду с диффузией культурных нововведений и самостоятельным развитием техники и культуры в рамках отдельной национальной общности, рассматривается исследователями в качестве важнейших импульсов социальной эволюции².

Приведенный пример является также хорошей иллюстрацией того обстоятельства, что возникновение отдельных национальных общностей порождено взаимодействием народов. Это взаимодействие, переходящее затем в их интеграцию, ведет к образованию новой общности. Как отмечалось, большинство народностей, а позднее и наций складывалось именно подобным образом, что служит дополнительным подтверждением существования взаимодействия национальных общностей и интернационализации как его необходимой стороны в докапиталистическую эпоху.

В целом взаимодействие народностей в условиях докапиталистического классового общества характеризует в сравнении с взаимодействием племен более развитую и более широкую взаимную связь народов между собой. Наличие такой связи подтверждается современными исследователями, в частности, путем признания существования в период рабовладельческого и феодального общества мировых систем социальных организмов соответствующего типа. Как отмечает Ю. И. Семенов, в этом пе-

¹ См.: Ларченко С. Г. Межкультурные взаимодействия отдельных социальных организмов: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1985.

² См.: Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. С. 13.

риод не могло существовать всемирных, т. е. охватывающих весь мир, систем, однако "после утверждения классового общества всегда существовали системы социальных организмов одного типа, т. е. такие системы, которые были центрами всемирно-исторического развития и существование которых сказывалось на всем ходе истории человечества. Никогда не было, например, всемирной системы рабовладельческих социальных организмов, всемирного рабовладельческого общества, но существовала мировая рабовладельческая система, мировое рабовладельческое общество. Не было всемирного, но было мировое феодальное общество. Каждая из выделенных историками основных мировых эпох как раз и характеризовалась существованием мировой системы социальных организмов определенного типа. Эпоха Древнего Востока, по нашему мнению, была временем существования на Ближнем Востоке мировой системы социальных организмов "азиатского" типа. Античная эпоха была временем существования в Средиземноморье мировой античной рабовладельческой системы, эпоха средних веков – мировой феодальной системы"¹.

Признание существования данных систем обуславливает рассмотрение не только социальных организмов, но и отдельных национальных общностей, в них входящих, как находящихся в системном взаимодействии между собой. Изолированное существование в рамках системы невозможно. Поскольку системное взаимодействие включает в себя взаимопроникновение сторон, постольку правомерно говорить об интернационализации общественной жизни национальных общностей как внутреннем моменте развития рабовладельческой и феодальной мировых систем.

Специфической особенностью всех докапиталистических мировых систем является их региональный характер. Каждая из них, являясь центром всемирно-исторического развития в ту или иную эпоху, охватывала не всю совокупность существующих на земном шаре народов, а их определенную часть: античная социальная система находилась в Средиземноморье, феодальная – в Европе. Поэтому и взаимодействие национальных общностей являлось не всемирным, как в последующую капиталистическую эпоху, а региональным – как в условиях первобытного общества. Несмотря на то, что региональность первобытного общества, с одной стороны, и региональность рабовладельческого и феодального общества, с другой стороны, значительно отличаются друг от друга, тем не менее их можно рассматривать как принадлежащие к одной и той же исторической форме развития – локальной. К. Маркс отмечал, что капитал создал такую общественную ступень, "по сравнению с которой все прежние выступают

¹ Категории исторического материализма. М., 1980. С. 86, 87.

всего лишь как локальное развитие человечества..."¹. Эта позиция поддерживается и современными исследователями. Так, М. С. Джунусов пишет: "В докапиталистический период обмен материальными и культурными ценностями не приобретал еще всемирного размаха. Взаимовлияние народов носило локальный характер"². Локальные формы существования человеческих сообществ в рамках всемирной истории исследует В. И. Игнатьев³.

Существующее в условиях докапиталистических стадий развития взаимопроникновение национальных общностей можно определить как локальную форму интернационализации. Продуктом локальной формы интернационализации является, на наш взгляд, цивилизация, понимаемая как некоторое региональное культурное единство национальных общностей, сложившееся, с одной стороны, в результате адаптации их к специфическим природно-климатическим условиям, с другой – под влиянием взаимодействия между собой.

С началом развития капитализма история приобретает всемирный характер. Мировая капиталистическая система в отличие от предшествующих ей мировых социальных систем включила в зону своего влияния практически все существующие страны и народы⁴.

Возникающее в условиях капитализма взаимопроникновение национальных общностей предлагается определить как всемирную форму интернационализации. Наибольшее развитие данная форма получила в условиях современного информационного общества. В сфере экономических отношений можно отметить усиление активности транснациональных корпораций, региональных и общемировых торговых и финансовых рынков, расширение зон свободной торговли, трансформацию мировой экономики под влиянием достижений современной технологии. Новые средства коммуникации существенно влияют на интенсивность и масштабы миграционных потоков, расширение сферы действия схожих стандартов и стилей жизни, создавая невиданные до сих пор возможности для укрепления взаимодействия различных государств и национальных общностей. Особая роль принадлежит развитию современных информационных сетей, связывающих в единое целое все уголки земного шара. Глобальный

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 287.

² Джунусов М. С. Общественный прогресс и национальные отношения. Алматы, 1976. С. 81.

³ См.: Игнатьев В. И. Всемирная история как целостность.

⁴ См., например работы И. Валлерстайна, одного из самых известных авторов на эту тему: Wallerstein I. The Modern World-System I. New York, 1974; The Modern World-System II. New York, 1980; The Modern World-System III. San Diego, 1989.

характер многих угроз безопасности (от опасности применения оружия массового уничтожения и крупных военных конфликтов до повсеместного распространения терроризма и наркотиков) вынуждает все народы мира объединяться и действовать сообща для их предотвращения. Влияние отмеченных факторов стимулирует формирование все новых и новых международных институтов, развитие международного права, укрепление регулярных межгосударственных контактов, образование новых субъектов мировой политики¹.

В этих условиях происходит расширение сферы действия общих моментов существования различных национальных общностей, одновременно усиливается регулирующее воздействие наднациональных организаций на их политическое, военное, экономическое, культурное развитие. Внутренняя жизнь отдельных государств и народов оказывается все в большей степени зависимой от внешних обстоятельств.

Продуктом всемирной формы интернационализации является, на наш взгляд, процесс глобализации. В результате взаимопроникновения различных форм национальных общностей – от племенных структур до самостоятельных государств – мир превращается в единое целое, отдельные части которого тесно связаны друг с другом, человечество "превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле. Сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему"². Идея о нарастающей глобализации экономики и других сфер общественной жизни, об усилении взаимозависимости национальных общностей подробно анализируется в одной из последних фундаментальных работ по проблемам экономического развития – книге М. П. Тодаро³. Он, в частности, обращает внимание не только на очевидный факт влияния развитых наций и государств на развивающиеся страны, но и возрастание обратной зависимости. Например, США импортируют из государств третьего мира 80 % топливных ресурсов, 53 % потребительских товаров, 26 % промышленных товаров и 25 % средств производства⁴.

¹ См.: Нарочицкая Е. А. Интеграция и национализм: две стороны одной реальности // Актуальные проблемы Европы. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. М., 1997. № 3. С. 143-146.

² Пломпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. С. 120.

³ См.: Тодаро М. П. Экономическое развитие / Пер. с англ. М., 1997. С. 594-608.

⁴ Там же. С. 592.

В 90-е гг. проблема глобализации, которая, на наш взгляд, непосредственно связана с проблемой интернационализации, стала одной из наиболее популярных и обсуждаемых сначала в зарубежной, а теперь и в отечественной литературе, касающейся тенденций мирового развития. Это находит отражение и в сфере соответствующих теоретических разработок. Так, Ж. Т. Тощенко выделяет глобализацию среди общих социологических теорий¹.

В отличие от локальной всемирная форма интернационализации характеризует более высокую степень обобществления всех сторон жизни национальных общностей, выражая взаимодействие народов не в рамках отдельных регионов, а в масштабе всего мира. В то же время локальность не преодолевается, а снимается во всемирной форме интернационализации, продолжая существовать в виде относительной самостоятельности и относительной обособленности отдельных национальных общностей, социальных организмов, цивилизаций. Существенная особенность всемирной формы интернационализации состоит в переходе от обмена продуктами социальной деятельности, произведенными в условиях отдельных национальных общностей, к их совместному производству, что характеризует развитый уровень взаимопроникновения национальных общностей.

Признание существования локальной формы интернационализации логично предполагает наличие в докапиталистическую эпоху национальных общностей, которые оказываются не включенными во взаимодействие с другими национальными общностями. Следовательно, не все они участвуют в процессе интернационализации. Тем не менее ранее мы сделали вывод о том, что интернационализация является необходимым условием развития всех национальных общностей. Нет ли здесь логического противоречия? Такого противоречия нет, поскольку, говоря об интернационализации, мы имеем в виду именно развитие национальных общностей, а не просто их существование, функционирование. Существовать они могут, не имея устойчивых контактов с другими общностями. Но в этих условиях невозможно их развитие. Изолированное существование народов в принципе возможно, но оно всегда связано со стагнацией. Отсутствие обмена с другими общностями ведет к стабилизации внутринациональных отношений и формирует застойную или деградирующую структуру. Так, причиной сохранившихся до недавнего времени так называемых обществ-изолятов (например тасманийцев), представляющих эпоху первобытной общины, является как раз их изолированность от других национальных общностей.

¹ См.: Социология и реальность // Социол. исслед. 1996. № 11. С. 29.

Интернационализация в условиях докапиталистических формаций выражает закон не функционирования, а развития национальных общностей. Взаимопроникновение национальных общностей в данном случае существенно для их развития, но не существенно для их функционирования. Правда, если быть более точным, то нужно сказать, что интернационализация является несущественной для функционирования только тех общностей, которые существуют в изоляции, не связаны тесно с другими. Для тех же народов, которые взаимодействуют друг с другом, интернационализация является необходимой как для развития, так и для их функционирования.

Поскольку начиная с эпохи индустриального общества практически не остается народов, не включенных в интенсивные контакты с другими народами, постольку в этот период интернационализация становится законом не только развития, но и функционирования национальных общностей.

Имеющиеся модели всемирно-исторического процесса – линейные и спиральные, циклические и нелинейные исходят из аксиомы замкнутости и автономного параллельного развития не только цивилизаций, но и исторических общностей более низкого ранга. Представленная концепция интернационализации позволяет интерпретировать хорошо известные археологические и этнографические факты об этнокультурных контактах в русле взаимообусловленного развития локальных социальных общностей, а развитие всемирно-исторического процесса представить как результат взаимодействия цивилизаций, социальных организмов и национальных общностей. Таким образом, представление истории как временной вертикальной оси дополняется вводимым в качестве основания горизонтальным, пространственным измерением. Поэтому мы считаем возможным говорить о пространственно-временной структуре и самого всемирно-исторического процесса, и процесса интернационализации, а также их основных формах.

Правда, можно обратить внимание на недостаточно четкие основания разграничения пространственно-временных форм интернационализации. Так, локальная форма интернационализации, характеризуя рефлексию национальных общностей традиционного типа, присутствует во взаимодействиях не только собственно традиционных, но и современных обществ. Кроме того, можно допустить существование глобальной формы интернационализации в архаических и традиционных обществах. Данная форма интернационализации могла протекать не в непосредственных, транснациональных контактах, а в опосредованных – через сложную цепочку опосредствующих национальных общностей. Кроме того, глобальная форма интернационализации, по всей видимости, могла иметь форму, если можно так выразиться, не "сильных", а "слабых", не конституирую-

щих мировую систему взаимодействий, что впрочем не умаляет ее значимости. Поэтому, если судить более точно, локальные и глобальные формы характеризуют, не столько пространственно-временную структуру процесса интернационализации, сколько структуру собственно пространственную.

Тем не менее мы настаиваем на характеристике локальной и глобальной форм интернационализации как пространственно-временных. На каком основании?

В существующей литературе выделяются временные исторические формы интернационализации, а именно в рамках таких формационных типов, как капиталистическая и социалистическая. Таким образом, временное основание до сих пор было определяющим. Но уже при анализе капиталистической формы интернационализации подчеркивались и пространственные параметры через фиксацию ее всемирного характера, т. е. помимо временного неявно вводился пространственный, хорологический критерий.

В работе временная структура процесса интернационализации раскрыта значительно полнее, чем это было представлено в существующей литературе, – в результате обоснования существования данного процесса на более ранних ступенях человеческого общества. Обращение к истокам интернационализации позволило обратить внимание на такую ее пространственную характеристику, как локальность, которая соотносится с другой пространственной характеристикой – глобальностью, свойственной развитой форме интернационализации.

С точки зрения материалистической диалектики пространственно-временные характеристики относительны и взаимообусловлены. Протекающие во времени процессы одновременно существуют также в пространстве и, наоборот, пространственные структуры находятся во временной взаимосвязи. Исходя из этого есть все основания утверждать, что выделенные локальная и всемирная формы интернационализации выражают не только собственно пространственные, но и временные характеристики.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В соответствии с реализуемым подходом в понимании интернационализации, расширение всесторонних взаимных связей национальных общностей следует рассматривать лишь как одну из сторон исследуемого процесса, характеризующую момент их сближения. Но это сближение не означает их слияния. Как показывает современная практика, в рамках всемирной формы интернацио-

нализации определенное сужение возможности автономии и свободы действий отдельных государств и национальных общностей не ведет к ассимиляции последних, не отменяет суверенитет и самостоятельность государств. Национальные особенности не исчезают. Иначе говоря, и интернационализация развивается, и различия сохраняются¹. Анализ реальной практики национальных отношений подтверждает правомерность положений, сформулированных нами в рамках рефлексивной концепции интернационализации.

Таким образом, развитие процесса интернационализации не ведет к исчезновению национальных общностей и лежащей в их основе культуры, в том числе традиционной. Повсеместное распространение имеет рост национального самосознания и готовность многих народов защищать ценности традиционной культуры и особые права на ее сохранение в условиях нарастания интеграции и унификации культур. Можно констатировать сохранение, а во многих случаях и оживление элементов традиционного общества.

Взаимоотношения традиционного общества и индустриального всегда были сложными и противоречивыми. Чаще всего они отличались конфликтным характером, причем агрессивно-доминирующее положение практически всегда занимало индустриальное общество. В то же время традиционное общество в этих взаимоотношениях никогда не было пассивной стороной, демонстрируя жизненную силу и устойчивость присущих ему ценностей. Данная противоречивая ситуация находила отражение в сфере теоретических представлений. Их крайними полюсами выступали, с одной стороны, прогрессистские теории, отстаивающие идею поступательного развития и универсальности человеческой культуры, образцом которой рассматривалась по преимуществу западная индустриальная культура, с другой стороны, различного рода теории существования не подчиняющихся общим закономерностям отличающихся друг от друга замкнутых локальных культур (цивилизаций, культурно-исторических типов и др.).

В действительности теории о непроницаемом характере различных локальных культур оказались несостоятельными. Любая культура не является раз и навсегда данной, претерпевает определенные трансформации под влиянием внешних взаимодействий, и эти трансформации выступают

¹ См. об этом подробнее: Попков Ю. В. Современные тенденции развития национальных отношений и международное право // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 2. С. 10-16.

необходимым условиям адаптации ее к изменяющимся социальным условиям.

В то же время не нашли своего однозначного подтверждения и различные прогрессистские теории. Справедливым оказался прогноз Н. С. Трубецкого: «общечеловеческая культура, одинаковая для всех народов, – невозможна... такая "общечеловеческая культура" свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи»¹. Предпринимавшиеся в период политического господства Запада попытки навязать европейскую (американскую) модель развития в качестве некоторого эталона для других стран и народов окончились неудачей. В этой связи нельзя согласиться с тезисом Ф. Фукуямы о "конце (идеологической) истории", поскольку тотальной победы западной цивилизации и лежащего в ее основе либерализма не произошло. "Процесс национально-освободительного движения в XX столетии означал не только освобождение многих стран Азии и Африки, но и массовое самоутверждение незападных культур, проявивших не только присущую им жизненность, но и своеобразие, способность к сохранению своей специфики несмотря на экспансию современных индустриальных технологий и формирование новых социальных структур"². Мало того, на самом Западе наблюдается рост неотрадиционализма, образующего своеобразную внутреннюю оппозицию ценностям доминирующего общества.

Данный факт свидетельствует о мощном внутреннем потенциале традиционных культур, которые в условиях глобального давления западной индустриальной культуры вовсе не погибли, несмотря на многочисленные пророчества, а отстояли себя в качестве равноправных участников мирового процесса. Традиционная культура вновь обнаружила свою жизнеспособность, которую она неоднократно демонстрировала в прошлом. Так было, например, во времена колонизации Америки: "Это одна из непонятных особенностей открытия Нового Света: европейская культура оказалась более хрупкой в сравнении с культурами, которые она хотела поглотить"³.

¹ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Мир России – Евразия. М., 1995. С. 49.

² Ерасов Б. С. Цивилизация: слово – термин – смысл // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2. С. 26.

³ Мы все дикари... (Индигенизация белых в Северной Америке) // Курьер ЮНЕСКО. М., 1994. № 9, 10. С. 16.

В этой связи возникает вопрос о роли традиций в национальном развитии. Долгое время в науке доминировало заложенное М. Вебером представление о традиции как феномене, препятствующем развитию. "Традиция рассматривалась как явление отмирающее, неспособное ни реально противиться современным формам жизни, ни сосуществовать с ними. На традиционные явления культуры смотрели как на рудимент, который должен исчезнуть по мере все возрастающей активности модернизационных процессов"¹. В основе данной трактовки лежала прогрессивно-стадиальная парадигма во взглядах на развитие общества.

В последние десятилетия распространилась точка зрения, в соответствии с которой большинство традиций выполняют в процессе социальной эволюции существенные адаптивные функции, с их утратой прекращается развитие². В рамках социально-философского подхода "нет оснований для сведения традиций, в том числе и национальных, к старым формам культуры и общественной жизни, требующих для своего сохранения неизменных условий. Долговременность традиций обеспечивается их проективной способностью и вариативностью, в результате чего значительная их часть способна выступать в качестве формы новых, изменяющихся жизненных условий... Традиция как способ сохранения связей между людьми играет существенную роль в преемственности национального развития и идентификации членов национальных общностей"³.

Неправомерной является, на наш взгляд, имеющая широкое распространение среди исследователей абсолютизация противопоставления традиции и новации и связанной с этим дихотомии Востока и Запада, исходя из представления о соответственно циклической или линейной динамике исторического процесса. "Не только в обыденном, но и в научном сознании, – отмечает С. А. Гущина, – существует убеждение, что традиция и новация полярные понятия. Традиция есть способ поддержания стабильности общества, его тождественности самому себе, а новация отрицает традицию и является основой модернизации общества. Историки убеждены, что традиция доминирует на Востоке, поэтому исторический процесс здесь носит застойный характер, а социальные структуры характеризуются косностью. Историческая эволюция Востока имеет циклический, в лучшем случае, циклическо-поступательный вид. Западноевропейская цивилизация по своему характеру инновационна. По этой причине для нее

¹ Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 171.

² См.: Плахов В. Д. Традиции и общество. М., 1982. С. 38-40.

³ Халлик К. Некоторые вопросы интернационализации национальной жизни // Нация и культура. Таллин, 1985. С. 65.

характерна линейная динамика развития, именуемая *прогрессом*¹. На конкретных примерах (реформатора древности Солона, учителя китайцев Конфуция, творца ислама Мухаммеда, французского короля Карла VII, первых Романовых и большевиков в России) автор показывает, что опора на традицию являлась необходимым условием успеха всех великих реформаторов. "Она мирила общество с нововведениями и, будучи встроена в другую структуру, продвигала его вперед. Традиция выступала в роли и двигателя, и амортизатора реформ"². Примечательно, что некоторые исследователи рассматривают современную Японию как традиционное общество, которое смогло осуществить агропромышленную модернизацию самобытным путем³. Если раньше традиция понималась как стоящая в жесткой оппозиции модернизации, то в настоящее время доминирует представление об их совместности, в определенной степени взаимообусловленности.

Делая обобщающий вывод по данной главе, можно заключить следующее. В рамках системно-генетической интерпретации всемирно-исторического процесса смена стадий общественного развития обусловлена синхронными межкультурными взаимодействиями социальных организмов, национальных общностей, локальных цивилизаций. Процесс интернационализации выступает законом их развития как в современном, так и в традиционном обществе. Пространственно-временная структура процесса интернационализации охватывает его локальную и глобальную формы. Локальная форма интернационализации характеризует рефлексию национальных общностей традиционного типа. Ее основным результатом является формирование цивилизаций – региональных социокультурных комплексов национальных общностей. В отличие от локальной всемирная форма интернационализации выражает рефлексию национальных общностей не только в рамках отдельных регионов, но и в масштабе мирового сообщества. Локальность не исключается, а снимается во всемирной форме интернационализации, продолжая существовать в виде относительной самостоятельности и относительной обособленности отдельных национальных общностей, социальных организмов, цивилизаций.

¹ Гуцина С. А. Проблема традиции и новаций в цивилизационном контексте // Историческая традиция. Бийск, 1997. С. 77.

² Гуцина С. А. проблема традиции и новаций в цивилизационном контексте // Историческая традиция. Бийск, 1997. С. 80, 81.

³ См.: Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 391.

Глава 3. СТАДИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (на примере народов Севера)

1. Процесс интернационализации в условиях традиционного общества

Изучение стадиальных особенностей интернационализации общественной жизни национальных общностей представляет собой переход исследования к теоретическому объяснению эмпирического материала, характеризующего развитие конкретного объекта, с целью проверки эвристических возможностей разработанной теоретической конструкции и апробации ее основных концептуальных положений. В настоящей главе раскрывается социально-практическое содержание интернационализации как объективной рефлексии национальных общностей, а в качестве конкретного объекта для исследования выступают народы Севера России и Канады.

Выбор объекта не является случайным. Он связан, во-первых, с особенностями данной группы национальных общностей, проявляющихся в их малой численности (от нескольких сот человек до нескольких десятков тысяч¹) и в существовании у них присваивающего и полупроизводящего типа хозяйства и традиционной культуры как основы жизнедеятельности вплоть до настоящего времени, во-вторых, с наибольшей угрозой их сложившемуся образу жизни со стороны процесса модернизации и ярко выраженной спецификой протекания интернационализации в условиях традиционного и современного общества, в-третьих, с востребованностью

¹ К народам Российского Севера принадлежат 26 народов: эвенки (прежнее название – тунгусы), эвены (ламуты), чукчи, коряки, алеуты, ительмены, тофалары (карагасы), эскимосы, чуванцы, юкагиры, ульчи, удэгейцы, ороки, орохи, ненцы (самоеды), энцы (карасинские самоеды), нганасаны (тавгийцы), селькупы (остяко-самоеды), негидальцы, долгане, нанайцы (гольды), нивхи (гиляки), саамы (лопари), ханты (остяки), манси (вогулы), кеты (енисейцы). По данным переписи населения 1989 г. их общая численность в Российской Федерации была равна 181,6 тыс. человек, из них ненцев 34 тыс., эвенков – 30 тыс., хантов – 22 тыс.; менее 1 тыс. чел. – негидальцев, алеутов, тофаларов, ороков, орохей, энцев. В районах своего традиционного расселения народы Севера России составляют лишь 9 % от общей численности проживающего здесь населения. В 1993 г. в перечень народов Севера включены еще 4 народа: тоджинцы, шорцы, телеуты, кумандинцы. К группе народов Севера Канады принадлежат инуиты (33 тыс. человек в 1991 г.) и немногочисленные группы северных индейцев. В местах традиционного расселения они составляют преобладающее большинство населения.

исторического опыта жизнедеятельности народов Севера в экстремальных природно-климатических условиях в связи с поиском моделей устойчивого развития мирового сообщества. Понятие "народ" рассматривается в данном случае как взятая в единстве пространственно-временных характеристик конкретно-эмпирическая форма существования национальной общности.

Народы Севера России в досоветский период, в условиях архаического и традиционного общества, взаимодействовали как между собой, так и с другими, находившимися на более высокой ступени общественного развития народами¹. В обоих случаях взаимодействие имело свои особенности, оказывая дифференцирующее влияние на их социальное развитие и процесс интернационализации.

По уровню развития все народы Севера в этот период принадлежали к архаическому и первоначальным формам традиционного общества, базировавшимся соответственно на присваивающем (охота, рыболовство, собирательство) и полупроизводящем (оленеводство) типе хозяйства, на коллективных формах собственности, трудовой деятельности и распределения продуктов труда. Взаимодействие их между собой исторически характеризовало исходную форму интернационализации.

Исследователи фиксируют различные формы взаимодействия народов Севера между собой: взаимопроникновение культур отмечается у ненцев и манси, ненцев и энцев, хантов и ненцев, ненцев и нганасан, кетов и селькупов, эвенков и эвенов, чукчей и эскимосов; в процессе взаимодействия негидальцев, ороков, нанайцев, орочей, нивхов на Нижнем Амуре и Сахалине сформировался ряд общих элементов материальной культуры; на Колыме эвены воздействовали на юкагиров, на Анадыре чукчи повлияли на эвенков, на Охотском побережье эвены подверглись культурному влиянию со стороны коряков; орохи контактировали с ульчами, удэгейцы – с нанайцами, орохами и эвенками, негидальцы – с нанайцами и т. д.²

¹ Развитие народов Севера в этот период достаточно подробно освещено в литературе. Она настолько обширна, что ее простое перечисление заняло бы множество страниц. Поэтому укажем ряд работ, в которых дана соответствующая библиография: Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 533-567; Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.). М., 1970. С. 18-37; Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера: Библиографический указатель литературы за 1970-1983 гг. Новосибирск, 1983; Народы Севера: Указатель литературы за 1983-1986 гг. Новосибирск, 1988.

² См., например: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII веках. Л., 1935. С. 12; Вдовин И. С. Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски. М., 1964. С. 1-7; Таксами Ч. М. Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная

Анализ многочисленных источников подтверждает правомерность вывода И. С. Гурвича о том, что даже самые обособленные группы народов Севера контактировали друг с другом¹.

Отметив факт существования взаимодействия различных народов Севера между собой, важно теперь понять механизм этого взаимодействия, его источники, характер и то влияние, которое оно оказывало на состояние взаимодействующих общностей.

Образуя группу однотипных национальных общностей, народы Севера отличались друг от друга. Естественной основой различий служат особенности природно-географической среды, оказывающей влияние на ту или иную общность прежде всего через материальное производство, труд. В процессе труда внешние, природные предпосылки существования человека превращает во внутренние условия своего собственного развития. Трудовая деятельность, обеспечивая постоянную связь общества с природными предпосылками, реализуется в производстве материальных благ, выступая тем самым основой общественной жизни. Специфика самой трудовой деятельности определяется, в свою очередь, природой. В условиях присваивающего типа хозяйства связь материального производства с природной средой является особенно тесной. Так, в структуре производительных сил преобладают естественные производительные силы, например в качестве предмета труда выступают непосредственно природные ресурсы (рыба, звери, птицы и т. д.). Поскольку каждая национальная общность всегда занимает определенную территорию, а потому связана с конкретной природно-географической средой, постольку различия этой

культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 123; Алексеенко Е. А. Этнические взаимодействия коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. М., 1978. С. 32-36; Козьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 171; Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 68-78, 104-107; Федорова Е. Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139; Ермолаева Н. В. Об иноэтнических элементах в традиционной материальной культуре приамурских эвенков // Этно-культурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М., 1986. С. 56-65; Васильев В. И., Соколова З. П., Туголуков В. А. Этнические общности и этнические процессы на Крайнем Севере накануне Октября // Этническое развитие народов Севера в советский период. М., 1987. С. 38-57; Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / Пер. с англ. С.-П., 1997; История и культура эвенков. Историко-этнографические очерки. С.-П., 1997 и др.

¹ См.: Гурвич И. С. Древние этнокультурные контакты на северо-востоке Сибири по этнографическим данным // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 62.

среды определяют различия материального производства и жизненных условий людей, принадлежащих к разным национальным общностям.

Своеобразие окружающей природной среды определяет различия в хозяйстве и образе жизни отдельных народов Севера. Исследователи обычно выделяют у них четыре основные формы. Первая форма представляет собой хозяйство, в котором ведущую роль играет охотничий промысел – промысел пушных зверей, птицы и др. Такое хозяйство вели эвенки, эвены, юкагиры, долгане, кеты, нганасане. К нему относят также хозяйство охотников-рыболовов Дальнего Востока – негидальцев, ороков, удэгейцев, отчасти орочей. Вторая форма хозяйства базируется на речном рыболовстве, она получила распространение у ительменов, ульчей, нивхов, нанайцев, орочей, хантов, манси, части селькупов, юкагиров и чуванцев. В основе третьей формы – таежное и тундровое оленеводство, характерное для чукчей, коряков и ненцев. Четвертая форма хозяйства – морской зверобойный промысел – имела место у приморских чукчей, коряков и эскимосов¹.

Обусловленное различием конкретной среды обитания отдельных народов естественное разделение труда являлось необходимым условием возникновения потребности в установлении межплеменного и межобщинного обмена. Он осуществляется при наличии избыточного продукта, произведенного в той или иной общине. В условиях существования общинной собственности на средства производства и обусловленного ей равнодостаточного распределения избыточный продукт может реализовываться главным образом через обмен с другими общинами². Только благодаря обмену его производство из случайного превращается в необходимое и сам он из избыточного становится прибавочным. При отсутствии такого обмена невозможно производство регулярного прибавочного продукта. Подтверждением тому может служить ситуация, когда благоприятные природные условия, в принципе дававшие возможность производить продукцию сверх жизнеобеспечивающего уровня (например у народов, расселявшихся на берегах богатых рыбными ресурсами рек), не вызывали потребности в ее производстве, если не был наложен обмен с другими народами (племенами, общинами).

Таким образом, произведенный в рамках отдельных общин прибавочный продукт нуждался в обмене, а обмен, необходимость которого диктовалась естественным разделением труда между общинами, нуждался в

¹ См.: Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 390-417; История Сибири. Томск, 1987. С. 91, 92.

² См.: Хазанов А. М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 90.

прибавочном продукте. Регулярность обмена ведет к специализации отдельных общин на производстве прибавочного продукта и формирует общественное разделение труда общин, что определяет взаимообусловленность самих общин.

Механизм обмена и его роль в существовании взаимодействующих сторон подробно описаны Н. Билибины на примере контактов двух групп коряков – оленеводов и морских зверобоев¹. Последние, отмечает исследователь, представляют две системы хозяйства, которые находятся в зависимости друг от друга. Эта зависимость реализуется в процессе обмена продукции оленеводства на продукцию морского зверобойного промысла. Потребность в крепкой подошве для обуви, ремнях для упряжи и осветительном материале оленевод удовлетворяет, получая необходимые для этого продукты (шкуры нерпы, жир морского зверя) от береговых коряков, занимающихся морским зверобойным промыслом. В свою очередь, береговые коряки нуждаются в мясе олена и оленых шкурах. Взаимное снабжение этими продуктами и составляет содержание обмена.

Нарушение обмена обуславливает дестабилизацию взаимодействующих сторон. Так, отсутствие у оленеводов сделанной из крепкой нерпичьей кожи обуви ведет к потере оленей, что сказывается на эффективности производства². Жизнь береговых коряков в не меньшей степени зависит от кочевого хозяйства оленеводов, хотя эта зависимость носит несколько иной характер, поскольку первые получают от вторых не предметы производственного значения, а мясо и шкуры, которые служат условием воспроизводства не хозяйства, а непосредственной жизни людей.

Описанный вариант обмена касается двух общин одного и того же народа. Но, поскольку эти группы представляют различные формы хозяйства, их отношения аналогичны взаимодействию разных народов с подобными формами хозяйства. Важно отметить, что в рамках естественно сложившейся системы хозяйства отдельная национальная общность обычно не в состоянии обеспечить производство всех необходимых для своей жизнедеятельности продуктов, и их недостаток компенсируется за счет обмена. Его превращение в постоянное явление ведет к дифференциации материального производства и экономических отношений. Помимо производства и распределения жизнеобеспечивающего продукта, формируется производство, распределение и обмен избыточного продукта. В первом случае и производство, и распределение охватывают членов одной

¹ См.: Билибин Н. Обмен у коряков. Л., 1934.

² Там же. С. 9.

и той же общине, во втором – принадлежащих к разным общинам¹. Весь жизнеобеспечивающий продукт, а это преимущественно пища, независимо от того, кому именно и как он непосредственно произведен, является собственностью не отдельных людей, а всего коллектива, всей общине, так же как и используемые для производства орудия труда. Поэтому распоряжается ими община в целом. Но при этом каждый ее член может взять себе ту долю продукта, которая необходима ему для обеспечения существования. Соответствующие отношения распределения Ю. И. Семенов называет разборными². Появление обмена обуславливает переход части средств потребления не только в пользование, но и в распоряжение отдельных членов общин или семей, хотя собственность на них по-прежнему остается общинной. Человек имеет право передавать продукты (вещи), находящиеся в его распоряжении, лицам, принадлежащим к другой общине. Но при необходимости (например при наступлении голода) общинники могут забрать находящиеся в распоряжении отдельного лица продукты, и человек был обязан делиться ими с членами общиной именно потому, что их собственником являлась община. Данные отношения распределения характеризуются как дежные отношения³.

Персональное распоряжение вещами, находящимися в общинной собственности, формирует так называемую обособленную собственность. Она индивидуализирует общий труд и общую собственность, но не является частной собственностью⁴. В рамках общин, как подчеркивает А. М. Румянцев, "ни обособленная собственность больших семей, ни парцелярная собственность малых семей, строго говоря, не является еще в полном смысле слова частной собственностью. И обособленная, и парцелярная собственность лишь ее источники"⁵.

В этой связи необходимо обратить внимание на утверждавшееся в литературе, посвященной изучению народов Севера, противоречие. С одной стороны, практически все исследователи считают, что в дореволюционный период у народов Севера существовала частная собственность на оленей. С другой стороны, они же фиксируют наличие у оленеводов по существу не частнособственных, а дежных отношений. Например, А. А. Попов так пишет о кочевой группе оленеводов-долган, состоявшей

¹ См.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 81, 82.

² См.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 195.

³ См.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна... С. 29-31.

⁴ См.: Там же. С. 38, 39, 80; Румянцев А. М. Первобытный способ производства. М., 1987. С. 285-288.

⁵ Румянцев А. М. Первобытный способ производства. С. 288.

из нескольких семей: "При недостатке продуктов питания обеспечение ими группы возлагалось на зажиточных ее членов. Они должны были кормить группу мясом своих домашних оленей. Эта помощь не воспринималась как благодеяние, она вменялась в обязанность зажиточным. При падеже должны были наделять пострадавших своими оленями"¹. Но если зажиточный оленевод обязан был делиться с другими мясом оленей, то это значит, что он был не собственником, а распорядителем; действительным собственником в данном случае была община. Частный собственник не обязан ни к кому делиться своею собственностью. Поэтому собственность на оленей у народов Севера точнее определить как обособленную, а не частную.

Обособленная собственность является непосредственным продуктом установившегося обмена между общинами. Первоначально весь обмен осуществляется от имени общин как самостоятельных единиц собственности. В дальнейшем в него вступают отдельные семьи как обособленные собственники. Развитие обмена обуславливает появление особой группы людей, в руках которой сосредотачивается большая часть прибавочного продукта и которая постепенно монополизирует обменные операции. Так, Н. Билибин отмечает, что в обмен у коряков вступают в основном обеспеченные оленеводы и зверобои². В этих условиях появляется возможность присвоения труда общинников со стороны обеспеченных и возникновения зачаточных элементов эксплуатации. Но данные процессы осуществляются в рамках не частной, а обособленной собственности отдельных семей, поскольку высшим собственником по-прежнему остается община.

Возникновение под влиянием обмена обособленной собственности, выступающей источником формирования социальной дифференциации и частной собственности, являлось важной предпосылкой повышения эффективности материального производства. В то же время двойственный характер обособленной собственности, являющейся еще общинной и уже индивидуальной, проявляется в противоречии между отдельной семьей, стремящейся к бесконтрольному распоряжению накопленным или приобретенным богатством, и общиной, требующей его уравнительного распределения³. Влияние общины было особенно сильным в условиях присваивающего типа хозяйства, где оно компенсировало неравенство в производстве продуктов отдельными семьями, обусловленное естественными

¹ Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. С. 145.

² См.: Билибин Н. Обмен у коряков. С. 21, 22.

³ См.: Хазанов А. М. Разложение первобытно-общинного строя... С. 94, 95; Румянцев А. М. Первобытный способ производства. С. 289.

предпосылками. Поэтому превращение обособленной собственности в частную возможно лишь при вполне определенных условиях: такая возможность реализовалась в процессе взаимодействия народов Севера не между собой, а с другими национальными группами, прежде всего русскими.

Обмен между общинами, в том числе представлявшими разные народы Севера, первоначально выступает в виде обмена продуктами питания. По мере укрепления взаимных связей в обмен включаются и другие продукты производства: орудия труда, предметы быта. Народы заимствуют друг у друга также способы промысловой деятельности, что существенно влияет на изменение их образа жизни, и в литературе имеются тому многочисленные свидетельства.

Так, В. Г. Богораз отмечает существовавший между чукчами и эвенами (ламутами) обмен оленями: "Чукотский олень, благодаря своей дикости, труднее поддается дрессировке, чем ламутский, и чуки везде, где могут, приобретают для упряжи и верховой езды ламутских оленей. По всей линии прикосновения двух племен происходит деятельный обмен животными"¹.

Результаты взаимодействия долган с рядом других народов непосредственно оказались на их оленеводстве. Одни технологические приемы они заимствовали у эвенков, другие – у ненцев. К первым относятся верховые и выючные способы передвижения, а также доение оленей, ко вторым – зимние нартовые способы передвижения и выпас оленей с помощью собак².

И. С. Вдовин считает, что береговые чуки позаимствовали культуру морского зверобойного промысла у эскимосов³. В свою очередь, эскимосы поддерживали связи с чукчами-оленеводами, меняя на продукты оленеводства деревянную посуду, деревянные части жилищ, байдар, материал для луков, стрел, копий, а также продукцию морского зверобойного промысла⁴.

Группа тунгусоязычных ороков, переселившись на Южный Сахалин, утратила свое прежнее занятие и приобрела новую материальную культуру, освоив рыболовство и охоту⁵. Подобным образом утеряла оленеводство, а вместе с ним и кочевой образ жизни группа эвенков, переселившись из Забайкалья в низовья Амура. Вместо этого они усвоили от жителей Амура оседлый образ жизни и соответствующие элементы их культуры, сохранив основу языка, а также основные предметы общетунгусской культуры⁶.

¹ Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей. С.-П., 1901. С. 38.

² См.: Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 52.

³ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 4.

⁴ См.: Вдовин И. С. Из истории отношений... С. 4.

⁵ См.: Васильев В. И., Соколова З. П., Туголуков В. А. Этнические общности... С. 43.

⁶ См.: История Сибири. Т. 1. С. 402.

Закономерным результатом длительных контактов манси, являвшихся охотниками и рыболовами, с ненцами-оленеводами был в свое время их переход к оленеводству. Вместе с ним они "займствовали и весь комплекс сопутствующих ему предметов: орудия труда, транспортные средства, жилище, элементы одежды. Частично была заимствована терминология"¹.

Обычно каждый из народов Севера находился в отношениях не с одним, а с несколькими народами, образуя своеобразную систему национальных общностей с некоторыми общими элементами материальной культуры, быта и экономических отношений, выражавших необходимые связи между разными народами, прежде всего через систему циркуляции прибавочного продукта. Их взаимодействие между собой выступает важным условием совершенствования различных сторон жизни каждой из них. Даже внутренние предпосылки развития производства, как было показано, реализуются через взаимодействие с другими народами.

Народы Севера образовывали несколько региональных социокультурных систем, в каждую из которых входил ограниченный круг национальных общностей; наличие таких систем подтверждают этнографические исследования. Так, Ч. М. Таксами отмечает, что в бассейне Нижнего Амура и Сахалина существовали длительные культурные связи нанайцев, ногайцев, ороков, орочей, нивхов, нашедшие отражение в хозяйственной деятельности, общественном строе, материальной и духовной культуре, языке. Здесь "скрестились культуры аборигенов – древних рыболовов, морских зверобоев и собирателей – с культурой оленеводов и охотников, пришедших сюда позднее"². Эту точку зрения поддерживают В. И. Васильев, З. П. Соколова и В. А. Туголуков, подчеркивая длительный систематический характер контактов народов Нижнего Амура и Сахалина, определивших взаимное проникновение культур и формирование общих элементов в материальной и духовной жизни всех народов данного региона³.

О существовании межнациональной общности говорит применительно к другому региону Е. А. Алексеенко: "Таким образом, в XIX в. в верховьях Таза исторически сложилась межнациональная общность, которую составляли периферийные группы северных селькупов, енисейских эвенков и частично кетов. Сам состав этой общности предопределял тесные контактные отношения с аналогичным по составу коренным населением Туруханского Севера"⁴.

¹ Федорова Е. Г. Элементы традиционного... С. 152.

² Таксами Ч. М. Некоторые общие черты... С. 123.

³ См.: Васильев В. И., Соколова З. П., Туголуков В. А. Этнические общности... С. 54, 55.

⁴ Алексеенко Е. А. Селькупы//Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 107.

Одним из подтверждений взаимопроникновения народов Севера в результате их взаимодействия между собой является признаваемый практически всеми современными исследователями факт перехода народов от родовой организации к территориальной соседской общине¹. Родовые отношения повсеместно сменились соседско-территориальными к началу XX в. Характерная черта соседских общин у народов Севера состоит в том, что они формировались из представителей разных родов, зачастую принадлежавших к различным национальным общностям². Поэтому в рамках отдельных национальных общностей практически всегда находились этнические группы, представлявшие другие общности. В этой связи важно отметить следующее. Во-первых, образование таких групп было невозможно вне взаимодействия народов Севера между собой; они, в известном смысле, продукт взаимодействия. Во-вторых, находясь в инонациональном окружении, они по сути дела выполняли функции групп – трансляторов культуры, т. е. с их помощью обеспечивалось взаимодействие народов.

Установленные в ходе предшествующего анализа общие элементы материальной культуры народов Севера, наличие их взаимного влияния и взаимной зависимости, а также групп – трансляторов культуры представляют собой различные моменты взаимопроникновения национальных общностей, что позволяет сделать вывод о существовании интернационализации общественной жизни народов в условиях архаического и традиционного обществ. Интернационализация у народов Севера в этот период характеризует исходную форму данного процесса, выражющую рефлексию национальных общностей одного и того же исторического типа. Она проявляется во взаимном обмене пищей, орудиями труда, технологическими способами промысла, предметами быта. Вместе с тем имеет место заимствование отдельными группами народов Севера не только тех или иных элементов материальной культуры, но и отдельных видов присваивающего и полупроизводящего хозяйства (оленеводство) со всем комплексом сопутствующих им вещественных компонентов – орудий труда, транспортных средств, одежды, жилища и т. п. Важным является возникновение под влиянием взаимодействия исходной формы прибавочного

¹ См., например: Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории Северной Сибири // Родовое общество. М., 1951; Общественный строй у народов Северной Сибири; Луковцев В. С. Минута тысячелетия: О социалистическом развитии народов Севера. М., 1982; Этническое развитие народов Севера... и др.

² Существование смешанных по национальному составу соседско-территориальных объединений убедительно показано В. И. Васильевым, З. П. Соколовой и В. А. Туголуковым (см.: Этническое развитие народов Севера... С. 32-57).

продукта и соответствующих экономических отношений, лежащих в основе выделения в каждой из взаимодействующих сторон обособленной собственности как источника формирования частной собственности.

Результатом данной формы интернационализации является образование на обширной территории расселения народов Севера нескольких региональных систем национальных общностей, которые возникают под влиянием специфических природно данных условий на основе соответствующих хозяйственно-культурных типов, обогащаясь затем в процессе интернационализации. Каждая из региональных систем формирует интегральный тип культуры, включающий элементы различных видов хозяйства (и соответствующего образа жизни) при доминирующем положении одного из них. Это культуры на базе охотничьего промысла на пушных зверей и птиц, рыболовства, оленеводства и морского зверобойного промысла.

Будучи региональными, системы национальных общностей не являются изолированными. Взаимодействуя друг с другом, они образуют некоторый социокультурный комплекс как основу циркумполярной (арктической) цивилизации. В то же время взаимодействие народов Севера между собой не способствует выходу их развития за пределы традиционного общества. Этот выход определяется контактами данных народов с другими национальными общностями. В частности, с момента присоединения Сибири к России в XVI в. определяющее значение здесь принадлежит взаимодействию с русским населением.

Связи народов Севера с русским населением представляют собой асимметричное взаимодействие, поскольку его сторонами выступают общества, принадлежащие к разным историческим формам национальной общности. Именно такой тип взаимодействия, а не взаимодействие с абсолютной тождественностью сторон преобладает в истории. Асимметрия вовсе не означает, что одна из сторон пассивна. Обе стороны обладают активностью, хотя и разного уровня.

В рассматриваемом случае народы Севера являлись не только объектом воздействия со стороны русских, но и субъектом взаимодействия, что проявлялась двояко. Во-первых, заимствуя у русских те или иные элементы материальной и духовной культуры, они адаптировали их к своим специфическим внутренним условиям, поэтому заимствование имело творческий, активный характер. Во-вторых, не только русские влияли на народы Севера, но и последние на русских. Конечно, данные народы не могли существенно воздействовать на всю общность русских, изменить ее культуру, социальный строй и т. д. Но те группы русских, которые переселялись в Сибирь, воспринимали от коренных жителей отдельные элементы культуры, а иногда и образ жизни. Исследователи фиксируют заимство-

вание русскими приемов охоты, рыболовства, использование в качестве транспортных средств оленей и собак (некоторые из русских становились оленеводами¹). В местах совместного проживания было характерным взаимопроникновение элементов повседневной жизни русских поселенцев и местных жителей, на что обращают внимание исследователи². Их быт и хозяйство, отмечает В. Г. Богораз, "слились воедино, в одно неразрывное целое"³. Важно при этом отметить, что там, где русские заимствовали рыболовство, представляющее собой более низкую историческую форму хозяйства по сравнению с оленеводством, они "понизились культурно и хозяйственno и даже попали в зависимое положение от соседних богатых кочевников-оленеводов"⁴.

Таковы лишь некоторые результаты контактов русских и народов Севера, позволяющие оценить их именно как взаимодействие. Наша задача состоит в том, чтобы, учитывая особенности этого взаимодействия, раскрыть то влияние, которое оно оказывало на развитие народов Севера.

Необходимость освоения Сибири обусловливалаась геополитическими интересами российского государства, но этим она не ограничивалась. В освоении были заинтересованы также определенные группы предпринимателей, купечества, рассматривавшие Сибирь как источник ценной пушнины, а также крестьянство, видевшее в переселении на восток освобождение от крепостного права⁵. Так как цели у них были разными, различным являлось и их влияние на коренное население Сибири.

После присоединения Сибири к России территория расселения народов Севера была объявлена собственностью государства, коренному населению она передавалась во владение. Поскольку высшим собственником земли становилось государство, постольку владельцы земли, в том числе народы Севера, должны были за ее пользование платить верховному соб-

¹ См.: История Сибири. Т. 1. С. 370, 371; Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 50, 51; Васильев В. И. Возникновение элементов частнособственного уклада у самодийских народов обско-енисейского Севера // Ставление классов и государства. М., 1976. С. 334; Евсюгин А. Д. Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1979. С. 52 и др.

² См.: Богораз В. Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. Петроград, 1920. Вып. 9. С. 19-23; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 505; Комаров В. Л. Избр. соч. М.; Л., 1950. Т. 6. Путешествие по Камчатке в 1908-1909 гг. С. 409, 410.

³ Богораз В. Г. Новые задачи российской этнографии... С. 19.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ См.: Бойко В. И., Окладников А. П. Проблемы периодизации миграций // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 166, 167.

ственнику земельную ренту, натуральным выражением которого являлся ясак. Провозглашение российского государства собственником земель по существу не изменило исторически сложившихся форм земельных отношений – формы пользования олеными пастищами и промысловыми угодьями царским правительством не регламентировались, а определялись местными обычаями¹.

Уплата ясака, в качестве которого выступала, как правило, пушнина, выражала форму зависимости народов Севера: натуральный налог – основа феодальных отношений. В XVII в. доход от пушнины составлял 25 % государственного бюджета, значительная доля которого приходилась на народы Севера².

Введение ясака привело к установлению института родовых старшин, через которых государство осуществляло управление делами народов Севера и которые олицетворяли политическую власть на местах, монополизировав связь с администрацией, распределение производимого членами общин для выплаты ясака прибавочного продукта. Часть его они присваивали себе, отчуждая таким образом в свою пользу труд общинников, и использовали для накопления и ростовщичества, служившего источником появления в общине отношений личной зависимости. Все это характеризовало процесс возникновения элементов первоначальных форм эксплуатации внутри общины и связанной с ними социальной дифференциации, которая была порождена внешним воздействием и являлась продуктом взаимодействия национальных общностей феодального и первобытно-общинного типа на институциональном уровне. Выражавшая сущность феодального строя кабальная форма зависимости народов Севера от государства находила соответствующее проявление во внутронациональных отношениях. По сути дела, речь идет о распространении феодальных отношений, которые сами выступают результатом взаимодействия различных национальных общностей, а потому являются интернациональными, в национально-специфических условиях первобытного общества. Специфическими были не только их реальное воплощение, опосредованное традициями первобытной общины, но и группа – транслятор феодальной культуры (экономической и политической). Она представлена в данном случае старшинами – родовыми или общинными вождями.

Воздействие на народы Севера русских торговцев складывалось иначе. В отличие от других групп русских торговцы присутствовали не только в непосредственно осваиваемых районах (по рекам Обь, Енисей, Амур,

¹ См.: История Сибири. Т. 2. С. 343.

² См.: Скачко А. Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства. Л., 1934. С. 6.

Лена); небольшими группами они проникали также в удаленные места, вступая во взаимодействие с коренным населением. Основной формой этого взаимодействия являлся обмен продуктами материального производства. Но если обмен народов Севера между собой имел форму дарообмена, а основным обмениваемым продуктом являлась пища, то во взаимодействии с русскими торговцами изменяются как его характер, так и структура. Он становится непосредственно товарным, а в качестве товаров у народов Севера выступали пушнина, в меньшей степени – китовый ус, моржовая и мамонтовая кость, панты благородного оленя; на них они обменивали у русских орудия труда и предметы быта. Пищевые продукты (чай, мука и др.) в обмене присутствовали, но не преобладали.

Возникновение товарного обмена вносило существенный элемент в развитие народов Севера. Помимо жизнеобеспечивающего продукта, а также продукта, идущего на выплату ясака, большинство из них начинает производить и прибавочный продукт, специально предназначенный для торговли. Он добывался индивидуально отдельным производителем (исключение составляет промысел крупных морских животных, где требовались коллективные усилия) и им же непосредственно присваивался. Не община, а производитель становился непосредственным собственником товарной продукции, на нее не распространялись ни разборные, ни дележные отношения. Никто из общинников не мог забрать у него данную продукцию, так же как и он не имел права на товарную продукцию других. Обладая собственностью на заключенный в ней прибавочный продукт, каждый производитель имел только то, что сам персонально произвел. Следовательно, в данном случае налицо не уравнительное (равнодостаточное) распределение, а распределение по труду, которое не опосредовано общиной. Возникающая при этом собственность выступает уже не общинной и не обособленной, а частной собственностью. Специфическая особенность данной формы частной собственности состоит в том, что она основана на персональном труде производителя.

Обусловленная появлением товарного обмена с русскими дифференциация материального производства народов Севера, проявляющаяся в разграничении производства продуктов, идущих на потребление и подвергавшихся уравнительному распределению в общине, и продуктов для товарообмена, становящихся собственностью непосредственного производителя, зафиксирована в исторической и этнографической литературе. Важно, что это разграничение находило адекватное отражение в сознании населения¹.

¹ См., например: Штернберг Л. Я. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. С. 377. Подобное разграничение у индейцев Северной Америки

Являясь собственником товарной продукции, непосредственный производитель не становился ее потребителем, она обменивалась на другие продукты. В процессе обмена производитель вступал в экономические отношения с торговцем, интерес которого состоял в том, чтобы обратить этот обмен в свою пользу, иначе говоря, сделать его неэквивалентным; неэквивалентный обмен являлся источником эксплуатации.

Развитие товарного обмена с русскими торговцами обусловило возникновение в среде народов Севера особой группы людей – торговых посредников. Посредничество в торговле они стремились использовать для перераспределения прибавочного продукта на выгодных для себя условиях, т. е. часть его присвоить. В результате торговые посредники становились обладателями частной собственности, но основанной уже не на собственном, а на чужом труде, труде соплеменников. Чаще всего обменные операции сосредотачивали в своих руках представители родоплеменной верхушки и приближенные к ним лица, совмещая торговлю с административными функциями.

Торговое посредничество формировало наряду с эксплуатацией народов Севера со стороны русских торговцев также отношения зависимости внутри самих народов. Причем неэквивалентный обмен продукцией между непосредственным производителем и торговым посредником выступал преимущественной формой эксплуатации у данных национальных общностей. "Торговое посредничество в его самой примитивной ростовщической форме, – отмечает М. А. Сергеев, – сыграло крупнейшую роль в расслоении малых народов, в усилении экономической мощи имущей верхушки, в развитии отношений зависимости путем закабаления мелких самостоятельных производителей"¹.

Развитие социального расслоения и первоначальных форм эксплуатации у народов Севера было связано главным образом не с внутренними, а с внешними условиями. Этот процесс характеризовал проникновение феодальных экономических отношений в специфическую среду первобытного общества, внося в него элемент разрушения устоявшихся экономических структур.

Данное обстоятельство далеко не всегда учитывается исследователями. Так, существует точка зрения, в соответствии с которой имущественная дифференциация в оленеводстве обусловлена внутренними условиями². Несомненно, внутренние условия не являются безразличными к про-

описано Ю. П. Аверкиевой в кн.: Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974. С. 57.

¹ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития... С. 133.

² См., например: Васильев В. И. Возникновение элементов частнособственнического уклада...

цессу дифференциации. У оленеводов они для этого более благоприятны, чем, например, у рыболовов, поскольку хозяйство первых, являясь полу-производящим, имеет в целом большие возможности для систематического производства прибавочного продукта. Однако только при наличии определенных внешних условий эти возможности реализуются. Торговый обмен с русскими принадлежит к числу таких условий.

У оленеводческих народов прежде всего под влиянием взаимодействия с русским купечеством складывается имущественная дифференциация, формируются кабальные формы зависимости и распространяются первоначальные формы эксплуатации¹. В этих условиях помимо обособленной собственности на оленей зарождается частная собственность на них. Последняя распространяется, очевидно, только на тех оленей, которые предназначались не для непосредственного потребления, а использовались в качестве транспорта в посреднической торговле и для получившего распространение товарного обмена оленей на пушину – у местной бедноты и на различные продукты – у русских.

Во второй половине XIX – начале XX в. в богатые рыбой районы расселения народов Севера начинают проникать рыбопромышленники и появляются капиталистические предприятия. Рыболовство становится товарной отраслью, что весьма серьезно сказывается на состоянии экономической жизни населявших эти территории народов; с превращением рыбы в товар ее добыча значительно увеличивается по мере увеличения производства прибавочного продукта. По свидетельству Ч. М. Таксами, к началу XX в. преобладающее большинство нивхского населения Нижнего Амура и Сахалина сдавало на рынок около половины всего улова рыбы².

Если в обычных условиях собственность на рыболовные участки была общинной и все члены общины могли добывать рыбу на этих участках, то по мере проникновения сюда товарных отношений ситуация меняется. Так, с приходом русских рыбопромышленников в низовьях Оби и Енисея представители отдельных семей коренного населения стали заключать с ними сделки на сдачу в аренду рыболовных угодий. При этом получаемую арендную плату они старались присвоить себе. Постепенно фактическими собственниками сдаваемых в аренду участков становились отдельные семьи, число которых со временем уменьшилось до минимума³. Как

¹ См.: Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития... С. 128-143; Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 384-418 и др.

² Таксами Ч. М. Переустройство культуры и быта народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1964. С. 11.

³ См., например: Васильев В. И., Соколова З. П., Туголуков В. А. Этнические общности... С. 44, 45.

отмечает В. И. Васильев, сдача рыболовных участков в аренду русским промышленникам явилась основным каналом проникновения частнособственнических отношений в рыболовство у коренных народов Обско-Енисейского Севера¹.

Возникновение частной собственности в данной отрасли традиционного хозяйства является непосредственным продуктом взаимодействия местного населения с русскими рыбопромышленниками. Это специфическое взаимодействие, состоящее в распространении элементов капиталистических отношений в своеобразной – присваивающей – отрасли, приводило к двум основным последствиям. Во-первых, возникновение частной собственности на промысловые участки породило прослойку ростовщиков из числа коренного населения, в кабальной зависимости от которых постепенно оказывались их сородичи и соседи². Во-вторых, с приходом русских предпринимателей организация рыболовного промысла строилась по типу капиталистического хозяйства с использованием наемного труда. Часть наемных рабочих составляло местное население. Так, по данным Н. А. Свешникова, на рыболовецких промыслах в низовьях Оби в 1908 г. было занято более 13 тыс. представителей народов Севера³.

Наемные рабочие среди народов Севера появились и в других местах, где возникли капиталистические предприятия. По данным переписи 1897 г., в Амурской области по найму работало 7 % эвенков⁴. И. А. Лопатин отмечает, что на различных капиталистических предприятиях нанайцы, удэгейцы, орохи работали не только рыбаками и рыбообработчиками, но и чернорабочими, посыльными, сторожами, золотничниками и др.⁵

Возникновение у народов Севера наемного труда представляло собой переход к принципиально новым для них экономическим отношениям. Работник уже не был связан ни с общинной собственностью, ни с частной, основанной на собственном труде. Единственное, чем он обладал, это собственность на свою рабочую силу. Нанимаясь к промышленнику, он вступал в иную систему производства, распределения, обмена и потребления продуктов. В частности, в отличие от труда в рамках общины, работник теперь не становился ни собственником, ни владельцем, ни распо-

¹ См.: *Васильев В. И.* Возникновение элементов частно-собственнического уклада... С. 388.

² См.: Там же.

³ См.: *Свешников Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории Сибири. Л., 1961. С 33.

⁴ См.: История Сибири. Т. 3. С. 80.

⁵ См.: *Лопатин И. А.* Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования // Зап. об-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1922. Т. 18. С. 146.

рядителем производимого продукта, который изначально принадлежал промышленнику; работник получал не продукт своего труда, а заработную плату.

Следует отметить, что использование наемного труда работников из числа народов Севера не имело сколько-нибудь широкого распространения, так как капиталистические предприятия возникали не повсеместно, а лишь в отдельных местах. Кроме того, работа по найму обычно имела сезонный характер, поэтому отдельный индивид в принципе еще не был выключен из общинной системы жизнедеятельности.

Взаимодействие с группами русских – торговцами и промышленными предпринимателями – имело большое значение для народов Севера: оно стимулировало развитие материального производства, его дифференциацию, усложнение. В обмен на пушнину и другие продукты, становящиеся товарами, местное население получало необходимые для совершенствования промыслов орудия труда, а также предметы быта, способствующие улучшению их образа жизни. Поэтому для многих народов контакты с русскими стали важным условием их внутреннего развития. Например, Л. И. Шренк в XIX в. так писал о коренном населении: "Несмотря на важное значение в жизни амурских инородцев рыбной ловли и охоты, ни та, ни другая, однако, непосредственно еще не удовлетворяют их нужд. Известная доля потребностей этих инородцев, что касается их пищи, одежды... добывается ими лишь посредством отчуждения части их рыболовных и охотничьих продуктов в пользу соседних культурных народов, то есть посредством торговли"¹.

Присоединение Сибири к России обусловило появление здесь городов – центров уездов, многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов. В результате уже в конце XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным². Крестьяне составляли основную массу переселенцев. Только с 1861 по 1917 г. из Центральной России их переселилось более 3 млн. человек³.

Взаимодействие крестьян с коренным населением проявлялось, в частности, в прямом заимствовании отдельных элементов материальной и духовной культуры русских. Помимо разнообразных орудий труда, в том числе технических средств, более прогрессивных, чем местные, приемов промысла, предметов быта и бытовых навыков, новых типов жилищ, народы Севера перенимают у русских такие виды хозяйственной деятельности, как земледелие, животноводство, огородничество. Так, в Приангарье,

¹ Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края: В 3-х т. С.-П., 1899. Т. 2. С. 276.

² См.: История Сибири. Т. 2. С. 56.

³ Бойко В. И., Окладников А. П. Проблемы периодизации миграции. С. 168.

в верховьях Амура и на Охотском побережье в ряде мест эвенки переходили к скотоводству и земледелию, промыслы у них сохранялись как подсобные занятия¹. Согласно переписи 1897 г., у 61,6 % эвенков Читинского округа основным занятием было земледелие, в Нерчинско-Заводском округе – у 63,5 % эвенков².

С XVII в. под влиянием русских появились земледелие и животноводство у ительменов и коряков Камчатки. Они стали заниматься огородничеством³. В 1836 г. из 54 камчадальских, ительменских и корякских поселений полуострова лошади были в 23, а крупный рогатый скот – в 42 селениях. К 1913 г. скотоводство, также как и огородничество, практиковалось во всех русских, камчадальских, корякских и ительменских селениях. Лошади появились даже в хозяйствах кочевых оленеводов-коряков и камчатских эвенков и эвенов⁴. Довольно широкое распространение земледелие и животноводство получили у хантов и манси, которые контактировали с русскими наиболее тесно.

Взаимодействие с русскими сыграло существенную роль в развитии народов Севера. Они заимствовали у них металлические изделия, служившие важным условием совершенствования промысловой деятельности. Этому способствовало и установление регулярных торговых отношений, приведших к значительному увеличению производства прибавочного продукта, предназначенного для обмена. Благодаря товарному обмену многие народы Севера постепенно втягивались в систему складывающейся всероссийского рынка.

Распространение у народов Севера под влиянием совместного проживания или соседства с русским населением животноводства и земледелия явилось благоприятным условием для уменьшения зависимости их жизнедеятельности от природных условий. Освоение производящего хозяйства компенсировало периодический недостаток продуктов питания, способствуя, в частности, снижению уровня смертности среди аборигенного населения.

Помимо непосредственного влияния русских на народы Севера, о котором шла речь до сих пор, немаловажное значение для них имело опосредованное влияние, которое испытывали на себе все народы и которое напрямую было связано с официальным присоединением Сибири к России. Как отмечалось, оно привело к установлению кабальной зависимости

¹ См.: История Сибири. Т. 2. С. 426-427.

² См.: История Сибири. Томск, 1987. С. 432.

³ См.: Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв. М., 1985. С. 100.

⁴ См.: Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки. (Конец XVIII – начало XX в.). Л., 1973. С. 157, 158.

коренного населения от государства. Вместе с тем это присоединение означало и то, что Русское государство брало его под свою защиту, стремясь прежде всего положить конец имевшим повсеместное распространение войнам народов Севера между собой. Практически все исследователи отмечают прекращение таких войн среди большинства из них уже во второй половине XVII в., что служило важным условием преодоления отчуждения народов, усиления подвижности населения и укрепления его взаимодействия друг с другом. Присоединение Сибири к России оказало тем самым и положительное влияние на их взаимодействие между собой.

Одним из результатов укрепившегося с приходом русских взаимодействия народов Севера явилось развитие соседской общины, объединявшей представителей разных родов и племен. Ее главный признак состоит в дуализме, проявляющемся в наличии в ней одновременно общей (общинной) и частной собственности. У народов Севера к началу XX в. в общинной собственности находились основные средства производства – земля (пастбищные, рыболовные и охотничьи участки) и крупные орудия труда (главным образом в морском зверобойном промысле и рыболовстве). В частной собственности находились товарная продукция, отдельные средства производства, а также те олени, которые использовались в качестве транспортного средства для осуществления торговых операций и, в отдельных случаях, промысловые участки.

В этом смысле соседская община народов Севера выступала как основная хозяйственная единица, в рамках которой производился и жизнеобеспечивающий, и прибавочный продукт. Она образовывала определенную целостность благодаря тому, что в ней существовали одновременно общее и частное начала, взаимополагая и взаимоотрица друг друга и обеспечивая устойчивость общины. Частное начало, выражавшее индивидуализацию производства и становление первоначальных форм частной собственности, формировалось как результат взаимодействия народов Севера с русскими. Поскольку оно образует необходимый момент соседской общины, поскольку саму ее можно рассматривать как продукт процесса интернационализации. В качестве национально-особенного в данном случае выступает общая собственность, в качестве интернационального – формы кабальной зависимости, адаптация которых к внутренним условиям жизнедеятельности народов Севера формирует особые формы частной собственности и эксплуатации, отличающиеся от подобных форм в условиях феодального общества. Главная их черта состоит в том, что они опосредованы общинными традициями, когда каждый индивид (и его семья) связан одновременно и с общей, и с частной собственностью.

Общинная собственность на средства производства и соответствовавшие ей отношения оказывали значительное влияние на все стороны жиз-

недеятельности общины, в частности, в определенной степени ограничивали развитие частнособственнических отношений и социальной дифференциации, а также сдерживали процесс обособления индивидуального производителя (его семьи), который не завершился здесь в начале XX в. Каждая семья была еще тесно связана с общиной. Данная связь реализовывалась прежде всего через производство, распределение и потребление жизнеобеспечивающего продукта, по-прежнему находящегося в собственности общины, независимо от того, кто его непосредственно произвел. В этом, в частности, выражалась активная роль внутринациональных отношений народов Севера в процессе их взаимодействия с доминирующим обществом феодального типа.

Взаимодействие народов Севера с русской национальной общностью феодального, а затем и отчасти капиталистического типа имело следствием возникновение неравенства и первоначальных форм эксплуатации при сохранении общинных отношений. Общим результатом взаимопроникновения межнациональных и внутринациональных отношений, интернационального и национально-особенного выступало особое качество национального развития этих народов, выражавшееся в том, что архаическое социальное равенство было уже разрушено, но классы еще не сформировались. Протоклассовое общество народов Севера – продукт процесса интернационализации.

Одним из существенных результатов интернационализации в рассматриваемый период был переход коренных народов от дисперсной формы организации жизнедеятельности в рамках архаического общества к централизации межнациональных взаимодействий, которые оказались сфокусированными на русской национальной общности как ведущем субъекте процесса интернационализации.

2. Процесс интернационализации в условиях современного общества

Представление о "современном обществе" получило развитие в теориях модернизации, которые стали доминировать в обществознании в 50-60-х гг. нашего столетия. В этот период модернизация понималась как радикальная вестернизация – переход традиционных обществ к индустриальному обществу западного образца, предполагавший формирование экономической и политической систем, а также типа социальности, существующих в Западной Европе и Северной Америке с начала Нового времени¹. Альтернативный вариант достижения индустриального развития, в

¹ См.: Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966. P. 1.

свое время осуществлявшийся социалистическими странами, не рассматривался как собственно модернизация; А. Турен, например, предложил называть его контрмодернизацией.

В основе понимания модернизации только как вестернизации лежит убеждение в линейности и прогрессивности исторического процесса по западной модели развития. Попытки в различных регионах мира реализовать на практике данную теоретическую модель часто оборачивались, с одной стороны, разрушением традиционных институтов, норм и ценностей без создания эффективных новых, с другой – отторжением процесса модернизации (для обозначения последнего был введен термин "антимодернизация"). В обоих случаях это вело в конечном счете к деформации планируемого процесса.

В действительности элементы традиционного образа жизни не могут быть просто отброшены в процессе модернизации, они не являются в нем пассивной стороной. Их активность имеет разные формы проявления, при определенных условиях реализуясь, в частности, в пробуждении национального самосознания и национализма и связанных с ним сепаратистских настроений. Широкое распространение во второй половине XX столетия национальных движений и невиданный до сих пор размах национализма, рассматриваемый некоторыми исследователями в качестве самой мощной идеи современности¹, является одним из следствий усиления процессов модернизации в современных условиях. Неизбежность компромиссов между традиционным и индустриальным, а также активность политических движений в деле защиты ценностей национальных культур определили трансформацию самих концепций модернизации.

Для современного периода характерно формирование синтетических, по определению Н. Н. Зарубиной, концепций модернизации. Их специфика состоит в обосновании необходимости достижения в процессе преобразований органического синтеза ценностей и институтов традиционного и индустриального обществ, учета социокультурных особенностей развития отдельных национальных общностей, опоры на собственные силы как основу перехода незападных обществ к современным формам жизнедеятельности. Модернизация мыслится теперь «как сложный процесс, подразумевающий структурную дифференциацию социокультурной системы и формирование новых институтов, норм, форм коммуникации, символов и ценностей не на основе отрицания традиционного, а его органического

¹ См.: Shaw P., Wong Y. Nationalism and patriotism in the evolution of human warfare // Canadian rev. of studies in nationalism. Charlottetown, 1992. Vol. 19. № 1/2. P. 139; Lind M. In defense of liberal nationalism // Foreign affairs. N. Y., 1994. Vol. 73. № 3. P. 88.

включения в процессы осовременивания, задействование его мобилизационного и интеграционного потенциала. В этой связи происходит "новое открытие" ("rediscovery") традиционных культур, которые обретают новый смысл и становятся легитимирующей основой преобразований¹.

На наш взгляд, следует говорить о различных вариантах модернизации в зависимости от конкретных условий перехода того или иного народа от традиционного общества к современному. Применительно к народам Севера речь может идти о двух исторически имевших место вариантах модернизации с момента их включения в интенсивные взаимодействия с доминирующим обществом: капиталистическом (западном) развитии, что свойственно для зарубежного Севера, и некапиталистическом пути развития, свойственном российским народам Севера в советский период. Для этих вариантов модернизации характерны как некоторые общие черты, так и определенные особенности.

Отмеченные варианты модернизации, также как процесс модернизации вообще, представляют собой внутреннее развитие той или иной национальной общности, своего рода "вертикаль" общественного процесса, которая фиксируется в диахронном аспекте анализа. В то же время модернизация как результат стадиального (формационного) развития не может не быть продуктом взаимодействия внутренних и внешних условий существования конкретной общности, что предполагает дополнение анализа проблемы синхронным аспектом. В синхронном аспекте межнациональные взаимодействия в диахронии ведут к модернизации, реализующейся в процессе капиталистического или некапиталистического развития. Внешние взаимодействия снимаются и преобразуют внутренние взаимодействия; в этом смысле модернизация, рассмотренная применительно к отдельным национальным общностям, должна быть понята как продукт процесса интернационализации².

В процесс модернизации народы Севера России были включены с начала советского строительства. Период некапиталистического развития народов Севера в литературе оценивается неоднозначно. Если раньше отечественными исследователями он единодушно рассматривался с позитивной точки зрения, то теперь доминирует резко отрицательная позиция. Например, А. И. Пика считает его периодом "тотальной, принудительной

¹ Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998. С. 196.

² Подробнее о единстве синхронного и диахронного аспектов в исследовании различных форм интернационализации см.: Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990. С. 78-103.

интеграции/ассимиляции" народов Севера со стороны бывшего СССР и в целом оценивает как печальный опыт¹.

Можно отметить три типичных признака, которые присущи подобным крайним оценкам. Во-первых, длительный временной промежуток, охватываемый периодом некапиталистического развития, с содержательной точки зрения рассматривается как внутренне неразличенный, якобы не имеющий динамики процесс. Во-вторых, оценка характера преобразований осуществляется без сравнительного анализа подобных процессов в других государствах в тот же самый исторический период. В-третьих, критерием оценки прошлого опыта России выступает идеализированный образ, базирующийся на наиболее ярких достижениях современного периода развития народов зарубежного Севера. Иначе говоря, отсутствует конкретно-исторический подход.

Например, Б. П. Шишло делает негативный вывод о реальных правах коренных народов в рамках автономных округов Камчатки и Чукотки в 1930 г. на основе сопоставления их с характером самоуправления аборигенов в нынешней Гренландии и территории Нунавут в Канаде, а вовсе не в сопоставлении с опытом того же периода или, скажем, с упоминаемой им далее ассимиляторской политикой Австралии по отношению к своему коренному населению, которая (эта политика) насаждалась, как отмечает автор, на протяжении почти столетия вплоть до 1960-х гг.²

Нельзя согласиться с А. И. Пикой в том, что прежняя политика СССР в отношении народов Севера была принципиально неверной³. Долгое время она соответствовала существовавшим парадигмам во взглядах на отношение доминирующего общества к коренным народам, основанным на убеждении в постепенном ослаблении значимости этнических факторов и национальных различий по мере технико-экономического прогресса. Мало того, Советская Россия с момента своего возникновения, а затем и СССР добилась в сравнении с другими странами несомненных успехов в решении актуальных проблем национального развития народов Севера, что явилось результатом практического осуществления социального проекта, базировавшегося на концепции некапиталистического пути развития.

¹ Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социол. исслед. 1996. № 11. С. 47. См. также: Шишло Б. П. Коренные народы Сибири и Россия: особенности отношений // Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World. Sapporo, 1998.

² См.: Шишло Б. П. Коренные народы Сибири и Россия: особенности отношений. С. 4-6.

³ См.: Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском Севере... С. 47.

С начала советского периода народы Севера России пережили уникальный для всемирно-исторического процесса период: прерывалось одно переходное состояние их развития – стадия разложения первобытно-общинного строя и формирование отдельных элементов классового общества – и начиналось другое переходное состояние – стадия перехода к современному обществу такого типа, в основе которого лежит государственная собственность на средства производства.

Поскольку переход народов к индустриальному обществу осуществляется, минуя этап капиталистических отношений, его правомерно определять как некапиталистический путь развития, который характеризует развитие, связанное с преобразованием внутринациональных отношений одного формационного типа в другой. Некапиталистический путь развития народов Севера, являющийся одновременно межформационным переходом и национальным прогрессом, был продуктом межнациональных взаимодействий.

Политика Советского государства проявлялась в ориентации на выравнивание уровней развития национальных общностей и национальное равноправие, заявлялось о добровольном союзе наций, таком союзе, "который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии"¹.

Социалистическая ориентация как необходимая субъективная предпосылка некапиталистического пути национального развития народов Севера была стимулирована в годы гражданской войны, когда в результате нарушения регулярного торгового обмена с русскими их хозяйство было подорвано, а сами они оказались в катастрофическом положении². Для народов Севера в тех условиях, пожалуй, единственным выходом из кризисной ситуации было восстановление связи с русским народом в лице нового государственного устройства, означавшее в данном случае одновременно и ориентацию на социализм. Этому способствовало то обстоятельство, что в первые годы советского периода народы Севера были освобождены от уплаты ясака, защищены от иностранного капитала. Им была оказана безвозмездная помощь в виде снабжения продовольствием и предметами первой необходимости. Они освобождались от всех прямых общегосударственных налогов и сборов, а молодые люди – от службы в армии. Был введен ряд государственных льгот. Все эти мероприятия спо-

¹ Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы Деникина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 43.

² См., например: Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955. С. 209-211; Этническое развитие народов Севера в советский период. М., 1987. С. 62.

составляли укреплению хозяйства народов Севера и росту их доверия к существующей власти.

В свою очередь, государство также испытывало потребность в укреплении связей с народами Севера, которая определялась важным экономическим и политическим значением, которое имели для него северные районы.

Взаимная потребность друг в друге находила реализацию в их взаимодействии, в котором более активную роль играли представители русской национальной общности. Активность народов Севера на первых порах имела специфический характер, ограничиваясь способностью понять и принять помочь другой стороны. Помощь и социалистическая ориентация – две стороны межнациональных отношений, являющихся условием решения национального вопроса применительно к народам Севера, смысл которого состоит в создании условий для обеспечения их национального развития. Взаимопроникновение этих двух сторон характеризует процесс интернационализации, который имеет одним из своих результатов некапиталистический путь национального развития как разновидность модернизации.

Возможность успешного взаимодействия более развитых национальных общностей с протоклассовыми определяется тем, что новый строй содержит в себе в снятом виде отношения предшествующих ему общественных систем, в том числе и первобытно-общинной. К ним относятся, например, разборные и дележные отношения, отношения иждивения, взаимопомощи и др. Хотя они содержатся в нем в преобразованном и подчиненном виде, тем не менее прежде всего через них выражается определенная соотносимость нового социального порядка и традиционного общества народов Севера. Но значительный "перепад" в уровне исторического развития данных народов и доминирующего общества определяет своеобразный характер их взаимодействия: оно является асимметричным, последнее обладает большей активностью; на первых порах эта помощь не может быть взаимообразной, имея специфическую форму опеки.

Деформация национального развития возможна в том случае, если по мере движения по некапиталистическому пути основная форма взаимодействия остается неизменной. Тогда опека либо превращается в гнет, либо рождает отношения иждивения в качестве основы межнациональных отношений. И то, и другое определяет превращение народов в объект внешнего воздействия, потерю ими самостоятельности и активности. Возможность развития народов Севера как социальных субъектов связана с их деятельностью по освоению различных элементов инонациональной материальной и духовной культуры и поступающей помощи, с прогрессивным изменением на этой основе элементов национальной культуры. Сохранение базисных основ традиционной культуры, преемственность в

национальном развитии является при этом не менее важной, чем освоение интернационального опыта. Основная задача состоит не в сохранении в неизменном виде национальной культуры и не в замене ее совершенно новой, а в том, чтобы развить эту культуру за счет интернациональных элементов, адаптированных к внутренним конкретно-историческим условиям.

Основные концептуальные положения экономической и национальной политики, касающейся народов Севера, были сформулированы в официальных документах. Во-первых, провозглашалась недопустимость прямого переноса мероприятий, осуществляемых в центральных районах страны: "Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий Центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто"¹. Во-вторых, чтобы в условиях неразвитой экономики добиться "непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму"². В-третьих, для исторически менее развитых народов провозглашалась важность более медленного и более систематического перехода к социализму³.

Необходимость данных требований непосредственно вытекает из специфики некапиталистического пути развития как периода перехода к более развитому обществу. На этом пути осуществляется освоение внешнего, инонационального, становящегося внутренним, национальным. Это происходит только тогда, когда внешнее воздействие находит адекватную внутренним условиям форму, т. е. когда оно опосредовано национально-специфическим, в качестве которого выступают протоклассовые отношения. В противном случае новый социальный порядок выступает для них в качестве инонационального, а значит не внутреннего, а внешнего, чуждого.

Общей закономерностью различных форм некапиталистического развития является наличие общины как его исходного пункта и внутренней основы. Внутренне присущий ей дуализм коллективного и частного начал в процессе некапиталистического развития претерпевает ряд трансформаций. Положительное снятие общины связано с использованием и качественным преобразование ее дуализма. Смысл изменений состоит в том, что существующие в общине коллективная собственность и соответствующее распределение жизнеобеспечивающего продукта преобразуются в лич-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 254.

² Ленин В. И. О продовольственном налоге // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 228.

³ Там же. С. 199.

ные. Одним из средств для этого может служить сформировавшаяся в рамках общины практика личного присвоения прибавочного продукта, основанного на собственном труде, и индивидуально изготавляемых орудий труда. В свою очередь, частная собственность, основанная на присвоении чужого труда, и общая (общинная) собственность на основные средства производства должны стать общественными.

Очевидно, что одних внутренних средств для отмеченных преобразований совершенно недостаточно. Так, необходимой предпосылкой преодоления коллективного (равнодостаточного) распределения жизнеобеспечивающего продукта является такое развитие хозяйства народов Севера, которое уменьшает его зависимость от неблагоприятных условий естественных производительных сил, носящих случайный характер. Стабилизация и совершенствование хозяйства, возможные на основе преобразования, при помощи более развитых национальных общностей, его технико-технологической основы, обусловливают ограничение распределения жизнеобеспечивающего продукта рамками одной семьи. На первых порах этому способствуют поступающая от государства безвозмездная помощь в обеспечении народов продуктами питания, а также развитие мелкотоварного уклада, обеспечивающего их включение в общее хозяйство. Большую роль играет образование государственного сектора в виде различного рода станций, снабжающих традиционное хозяйство необходимой техникой.

В общине каждый человек включен практически во все ее внутренние связи. В новых условиях обобществление осуществлялось в масштабе не отдельных обособленных групп, а всего общества, посредством включения этих групп в единый хозяйствственный комплекс. Каждый человек включен в него через множество опосредований, освоить которые чрезвычайно сложно. Поэтому переход народов Севера от общинной к социалистической организации экономической жизни стал возможен лишь в результате последовательно сменяющих друг друга в ходе некапиталистического пути промежуточных этапов развития различных форм кооперации. Именно кооперация обеспечивала постепенность преобразования дуализма общины и успешность освоения экономических отношений индустриального общества. Нарушение последовательной этапности и временной длительности данного процесса неизбежно порождало отчуждение народов Севера как от экономических отношений, так и от общественного производства вообще¹.

¹ Подробно о различии общинных и социалистических отношений и преобразовании первых во вторые у народов Севера см.: Бойко В. И., Попков Ю. В. Развитие отношения к труду у народов Севера при социализме. Новосибирск, 1987. С. 41-83.

Модернизация предполагает также формирование своей собственной политической организации. Во многом через нее эти народы должны были реализовать себя в качестве активного субъекта некапиталистического развития.

Развитие других сфер общественной жизни требовало качественного преобразования материального производства. Без развития производственной структуры и технико-технологической основы хозяйства народы Севера не в состоянии стать самостоятельным и равноправным участником во взаимодействии с другими народами. Это означает невозможность перехода от опеки как исходной формы взаимодействия к собственно сотрудничеству и чревато формированием и консервацией иждивенческих отношений и потерей внутренних стимулов развития. Поэтому неправомерно говорить о полноценном решении национального вопроса и нормальном национальном развитии народов Севера, если не создана материально-техническая и экономическая основа их хозяйства.

Выше была дана некоторая идеальная с точки зрения национальных интересов народов Севера характеристика их взаимодействия с доминирующим обществом, зафиксированная с учетом исходных условий, включающих специфику их социального положения и ориентаций в начале советского периода и особенностей провозглашенных принципов национальной политики. Реализация ее на практике носила противоречивый характер.

Применительно к начальному этапу некапиталистического развития можно говорить в целом об адекватности осуществляемых преобразований описанной модели и их содержания коренным национальным интересам народов Севера. Кроме положений, касающихся постепенности, осторожности и специфичности этих преобразований применительно к условиям традиционного общества с неразвитой экономикой, был сформулирован также ряд других принципов. "Декларация прав народов России", принятая в 1917 г., провозглашала равенство и суверенность народов России, право на свободное самоопределение, а также свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп¹. В качестве одного из условий реализации таких прав рассматривалось наличие автономных округов: "Для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым национальным составом..."².

¹ См.: Декларация прав народов России. Принята Советом Народных Комиссаров 2 (15) ноября 1917 г. // Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1967: В 2-х т. М., 1968. Т. 1. С. 35, 36.

² Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 148.

В 20-е годы не были принятые выдвигаемые некоторыми учеными предложения, направленные на учреждение резерваций для народов Севера, их изоляцию от контактов с другими народами¹. Официальную поддержку получила точка зрения, в соответствии с которой необходимым условием их дальнейшего существования является не изоляция, а взаимодействие с другими национальными общностями. При этом характер существовавших у них внутринациональных отношений определял необходимость обеспечения специальной государственной опеки в виде особой помощи и защиты их интересов². Признание необходимости опеки предполагало неизбежность ее изменения в последующем и развитие самостоятельности и активности самих народов. "Советская власть, – отмечал А. Скачко, – ставит своей целью не сохранение народов Севера в их первобытном состоянии в виде редких этнографических экспонатов и не содержание их на роли иждивенцев государства на особо резервированных и отрезанных от прочего мира территориях, но всестороннее культурно-национальное развитие и вхождение их в качестве равноправных (не только принципиально, но и практически) членов и активных строителей социалистического хозяйства в семье народов СССР"³.

Важной была также выдвигавшаяся задача по реконструкции традиционных отраслей хозяйства, главным звеном которой ставилось создание для него новой технической основы⁴. В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР провозглашалась необходимость учета природных, экономических, а также национальных особенностей отдельных регионов при определении рациональной их специализации в рамках единого хозяйственного комплекса⁵. Что касается районов проживания народов Севера, то специальным постановлением Народного комиссариата по национальным делам предусматривалось не только выделение соответствующих территорий, но и запрещение заселения их некоренным населением без санкции Наркомнаца⁶. По сути дела, это требование было направлено на оптимизацию процесса взаимодействия народов Севера с другими народами страны, недопущение такой его интенсивности,

¹ См., например: Богораз В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. 1922. № 1.

² См.: Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития... С. 223.

³ Скачко А. Национальный вопрос и реконструкция хозяйства народов Севера // Сов. Север. 1932. № 3. С. 33

⁴ Там же. С. 35, 36.

⁵ См.: Пятилетний план народохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 3. С. 9.

⁶ См.: Скачко А. Десять лет работы Комитета Севера. С. 9.

которая могла бы отрицательно сказаться на состоянии их внутреннего развития.

Народы Севера находились под государственной защитой и прямым управлением со стороны государства, что объяснялось отсутствием у них собственной политической организации. С 1922 г. органом управления выступал Полярный подотдел Управления туземными народами Севера, существовавший в Отделе национальных меньшинств Народного комиссариата по делам национальностей, а затем, с 1924 г., созданный при Президиуме ВЦИК Комитет содействия народам северных окраин, получивший название Комитета Севера. Выступая "механизмом", опосредующим взаимодействие народов Севера и других народов на институциональном уровне, Комитет Севера сыграл важную роль в организации и проведении хозяйственно-экономических и социально-культурных мероприятий на Севере, в изучении различных сторон жизни народов, разрабатывал проекты, изменения в соответствующих узаконений, основы административного и судебного устройства, т. е. был органом проведения национальной политики, направленной на активизацию самих народов, побуждая их быть действенным субъектом интернационализации и некапиталистического пути развития.

Изучение исторических источников, касающихся характера преобразований в различных сферах жизни народов Севера в 20-е гг., дает основание оценить эти преобразования как адекватные внутренним условиям жизнедеятельности аборигенов, они проводились с учетом существующих институтов и ценностей традиционного общества и в целом способствовали национальному развитию. Интеграция народов Севера в доминирующее общество происходила на основе сложившихся у них традиций.

Последовательными ступенями преобразований в экономической сфере являлись безвозмездная помощь народам Российского Севера со стороны государства, прямой продуктообмен, интегральная коопeração, простейшие производственные объединения. Эта последовательность в проведении экономической политики базировалась на учете конкретных условий и обеспечивала постепенное освоение коренным населением новых экономических отношений. Простейшие производственные объединения строились на использовании коллективного и частного начал, существовавших в соседской общине. В то же время они включали в себя новые элементы экономических отношений, в частности нормы распределения производимого продукта.

В политической сфере постепенность в формировании местных органов власти характеризовалась образованием сначала родовых, затем территориальных (так называемых туземных) Советов. Родовые Советы можно рассматривать как непосредственный результат интернационали-

зации: внешнее воздействие обуславливало создание Советов как политических органов доминирующего общества, а внутренние условия диктовали необходимость придания им специфической родовой формы.

На аналогичных принципах осуществлялось формирование национальных районов и округов, происходившее в начале 30-х гг., что было подготовлено практикой функционирования родовых и туземных Советов. Оно характеризовало появление у народов Севера своего собственно-го национально-административного устройства и выступало формой их политической организации.

Национальные районы отличались от обычных административно-территориальных единиц тем, что они объединяли не территорию как таковую с ее населением, а "этнически однородное население с традиционно сложившейся территорией расселения. Компетенция исполнительных органов национальных районов (тузриков) распространялась исключительно на коренное население, они не распоряжались природными ресурсами территории, им не были подотчетны организации и предприятия, действующие на территории, у них не было собственного бюджета. Несмотря на эти существенные ограничения, их создание сыграло определенную роль в подъеме национального самосознания аборигенных народов, способствовало их этнической консолидации"¹.

Содержание второго этапа некапиталистического развития имеет противоречивый характер. С одной стороны, продолжился процесс преобразований, способствовавших улучшению условий существования народов Севера во всех сферах жизни. В экономической сфере образование колхозов и совхозов позволило провести материально-техническую реконструкцию традиционного хозяйства и превратить его в высокотоварную и доходную отрасль, выработать уникальный для циркумполярного региона позитивный опыт решения проблем занятости аборигенного населения. Разделение труда в виде специализации на традиционных видах производственной деятельности стало главной формой взаимодействия коренных народов с доминирующим обществом. Была создана эффективная система подготовки из числа народов Севера квалифицированных специалистов для сфер образования, культуры, здравоохранения.

Впервые в мировой практике образованные для аборигенов Севера автономии в виде национальных округов характеризовали становление их собственной политической организации, способствовали развитию национального сознания и внутренней консолидации. В отличие от родовых Советов национальные округа выражали более широкую социальную связь,

¹ Тураев В. А. ТERRITORIALНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ // Quest for Models... С. 292.

не ограничиваясь связью отдельных родов или общин. Если до появления национальных округов формой национального обособления народов Севера являлась родоплеменная общность, состоявшая из совокупности отдельных общин, то теперь появляются предпосылки для консолидации их в более широкое социальное образование. Этому способствовало формирование единого для каждой из них разговорного и у большинства народов литературного языка, а также соответствующего самосознания.

Значение организации национальных округов состояло не только в их влиянии на повышение сознательности и социальной активности народов Севера. Она вела к укреплению связи между отдельными внутринациональными группами. Так, первый окружной съезд Советов Корякского национального округа впервые собрал вместе представителей всех локальных групп коряков¹.

С другой стороны, с середины 1930-х и вплоть до конца 1980-х гг. государственная национальная политика была направлена на жесткое централизованное регулирование всех сторон жизни народов Севера и внедрение общих стандартов, ценностей и институтов без должного учета специфики их внутринациональных отношений. Основным результатом такой политики явилось повышение уровня жизни аборигенов, которые усвоили многие достижения современной культуры, получив доступ к медицинской помощи, образованию и другим благам, овладев новыми для себя видами трудовой деятельности, но это произошло в ущерб их самобытности. Народы Севера сохранили себя в качестве относительно самостоятельных национальных общностей, но нарушилось устойчивое воспроизведение их как целостных субъектов национальных отношений².

Проводившаяся несколько десятилетий политика, направленная на внедрение среди аборигенов унифицированных норм, ценностей и институтов, характеризует опыт развития народов Севера не только России, но и всех других стран Арктического кольца. Она определяется существованием в нормах международного права в отношении коренных народов ориентации на интеграцию их в доминирующее общество и связана с господством прогрессистской парадигмы во взглядах на содержание и динамику социального процесса. Несмотря на это народы Севера продолжают существовать как специфические национальные общности благодаря сохранению традиционных видов деятельности и связанных с ними систем

¹ См.: Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1978. С. 284.

² Более подробно о характере преобразований у народов Севера в период не-капиталистического развития см.: Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990. С. 147-178.

землепользования и жизнеобеспечения, особенностей культуры и мировоззрения. Даже те из северных народов, которые на протяжении длительного времени были включены в состав развитых капиталистических государств, реально идут по пути некапиталистического развития.

"Постнекапиталистический" период развития народов российского Севера является периодом их существования в условиях рыночных отношений, которые оказывают существенное влияние на все стороны их жизни. В этой связи представляется интересным сравнительный анализ современного положения народов Севера России и Канады с точки зрения влияния рыночных отношений на их национальное развитие.

Экономика народов Севера не является чисто натуральной, основанной на производстве продукции исключительно для внутреннего потребления с тех пор, как у различных групп аборигенов возник обмен продуктами труда (промышлена) между собой и с другими, более многочисленными национальными общностями. Такой обмен и в России, и в Канаде существует не первое столетие. Но народы российского Севера имеют более богатый опыт торговых (обменных) отношений с другими народами. Это определяется большей продолжительностью и большей масштабностью освоения территории их расселения со стороны русских. Как отмечалось, в Сибири уже в конце XVII в. пришлое население по численности преобладало над коренным, в то время как в Северо-Западных территориях Канады, занимающих треть площади страны, большинство жителей до сих пор составляют аборигены при том, что общая численность населения здесь не превышает 60 тыс. человек.

В России многие из народов Севера были вовлечены в рыночные отношения с конца XIX вв., причем товаром являлась не только пушнина и в определенной мере продукция рыболовства и оленеводства, но также в известной мере и рабочая сила. Однако, если брать в расчет рыночные отношения современного типа, то следует признать, что канадские аборигены так или иначе включены в них более длительное время, а именно, со второй половины 1950-х гг., с начала проведения государственной политики по активному вовлечению их в рыночную экономику. Российские народы Севера включены в подобную экономическую систему всего несколько лет – с 1992 г.

Исходные основания вхождения в систему современных рыночных отношений у канадских и российских аборигенов были во многом различными. Во-первых, основой хозяйства канадских аборигенов выступали натуральный и мелкотоварный уклад, в то время как развитие народов Севера России базировалось на плановой централизованной государственной и коллективной экономике, а традиционные отрасли хозяйства отличалось высокой товарностью и продуктивностью. Во-вторых, в 1950-е гг.,

в период включения в рыночные отношения, канадские аборигены в массе своей проживали небольшими группами родственников и вели кочевой и полукочевой образ жизни. Хотя часть представителей народов российского Севера к началу реформ 1990-х гг. также вела кочевой образ жизни, основу поселенческой структуры составляли населенные пункты с относительно развитой социальной инфраструктурой и смешанным в этническом отношении населением. В-третьих, в отличие от канадских российские аборигены имели к моменту вхождения в рынок дифференцированную социально-профессиональную структуру, были заняты во многих отраслях хозяйства, обладали высоким образовательным потенциалом. Так, работники умственного труда с высшим и средне-специальным образованием составляли у эвенков 24,2 %, долган – 23,5, манси – 22,8, хантов – 20,3 %¹. Высоким был и уровень занятости (85-90 % к числу трудоспособных), что обеспечило государственной политикой гарантированной занятости.

Кроме того, переход к рыночным отношениям у народов Севера России и Канады осуществлялся в условиях существенно различавшихся норм международного права в отношении коренных народов. В 50-е гг. они содержали установку на ассимиляцию данных народов в доминирующем обществе, к началу 90-х гг. в них нашло отражение стремление аборигенов к осуществлению контроля за собственными институтами, образом жизни и экономическим развитием, сохранению и развитию своей самобытности.

Наконец, канадский вариант вхождения в рынок отличался постепенностью и управляемостью, в России этот процесс носит "взрывной" характер, осуществляется в условиях системного кризиса без четко проработанной программы и прогнозируемых результатов.

Существенно различается участие государства в регуляции жизнедеятельности аборигенов. Начиная со второй половины 1950-х гг. канадское государство проводит политику активного вмешательства в экономическое и социальное развитие народов Севера на разных уровнях. За этот период были испробованы разнообразные подходы и приняты многочисленные программы, начиная от ориентации аборигенов на участие в интенсивном индустриальном освоении природных ресурсов региона как главного средства решения экономических проблем местного населения и заканчивая программами развития самодостаточной экономики.

¹ Подсчитано по: Профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации: По данным переписи населения 1989 года. М., 1992. С. 75.

Среди них можно назвать программы по расширению участияaborигенов в добывающей промышленности; инициативы внедрения коммерческого рыболовства и трапперства, переработки мяса диких животных и рыбы; стимулирование предпринимательства на основе создания кооперативов, занятых сувенирным и художественным промыслами, обслуживанием туристов заготовкой леса и др. Разного рода льготы предоставлялись для развития частного предпринимательства; большие субсидии выделялись на программы по созданию рабочих мест и профессионального обучения в области маркетинга, бухгалтерии, административной и управленческой деятельности и др.¹

Наиболее успешными явились государственные программы в Канаде, направленные на решение проблем социального развитияaborигенов. С их помощью в регионе были созданы отвечающие современным потребностям объекты социальной инфраструктуры, осуществлено мощное жилищное строительство, строительство школ, поликлиник, гостиниц, аэропортов и т. д. Сильное развитие получили программы социального обеспечения. Прежде всего благодаря государственному финансированию достигнут относительно высокий уровень жизниaborигенного населения и обеспечиваются благоприятные условия проживания. В целом основная тенденция в программном обеспечении экономического и социального развитияaborигенов в современных условиях состоит в переходе от программ регионального характера к программам регулирования этого развития на уровне общин.

В противоположность Канаде в России вхождение народов Севера в рынок происходит при катастрофическом ослаблении участия государства в финансировании и регулировании процессов их жизнедеятельности. Резкое сокращение государственного финансирования привело к деградации социальной инфраструктуры северных поселков. Практически разрушены созданные на предшествующем этапе развития сферы услуг, бытового обслуживания, государственной и кооперативной торговли; рожденная рыночными реформами коммерческая торговля реализует главным образом алкоголь. В нищенском состоянии оказались жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование. Практически прекращены государственные дотации для традиционных отраслей хозяйства

¹ См., например: Агранат Г. А. Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы // Сов. этнография. 1982. № 6; Черкасов А. Н. Политика канадского правительства по отношению к коренным народам страны // Современная внутренняя политика Канады. М., 1986; Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1992 и др.

(оленеводства, рыболовства, охотничьего промысла), что вызвало их кризис¹. В целом переход к рыночным отношениям привел к резкому ухудшению условий и снижению уровня жизни аборигенов Севера, депопуляции и другим негативным процессам.

Участие государства в регуляции жизнедеятельности народов российского Севера в режиме программного обеспечения не прекратилось совсем, однако произошло катастрофическое снижение его уровня и эффективности. Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на период 1991-1995 гг., принятая в 1991 г. практически не получила финансирования. Основой экономики аборигенов российского Севера являются традиционные отрасли хозяйства. Современные преобразования привели к их деградации. Неоправданно ускоренными темпами и централизованно была проведена деколлективизация хозяйств. На их месте образованы родовые общины, товарищества, фермерские хозяйства, семейные предприятия.

Как показывают наши исследования, проведенные в начале 1990-х гг., аборигены проявляют большой интерес к данным формам организации традиционных занятий. Например, на Чукотке (1993 г.) более половины экспертов высказались за их поддержку. Данный факт можно, на первый взгляд, рассматривать как движение в сторону укрепления самобытности и самостоятельности аборигенов Севера, что, казалось бы, соответствует современным международным правовым нормам в отношении коренных народов. Однако такой вывод должен быть скорректирован.

Если, по свидетельству большинства зарубежных сибиреведов, и с ними надо согласиться, для развития народов российского (впрочем, также и канадского) Севера на протяжении многих лет была характерна потеря самобытности взамен улучшения материального положения, то современный этап отличается резким ухудшением материального положения при расширении возможностей укрепления самобытности (движение в этом направлении применительно к народам России точнее будет оценить как "назад к самобытности").

Дело в том, что абсолютное большинство вновь образуемых родовых общин, фермерских, семейных и др. хозяйств являются экономически не эффективными и "влечат жалкое существование"². Часть из них разори-

¹ См., например: *Мархинин В. В., Удалова И. В. Этнос в ситуации выбора будущего. Новосибирск, 1993; Они же. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействия культур. Новосибирск, 1996; Управление, технологии и человеческие ресурсы в Арктике (Север). Новосибирск, 1996.*

² Малочисленные народы Севера республики Саха (Якутия). Якутск, 1994. С. 27.

лись, другие превратились в натуральные хозяйства. Именно натурализация традиционного хозяйства является доминирующей тенденцией социально-экономического развития народов российского Севера. Ориентируясь на данные формы хозяйствования, люди связывают с ними прежде всего возможность обеспечить условия своего физического существования.

В сложившихся кризисных условиях такое положение дел вполне объяснимо и оправдано с точки зрения решения задач выживания. Но сплошная деколлективизация традиционных отраслей хозяйства, сопровождающаяся их натурализацией, может быть опасной для будущего народов Севера, так как ведет к развитию экономики примитивного выживания в качестве определяющей тенденции.

Происходящие изменения в сфере хозяйства российских аборигенов кажутся парадоксальными: развитие системы рыночных отношений ведет к ликвидации высокотоварных традиционных отраслей и формированию на их месте натурального хозяйства. Переход народов от товарного к натуральному хозяйству – это, пожалуй, уникальный факт в исторической практике.

Впрочем, система рыночных отношений и норм, существующих в Канаде, также не всегда способствуют развитию традиционного хозяйства. Например, имеет место ряд ограничений на продажу продукции рыболовства и охоты на диких животных. В одних случаях такая продажа запрещена совсем, в других требуется преодолеть серьезные препятствия, связанные с получением лицензии от федерального или территориального правительства. Кроме того, в связи с изменением рыночной конъюнктуры и падением цен на основную товарную продукцию – пушнину – периодически возникает кризис трапперства, серьезно обостряя проблему доходов коренного населения.

Если говорить в целом о тенденциях экономического развития аборигенов канадского Севера, то следует отметить, что многие из упоминавшихся выше правительственные программы, направленных на вовлечение их в рыночную экономику, были неудачными или малоэффективными. Основными причинами этого выступали удаленность основных рынков сбыта или их ненадежность при изменчивости предложения, трудности вовлечения аборигенов в процесс планирования своей экономической деятельности, недостаток образования, непреодолимые препятствия при освоении интенсивных технологий.

Наиболее благоприятными для занятости канадского коренного населения оказались финансируемые из государственных средств объекты социальной инфраструктуры и государственной службы, а также торговли (для сравнения отметим, что в России большинство этих сфер разрушены

или серьезно подорваны в результате рыночных реформ). Так, в 1986 г. из общего числа занятых инуитов (эскимосов), работавшие в так называемом третичном секторе (сфере услуг, образования, медицине, управлении) составляли 77,5 %., что даже немного больше, чем уровень занятости в этом секторе в среднем по Канаде¹.

Хотя число вовлекаемых в наемный труд постепенно растет, заработная плата является основным источником дохода едва ли для половины аборигенов Севера. Значительная их часть по-прежнему занимается традиционными видами деятельности. По данным анкетирования, проведенного бюро статистики правительства Северо-Западных территорий Канады в 1989 г., 63 % аборигенов в возрасте 15 лет и старше какое-то время работали (по найму), имея постоянную или временную работу, в том числе непродолжительную, 43 % занимались охотой, рыболовством, 15 – трапперством и 26 % – традиционными ремеслами. Эти цифры говорят о том, что большинство людей совмещают работу по найму с мелкотоварным и натуральным производством. Коренными жителями добывается самостоительно до 80 % продуктов питания (мяса, рыбы, ягод). Данные выводы подтверждают результаты и нашего исследования, проведенного в области Инувик Северо-Западных территорий Канады в 1991 и 1992 гг.: в системе ценностей аборигенов в сфере трудовой занятости доминирует ориентация на совмещение работы по найму с традиционными промыслами.

При этом доход в виде заработной платы часто создает необходимые предпосылки для традиционной занятости, ибо последняя невозможна в настоящее время без дорогостоящей техники (снегоходов, моторных лодок, катеров, машин, оружия и т. п.). Усиление ориентации на традиционные занятия в современных условиях одной из предпосылок имеет именно расширение возможностей работы на основе заработка.

Такую ситуацию можно оценить как "вперед к самобытности", поскольку обращение к традиционным занятиям в данном случае осуществляется на новой основе при том, что сами они являются дополнением к доходам от работы по найму. В России занятость традиционными видами труда на принципах натурального хозяйства для многих стала единственным источником средств существования.

Одной из наиболее острых для народов Севера Канады и России является проблема занятости. До начала экономических реформ эта проблема на российском Севере не имела той остроты, которая характерна для Севера Канады. Относительно развитая (в сравнении с канадским Севером) производственная структура, коллективная система организации сельско-

¹ См.: Highlights of Aboriginal Conditions 1981-2001. Part III: Economic Conditions. Ottawa, 1990. P. 13.

хозяйственного и промыслового хозяйства определяли достаточно широкий набор рабочих мест и высокий уровень занятости населения. Характерно и то, что аборигены были представлены, хотя и неравномерно, практически во всех отраслях хозяйства региона. По данным Министерства труда РСФСР, в 1988 г. в районах своего традиционного расселения из общего числа занятых представителей народов Севера 50,5 % работали в сельском и промысловом хозяйстве, 11,9 – в промышленности, 9,2 – в сфере образования, 6,8 – в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении, сбыте и заготовках, 5,3 % – в здравоохранении, социальном обеспечении и физической культуре и т. д. Конечно, социально-профессиональная структура народов Севера была далека от оптимальной. Преобладающую долю в ней занимали работники малоквалифицированного труда, низким был процент специалистов сферы материального производства. Эти издержки, свойственные занятости аборигенов России и Канады, определялись главным образом противоречиями современной трансформации традиционных обществ Севера, протекающей в условиях все возрастающего давления доминирующей социальной системы, и трудностями адаптации большей части коренного населения к индустриальной культуре.

Современные экономические реформы в России оказали существенное негативное влияние на ситуацию с занятостью. Качественно меняются как ее объективные экономические предпосылки, так и структура и характер самой занятости. Ликвидация большинства совхозов, деградация социальной инфраструктуры вызвали значительное сокращение рабочих мест, обусловив снижение уровня занятости населения. Если за 10 лет – с 1981 по 1991 гг. – численность занятых среди народов Севера увеличилась в среднем на 22,6 %, то только за один 1992 г. она сократилась на 10 %. Наибольшее сокращение наблюдалось в жилищно-коммунальном и бытовом обслуживании (34,5 %), в строительстве (28), торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении (23,7 %)¹ Возникло новое для российского Севера социальное явление – безработица. Ее уровень уже к 1994 г. достигал 25-30 % трудоспособного населения², продолжая повышаться все последующие годы. Наибольшее распространение она имеет среди молодежи и женщин: во многих регионах женщины составляют половину трудоспособного коренного населения, а оплачиваемую работу имеет часто не более 15-20 % из них.

¹ См.: Клоков В. Ф., Корюхина А. В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этногр. обозрение. 1994. № 5. С. 67, 68.

² Там же. С. 67, 68.

В Канаде проблема занятости является еще более острой. Неразвитость производственной структуры, ограниченный набор рабочих мест в северных поселениях определяют высокий уровень безработицы. В 1989 г. в Северо-Западных территориях из числа взрослогоaborигенного населения являлись безработными (т. е. не работали, но активно искали работу) 30 %, и еще 39 % не работали и не искали ее, так как полагали, что найти работу просто невозможно¹.

Законы рыночной экономики не позволяют государству субсидировать неприбыльные производства, каковыми могли бы быть на канадском Севере производства по переработке продукции традиционных видов труда. Вместо создания рабочих мест государство берет людей к себе на иждивение, предпочитает делать им прямые денежные выплаты в виде различного рода пособий. На постоянных пособиях у государства находятся до половиныaborигенов².

Современная политика патернализма, проводимая канадским правительством в отношении народов Севера, может быть оценена как гуманистическая относительно конкретных людей, но ее вряд ли можно признать эффективной, если иметь в виду перспективы развития северных народов как национальных общностей, поскольку она стимулирует социальную пассивность и иждивенчество, не способствует занятости населения, снижает жизнеспособность народов. Более целесообразно было бы финансировать создание новых рабочих мест, в частности, в рамках организации адаптированных форм производства.

Российский вариант становления рыночных отношений, хотя и развивается по другим сценариям, для народов Севера оборачивается, как было показано, аналогичными результатами. При этом происходит разрушение того положительного, что было создано в предшествующий период развития. Наиболее сильное негативное влияние оказывает в данном отношении развал государственного сектора, политика сплошной деколлективизации³. Напомним, что в Канаде основная часть занятыхaborигенов имеет рабочие места, так или иначе финансируемые государством.

Итак, если в период некапиталистического развития народов Севера России наблюдалось излишнее участие государства в регулировании их

¹ 1989 NWT Labour Force Survey. Profile of Persons Not Employed & Alternative Definitions of Unemployment. Yellowknife: Bureau of Statistics Government of Northwest Territories, Winter, 1989. P. 1, 7.

² См.: Котляков В. М., Агранат Г. А. Российский Север – край больших возможностей // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 1. С. 5, 6.

³ Специально политика деколлективизации и ее социальные последствия для малочисленных народов исследовалась Ю. М. Плюсниным: Плюснин Ю. М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги: Препринт. Новосибирск, 1995.

жизнедеятельности, то для современного периода характерно его катастрофическое ослабление. И тот, и другой вариант имеют серьезные негативные последствия для аборигенного населения. Оптимальный выход, на наш взгляд, состоит, видимо, в нахождении механизма осуществления государственной помощи и поддержки народов Севера через стимулирование их социальной активности.

Результаты современных исследований позволяют сделать вывод о том, что одной из приоритетных задач российской государственной политики в отношении народов Севера должно являться создание не чисто рыночной, а смешанной экономики, базирующейся на различных формах собственности, среди которых государственный сектор в различных его формах в ближайший период должен играть существенную роль. Только с помощью государства возможно возрождение и развитие социальной инфраструктуры в северных населенных пунктах, повышение товарности традиционного хозяйства, подъем уровня занятости населения и в целом обеспечение этносоциального прогресса народов Севера.

По результатам сравнительного анализа межнациональных взаимодействий народов российского и канадского Севера в условиях современного общества можно сделать общий вывод о том, что и те, и другие реально следуют по некапиталистическому пути развития, который в настоящее время включает в себя разнонаправленные прогрессивные и регressive процессы.

Итак, интернационализация общественной жизни народов Севера в условиях архаического общества обеспечила формирование связанных между собой различных видов хозяйствования традиционного типа, составивших материально-практическую предпосылку циркумполярного социокультурного комплекса национальных общностей. Становление интенсивных взаимодействий народов Севера с различными социальными группами российского общества в этот период привело к социокультурной трансформации основ традиционного общества и формированию протоклассовых внутринациональных отношений. Интернационализация общественной жизни народов Севера в условиях современного общества обеспечила модернизацию материальных основ хозяйственной деятельности и формирование административно-правовых структур в рамках различных вариантов некапиталистического типа развития. Ориентация национально-государственной политики на внедрение ценностей индустриального общества, не адаптированных к особенностям конкретно-исторических условий, привела к деструкции устойчивого воспроизведения народов Севера как целостных субъектов, система внутринациональных отношений которых в настоящее время по-прежнему опирается преимущественно на ценности традиционного образа жизни.

Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА

1. Народы Севера в системе международно-правовых отношений^{*}

В предыдущей главе интернационализация общественной жизни народов Севера была рассмотрена как результат объективной рефлексии национальных общностей. В то же время, интернационализация, будучи объективным процессом, не является абсолютно независимой от деятельности самих людей. Взаимодействие народов Севера с доминирующим обществом регулируется с помощью социальных институтов. Задача настоящей главы состоит в том, чтобы исследовать процесс интернационализации в аспекте субъективной рефлексии национальных общностей как институционально организованный и управляемый процесс. В качестве конкретных механизмов, регулирующих процесс интернационализации, будут рассмотрены государственное и международное право, государственная национальная политика. Их содержание в значительной степени определяется господствующими на уровне официальной политики представлениями о месте ценностей традиционной культуры в современной культуре и характером достигнутого между их носителями компромисса.

Характерными признаками классического индустриального общества (и всех его подсистем) являются стандартизация (производства, потребления, поведения), максимизация (стремление к увеличению затрат, объемов производства, прибылей, укрупнению структур), концентрация (средств, ресурсов), централизация (управления), синхронизация (образа жизни)¹. В современный период, который многие теоретики рассматривают как процесс перехода к информационному обществу, происходит их замещение на противоположные принципы, среди которых наиболее существенными являются многообразие и децентрализация², охватывающие все стороны бытия людей, включая национальную.

Для современного общества характерно ускоренное протекание социальных процессов, проявляющееся, по выражению А. Тоффлера, в слишком большом количестве перемен за слишком короткий срок³. Возникает необходимость в формировании способности конкретных людей и от-

^{*} При написании данного параграфа использовались материалы В. А. Бойко.

¹ См., например: Toffler A. The third wave. Toronto et al., 1981.

² Там же. См. также: Современные социологические теории общества. М., 1996.

³ См.: Тоффлер А. Футурошок. С.-П., 1997. С. 5.

дельных сообществ приспосабливаться к новым условиям; требуется установление баланса "не только между масштабами перемен в различных слоях общества, но и между скоростью перемен в окружающей среде и ограниченной скоростью человеческой реакции"¹.

Данная задача решается в процессе адаптации индивидов и отдельных сообществ к условиям социальной среды. Для коренных народов одним из условий такой адаптации является необходимость сохранения элементов традиционного образа жизни в качестве защитного механизма от разрушительного воздействия внешних обстоятельств.

Центр тяжести усилий коренных народов по защите ценностей традиционной культуры в последнее время сместился в область решения правовых вопросов. Борьба за особый правовой статус является первостепенной задачей политических и общественных организаций аборигенов, а урегулирование правового статуса коренных народов превратилось в одну из наиболее актуальных проблем внутриполитического развития многих стран. В зарубежных государствах эта проблема остро стоит уже 2-3 десятилетия. Ее активное обсуждение в нашей стране – примета последнего времени².

Признание особого правового статуса народов, основу жизни которых составляют традиционные ценности, является одним из необходимых условий регулирования процесса интернационализации, обеспечения в нем оптимального соотношения элементов национально-особенного и интернационального. Опираясь на нормы международного права, "народы самых отдаленных районов мира в настоящее время могут активно противостоять своему уничтожению..."³. Народы Севера, принадлежащие к числу коренных народов, не являются исключением.

Нормы международного права, касающиеся коренных народов, оказывают существенное влияние на политico-правовое положение народов Севера отдельных государств, воздействуя как на соответствующую сторону правотворческой деятельности государств, так и на национальное сознание и политическую активность самого населения, его политической элиты. В свою очередь, сами нормы международного права отражают ре-

¹ См.: *Тоффлер А.* Футурошок. С.-П., 1997. С. 6.

² За последние годы в России прошло несколько конференций по обсуждению данных проблем. См., например: Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России (Материалы международной конференции) // Государство и право. 1997. № 8, 9; Коренные народы. Нефть. Закон. Ханты-Мансийск, 1998.

³ *Дресслер – Холохан В.* Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. С.-П., 1997. С. 47.

альное положение рассматриваемых общностей в системе международных отношений.

В последние десятилетия наблюдается стабильный рост интереса мировой общественности к положению коренных народов. Оказался несостоительным взгляд на культуру этих народов как на реликтовую, не имеющую существенного значения для современного и будущего развития человеческого сообщества. Опыт локальных цивилизаций востребуется в связи с поиском стратегической линии мирового развития. Малочисленные этносы, составляющие три четверти народов планеты, вместе с другими народами образуют человечество как целостность. Поэтому решение глобальных проблем современности невозможно без учета их своеобразной культуры и опыта исторического развития. Мировое сообщество в настоящее время признает вклад коренных народов в социальную и экологическую гармонизацию общечеловеческого существования, закрепив свою позицию в официальных международных документах.

Активность отдельных этносов по защите своих коллективных прав и борьба за их официальное признание непосредственно повлияли на трансформацию норм международного права, что отразилось, в частности, в закреплении помимо прав государств также и прав народов. Еще в 1945 г. в Уставе ООН по настоянию СССР впервые в истории международных соглашений наряду с другими принципами был зафиксирован принцип равноправия и самоопределения народов. Последнее означает признание за каждым народом права на свободное и самостоятельное определение своей судьбы, включая форму государственного существования. Народы, таким образом, признаны в качестве носителей норм международного права. Этот принцип был положен в основу Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960 г.). Право народов на самоопределение нашло также отражение в соответствующих статьях международных пактов о правах человека (1966 г.) – Пакте об экономических, социальных и культурных правах и Пакте о гражданских и политических правах – и подтверждено декларацией о принципах международного права (1970 г.). К настоящему времени выделилась и самостоятельная отрасль юриспруденции – международное право народов. Автор проекта "Всеобщей декларации прав народов" (1988) Р. А. Тузмухамедов считает, что существует уже цельная система прав народов¹.

По мнению Р. А. Тузмухамедова, становление прав народов является объективным процессом, вызванным к жизни возникновением перед че-

¹ См.: Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов). Казань, 1995. С. 3, 4.

ловечеством комплекса глобальных проблем, с которыми не в состоянии справиться отдельные государства, даже объединившись между собой; они вынуждены привлекать для решения глобальных проблем народные массы, взамен осуществляя легитимизацию прав народов. Тем самым в международном законодательстве права государств и права индивидов (человека) дополняются коллективными (групповыми) правами.

Хотя правосубъектность народов была признана еще в середине XX столетия, реальные права, отвечающие их перспективным интересам, провозглашены мировым сообществом относительно недавно. Кроме того, трудным и противоречивым оказался процесс наделения народов правами.

Коренные народы, к числу которых принадлежат, как отмечалось, и народы Севера, несмотря на сильное воздействие процесса модернизации, сохраняются как относительно самостоятельные этносоциальные образования, базирующиеся на традиционных видах хозяйства и связанной с ними системе землепользования и жизнеобеспечения, особенностями культуры и мировоззрения. Даже те из них, которые на протяжении длительного времени включены в состав развитых государств, "не растворились" в доминирующем обществе, сохраняя многие элементы традиционного образа жизни и идя реально по пути некапиталистического развития. Именно эти народы стали объектом особого внимания международного права.

Становление системы норм международного права в отношении коренных народов в независимых странах произошло в конце 1950-х гг., когда во взглядах на перспективы общественного развития господствовала "классическая" теория модернизации в ее вестернизированном варианте, а сами народы не имели четких представлений о возможных способах решения своего национального вопроса и не были активными участниками определения собственного правового статуса. Закрепленные в международно-правовых документах нормы выражают ориентацию на преодоление "отсталости" коренных народов и на интеграцию их в доминирующее общество на основе ценностей индустриальной культуры.

Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 107 "О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах", принятая в 1957 г., направлена на обеспечение согласованных и систематических действий различных государств по отношению к лицам, принадлежащим к указанным группам населения. В качестве коренных жителей рассматриваются потомки тех, кто населял соответствующую страну или географическую область во времена ее завоевания или колонизации, и в настоящее время "ведущие образ жизни, более соответствующий социальному-экономичес-

кому и культурному строю тех времен, чем строю страны, в состав которой они входят" (ст. 1).

Конвенция постулирует необходимость постепенной интеграции населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни ("заинтересованного населения"), в жизнь своих государств. Ответственность за разработку и проведение требуемых для этого конкретных мероприятий в правовой, социально-экономической и культурно-бытовой сферах возлагается на соответствующие правительства. Особо подчеркивается, что "создание благоприятных условий для осуществления национальной интеграции" должно исключать применение силы или принуждения для выполнения поставленной задачи – интеграции заинтересованного населения в общегосударственный коллектив (ст. 2). Здесь специально обращается внимание на недопущение мероприятий, "имеющих целью осуществить насильственную или искусственную ассимиляцию заинтересованного населения".

Главной целью всех предпринимаемых действий в отношении коренных народов в Конвенции 1957 г. провозглашается "воспитание чувства человеческого достоинства, а также содействие в развитии индивидуальных способностей и инициативы" (ст. 2). В политико-правовой сфере предусматривается "развитие среди вышеупомянутого населения гражданских свобод, а также создание выборных учреждений или участие в них" (ст. 5). При этом подчеркивается, что коренные жители могут сохранять совместимые с общегосударственным правопорядком и целями программ интеграции традиционные обычаи и институты (ст. 7).

Обратим внимание на то обстоятельство, что речь идет о праве на сохранение далеко не всех обычаяев и институтов, а лишь тех, которые не расходятся с принятыми в доминирующем обществе нормами. В то же время известно, что ценности традиционного и индустримального общества, тем более основанного на законах рыночных отношений, в основе своей существенно различны, часто несовместимы, противоположны. Но поскольку безусловный приоритет отдается нормам доминирующего общества, вполне допустим вывод о возможном несоответствии отмеченных положений истинным интересам коренного населения. Подобная противоречивая ситуация характерна и для ряда других положений Конвенции.

Приоритетными направлениями в стратегии экономического развития заселенных коренными народами областей объявляются улучшение условий жизни и повышение уровня образования населения (ст. 6). В рамках национального законодательства предписывается реализация "особых мер по обеспечению действенной защиты в отношении вербовки и условий труда" коренных жителей "до тех пор, пока они не будут в состоянии пользоваться защитой, предоставляемой законом трудающимся вообще"

(ст. 15). Поощряется развитие кустарного производства и сельских ремесел как факторов экономического роста, дающих указанному населению "возможность повысить свой жизненный уровень и приспособиться к современным методам производства и сбыта" (ст. 18). Здесь обнаруживается ориентация на внедрение среди коренных народов единых стандартов доминирующего общества.

Хотя образовательные программы предлагается согласовывать со степенью социально-экономической и культурно-бытовой интеграции коренного населения (ст. 22), цель начального образования формулируется достаточно четко и определенно – "предоставление общих познаний и навыков, которые помогут детям интегрироваться в общегосударственный коллектив" (ст. 24). Аналогичной является позиция по отношению к языкам коренного населения – рекомендуется по мере возможности сохранять местные языки и наречия, но все усилия должны быть направлены на "постепенный переход от родного языка или местного наречия к национальному языку или к одному из официальных языков страны" (ст. 23).

Таким образом, с точки зрения авторов Конвенции 1957 г., обеспечение прав и свобод представителей коренного населения возможно лишь при условии подчинения их групповых, коллективных интересов общего-государственным, которые, в свою очередь, регулируются различного рода международными программами, в том числе и программой национальной интеграции.

Среди вопросов, рассматриваемых в Конвенции МОТ № 107 и в сопровождающей ее рекомендации № 104, значительное внимание уделяется правовому урегулированию взаимоотношений между группами заинтересованного населения и государством по поводу землепользования. Конвенция признает за этим населением "право коллективной или индивидуальной собственности на находящиеся в его исконном владении земли" (ст. 11), а Рекомендация настаивает на проведении законодательных или административных мер "для урегулирования различных существующих *de facto* или *de jure* положений, на основании которых заинтересованное население пользуется землей" (ст. 2). В то же время Рекомендация устанавливает равенство в отношении права собственности на богатства земных недр или преимущественных прав на их разработку между всеми гражданами страны (ст. 4).

Постоянно подчеркивается приоритет общегосударственных интересов. Так, статья 12 Конвенции гласит: "Заинтересованное население не выселяется с занимаемых им издавна земель без его свободно выраженного на то согласия, за исключением предусмотренных национальным законодательством мер по охране государственной безопасности, обеспечению экономического развития страны или по охране здоровья", в случае

же выселения гарантируется предоставление равнокачественных земельных наделов или, по желанию переселенцев, натуральной и денежной компенсации. Традиционные нормы передачи прав на владение и пользование землей сохраняются только тогда, когда они признаны удовлетворяющими нужды коренного населения и не препятствующими его социально-экономическому развитию (ст. 13).

В установках международного сообщества, затрагивающих особенности положения национальных меньшинств, длительное время не принималось во внимание то обстоятельство, что специфика их положения требует предоставления данной группе населения дополнительных прав, создающих предпосылки для устранения имевшей место дискриминации в сфере прав человека. Как правило, на первый план выдвигались вопросы сохранения культуры малочисленных народов. Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) предусматривает относительно этнических меньшинств лишь то, что "лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком" (ст. 27). Государства-участники совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) заявили о своем намерении способствовать вкладу, который "национальные меньшинства или региональные культуры могут вносить в сотрудничество между ними в различных областях культуры".

До последнего времени в качестве национальных меньшинств рассматривалась совокупность частных лиц, ущемленных в своих общечеловеческих правах. Участники Хельсинковского совещания в целях защиты законных интересов лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, обязывались уважать их право на равенство перед законом, предоставлять им возможность фактического пользования правами человека и основными свободами. "Важность постоянного прогресса в обеспечении уважения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и их фактического пользования этими правами" подчеркивалась в Итоговом документе Мадридской встречи 1980 г.

Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принятый в 1989 г., отражает некоторые изменения в расстановке акцентов при обсуждении проблемы малочисленных народов. В его формулировках национальные меньшинства рассматриваются в связи с территорией их проживания. Европейские государства заявляют о своей готовности "принимать все необходимые законодательные, административные, юридические и другие меры, а также применять соответствующие

международные инструменты ... для обеспечения защиты прав человека и основных свобод лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам на их территории" (ст. 18), "защищать и создавать условия для поощрения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории" (ст. 19). Кроме того, данный документ достаточно определенно раскрывает содержание и направленность государственной культурной политики в отношении "лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам или региональным культурам на их территории", которым участники СБСЕ намерены обеспечить возможность сохранения и развития собственной культуры "во всех ее аспектах, включая язык, литературу и религию", а также "сохранять свои культурные и исторические памятники и объекты" (ст. 59).

В то же время вне поля зрения авторов международных правовых актов данного периода остается положение о том, что через обеспечение индивидуальных прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не представляется возможным эффективно защитить права самих меньшинств.

В целом господствовавшие на протяжении нескольких десятилетий в международном праве описанные выше нормы имели далеко не однозначные последствия для коренных народов. Базируясь на них, многие государства осуществили комплекс мероприятий, которые способствовали повышению уровня жизни коренного населения. Вместе с тем политика государств, основанная на данных нормах международного права, оказалась и негативное влияние на развитие коренных народов. Стремление ликвидировать кочевой образ жизни и связанное с этим селение людей в относительно крупные населенные пункты (обратим внимание, что такая политика реализовывалась не только в СССР, но и в других странах) оказалась губительной для традиционной культуры. Определяемое программами интеграции активное вовлечение коренного населения в рыночную экономику обернулось неконкурентоспособностью основной массы аборигенов на рынке труда, низким уровнем занятости и невероятно высоким уровнем безработицы, преобладанием среди занятых работников неквалифицированного и малоквалифицированного труда, причем, часто имеющих не постоянную, а временную работу. Многие конкретные "интеграционные" экономические программы потерпели неудачу. Для значительной части коренного населения основным источником средств существования стали не трудовая деятельность, а государственные пособия.

В конечном счете интеграции коренных народов в доминирующее общество не произошло, а сами нормы международного права рассматриваемого периода оказались в действительности нормами не столько интеграции, сколько ассимиляции как проявления редукционистской модели

интернационализации. Они не только не способствовали устраниению правовой дискриминации представителей коренных народов, но и оказались фактором усиления их кризисного состояния.

Факт существования в международном праве на протяжении длительного времени в целом неблагоприятных для коренных народов норм вряд ли следует рассматривать лишь как результат злого умысла. Отстаивание приоритетности интеграционных процессов при решении проблем коренного населения опиралось на иллюзию, что индустриальное развитие, и прежде всего западного типа, является универсальной линией мировой трансформации. Как оказалось, целые группы народов не принимают ценности доминирующего общества, а отстаивают свой особый путь развития. Их позиция на этот счет была закреплена в международном законодательстве в конце 80-х гг., для которого в целом характерно стремление способствовать процессу интеграции, но теперь уже на основе ценностей традиционной культуры.

Принципиально новая установка международного права нашла отражение в принятой в 1989 г. Конвенции МОТ № 169 "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах". В ней прямо указывается на необходимость "ликвидации ориентации на ассимиляцию, содержащейся в ранее действовавших нормах" и декларируется признание права этих народов осуществлять контроль над собственными институтами, образом жизни и экономическим развитием, а также сохранять и развивать свои традиции, обычай, язык и религию¹.

В Конвенции 1989 г., вступившей в силу в 1991 г., отсутствуют качественные оценки социально-экономического и культурного положения "заинтересованного населения", служившие прежде основой для рассуждений о необходимости его интеграции в общегосударственный коллектив. Фиксируется лишь отличие условий существования коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, от других групп национального сообщества (ст. 1). Эти народы отныне рассматриваются в качестве носителей международного права, что изменяет цель и характер всех мероприятий, так или иначе касающихся проблем их жизнедеятельности.

Действия национальных правительств должны быть направлены на защиту прав указанных народов и установление гарантий уважения их целостности (ст. 2). Специальные меры не должны противоречить свободно выраженным пожеланиям народов и препятствовать им в пользовании общегражданскими правами (ст. 4). Уважается неприкосновенность

¹ См.: Конвенция Международной организации труда № 169. Конвенция о коренных и ведущих племенной образ жизни народах в независимых странах // Права и свободы народов в современных источниках международного права. С. 73.

социальных, культурных, религиозных и духовных ценностей, практики и институтов данных народов (ст. 5). Правительство при рассмотрении вопросов о проведении законодательных или административных мероприятий, которые могут оказывать влияние на положение коренных народов, обязано проводить с представителями этих народов консультации (ст. 6), а народы "имеют право решать вопрос выбора собственных приоритетов для процесса развития в той мере, в какой он затрагивает их жизнь, их верование, институты, духовное благополучие и земли, которые они занимают или используют каким-либо иным образом", а также право контролировать собственное экономическое, социальное и культурное развитие (ст. 7). Планы общего экономического развития областей проживания коренного населения в первую очередь должны быть направлены на улучшение условий жизни и труда, повышение уровня образования соответствующих народов при их активном участии и сотрудничестве.

Конвенция МОТ № 169 пересматривает вопрос о правовом обеспечении режима использования земель традиционного расселения и природных ресурсов, относящихся к этим землям. Связь коренных народов с территориями их проживания провозглашается чрезвычайно важной для культуры и духовных ценностей данных народов. Особо подчеркивается важность коллективных аспектов этой связи. За народами, на которых распространяется действие Конвенции, не только признаются права собственности на занимаемые земли и владения ими, – в случае необходимости данным народам обеспечивается право пользования также землями, "к которым у них есть традиционный доступ для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности" (ст. 14).

Переселение указанных народов с занимаемых земель рассматривается как исключительная мера и считается возможным только при наличии их свободного и сознательного согласия с полной компенсацией понесенных убытков и гарантированным правом возвращения на традиционные земли по окончании действия оснований, вызвавших необходимость переселения. Во всех случаях коренные народы могут быть переселены на земли, "по качеству и своему правовому положению по меньшей мере равные ранее занимаемым землям" и достаточные для удовлетворения настоящих нужд и дальнейшего развития задействованного в этом процессе населения (ст. 18).

Коренные народы наделяются правом участия в пользовании и управлении природными ресурсами. В случаях, когда права на ресурсы сохраняет за собой государство, осуществлению любых программ по разведке или эксплуатации ресурсов, относящимся к землям коренного населения, должны предшествовать консультации правительства с данным населением для выяснения степени возможного ущерба их интересов и определен-

ние соответствующей компенсации. На законодательном уровне предусматривается установление санкций, направленных на предотвращение неправомерного вторжения и использования земель народов.

Согласно положениям Конвенции национальные программы профессиональной подготовки, социального обеспечения, здравоохранения и образования должны разрабатываться и осуществляться в сотрудничестве с коренными народами и учитывать особенности их традиций, культуры и быта. Так, в сфере образования правительствами признается право аборигенов на создание собственных учебных заведений и средств обучения, предусматривается обучение детей грамоте на их родном языке, а одной из важнейших целей обучения объявляется передача детям "общих знаний и навыков, которые помогут им в полной мере принять равноправное участие в жизни общины и национального сообщества" (ст. 29). В качестве факторов сохранения культуры, экономической самостоятельности и дальнейшего развития коренного населения признаются традиционные виды деятельности (охота, рыболовство, звероловство и собирательство), кустарные промыслы и сельские ремесла. При необходимости по просьбе народов правительство должно обеспечить техническое и финансовое содействие развитию таких видов деятельности.

В целом Конвенция МОТ № 169 отражает комплекс современных представлений о статусе национальных меньшинств, который складывается на основе системы коллективных прав и гарантий. В ряде международно-правовых актов последних лет были закреплены отдельные положения данной Конвенции. В Документе Копенгагенского совещания 1990 г. конференции по человеческому измерению СБСЕ отмечается, что лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут пользоваться своими правами как на индивидуальной основе, так и совместно с другими членами своей группы.

Важным дополнением к статье Итогового документа Венской встречи о поощрении самобытности национальных меньшинств, сделанным в духе Конвенции МОТ, является обязательство государств-участников копенгагенского совещания принимать меры после проведения соответствующих консультаций, включающих контакты с организациями или ассоциациями таких меньшинств. Кроме того, стремление поощрить их самобытность вылилось в готовность европейских государств рассматривать в качестве одного из возможных средств достижения поставленной цели создание (в соответствии с политикой заинтересованного государства) местных или автономных органов управления, отвечающих конкретным историческим и территориальным условиям существования национальных меньшинств.

Признание достаточно широкого спектра особых прав коренных народов стало возможным благодаря двум основным обстоятельствам: во-пер-

вых, утверждению во взглядах на тенденции мирового развития поливариативной парадигмы, допускающей существование различных типов культур как равнозначных; во-вторых, активной борьбе аборигенов против глобального давления индустриального общества, в защиту ценностей традиционной культуры, за официальное признание соответствующих коллективных аборигенных прав. Сам факт утверждения особого правового статуса коренных народов следует рассматривать как результат процесса интернационализации в сфере международно-правовых отношений и как свидетельство становления данных народов в качестве самостоятельных субъектов международных отношений (включая международные), осознающих свои коренные интересы и проявляющих готовность их отстоять.

Давая характеристику позитивной трансформации международного права в отношении коренных народов, следует обратить внимание на ряд важных проблем, существующих в области правовой регуляции их взаимоотношений с доминирующим обществом.

Крайне слабо проработанным является механизм реализации провозглашенных прав, особенно применительно к тем государствам, где в районах традиционного расселения этих народов в настоящее время существует сложная этническая структура, присутствует большая смешанность аборигенного населения с неаборигенным. По сути, вне сферы влияния международного права остаются вопросы урегулирования отношений между отдельными этническими группами и между ними и доминирующим обществом в лице государства. Не существует международного инструментария снятия противоречия между принципом самоопределения отдельных народов или их групп и принципом территориальной целостности того или иного государства. В то же время большинство современных внутренних конфликтов непосредственно сталкиваются именно с этим противоречием¹.

Реализацию права народов международное законодательство непосредственно не контролирует. Это остается внутренним делом отдельного государства. Вплоть до последнего времени нормы международного права были ориентированы по преимуществу на обеспечение прав государств, с одной стороны, индивидов – с другой стороны. При этом для контроля за соблюдением провозглашенных на международном уровне индивидуальных прав были созданы различного рода органы: европейская, американская и африканская региональные комиссии, европейский и американский региональные суды по правам человека и др. Применительно к правам народов каких-либо эффективно действующих органов, контролирующих их выполнение, до сих пор не существует.

¹ См.: Ходаков А. Г. О некоторых международно-правовых проблемах // Московский журнал международного права. М., 1997. № 2. С. 22, 23.

В современной теории международного права правосубъектность народов не отрицается, но она признается лишь по отношению к тем народам, которые ведут национально-освободительную борьбу¹. По существу народ (понимаемый как мононациональное образование) не признан в качестве полноценного субъекта международного права. Примечателен и тот факт, что в многочисленных публикациях, в том числе солидных справочниках и многотомных изданиях, посвященных международному праву, вообще не выделяется право народов. В изданной в 1997 г. "Юридической энциклопедии" помещено 3500 статей, однако среди них нет статей о коллективном праве. Есть статья о праве народов, но оно трактуется весьма узко: 1) как местные правовые нормы, действовавшие в римской провинции наряду с римским правом; 2) как правовые обычай германских племен (варварские правды), кодифицированные под названием законов².

В настоящее время одной из наиболее распространенных форм борьбы народов за свои права является движение за самоопределение, которое часто включает требование автономии в виде самостоятельной государственности. Но мировое сообщество в лице его представительных международных организаций всегда сопротивлялось расчленению существующих государств. Принцип нерушимости границ является одним из определяющих в международном праве. ООН в своих документах провозглашает право всех народов на самоопределение, но международное право не имеет сколько-нибудь определенного механизма его реализации. Политическое самоопределение отдельных народов нигде не признано в качестве нормы государственного права (исключение составляли конституции СССР и Югославии). Довольно распространенной является точка зрения, что на уровне международного права принцип самоопределения признается лишь в случае с колониализмом и наличия геноцида³. Как утверждает И. И. Лукащук, это подтверждается и практикой ООН, "которая сыграла активную роль в реализации народами колоний права на самоопределение, но воздерживалась от вмешательства во внутренние конфликты на этнической, религиозной почве, ограничиваясь миротворческими усилиями"⁴.

В мире существует более 2 тыс. народов (по некоторым подсчетам – до 4 тыс.). Государств – членов ООН менее 200. Из них не более 20 являются

¹ См., например: Международное право. М., 1994. С. 62; Международное право. М., 1997. С. 28, 29.

² См.: Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 345.

³ Анализ этой позиции см.: Лукащук И. И. Международное право. Общая часть. М., 1997. С. 283, 284.

⁴ Лукащук И. И. Международное право. Общая часть. М., 1997. С. 283.

преимущественно моноэтническими. При этом три четверти всех существующих народов составляют малочисленные общности. Налицо серьезное противоречие между стремлением многих народов к самостоятельному развитию и самоопределению и возможностями его фактического осуществления. Рост этничности и национализма выступает в современном мире фактором глобальной неустойчивости. Об этом свидетельствует тот факт, что множество конфликтов, возникающих в различных регионах планеты, имеют этническую природу, и значительное число из них связано с применением оружия. Объективно необходимыми являются в этих условиях альтернативные формы разрешения возникающих противоречий. Недопустимость стихийности в данном процессе обусловлена, в частности, тем, что под лозунгом самоопределения происходило не только формирование национального самосознания, консолидация отдельных народов и образование независимых государств, но и совершались преступления. Требуется нахождение компромисса как между отдельными конфликтующими этническими общностями, так и между народами, в основе образа жизни которых до сих пор лежат традиционные ценности, и доминирующим индустриальным обществом. Важнейшая роль должна принадлежать международному праву¹. Оно должно регулировать не только отношения между государствами, но и между народами, иначе говоря, стать международным в полном смысле этого слова.

Официальное закрепление за коренными народами особого правового статуса, отличного от статуса других народов, означает признание их права на реализацию особого пути развития, в основе которого лежат ценности традиционного образа жизни, и протест против тотального распространения ценностей доминирующего общества. Одновременно с этим наличие такого статуса характеризует процесс включения коренных народов в современное общество, поскольку означает признание мировым сообществом их равенства среди остальных субъектов мирового развития. Аборигенное право, которое интегрирует в себе и нормы естественного права, и нормы позитивного права, выступает результатом процесса интернационализации в сфере международно-правовых отношений и предпосылок позитивной интеграции коренных народов в современное общество.

Аборигенное право следует оценить как выражение объективной формы свободы, способности коренных народов действовать в соответствии со своими национальными интересами². Признание этого права со сторо-

¹ Подробнее об этом см.: Попков Ю. В. Аборигенное право в системе взаимодействия традиционного и индустриального обществ // Гуманит. науки в Сибири. 1998. № 1.

² О праве как объективной форме свободы см.: Черненко А. К. Философия права. Новосибирск, 1998. С. 45-49.

ны мирового сообщества является результатом, с одной стороны, собственной активности народов в защите своих коллективных интересов, с другой – трансформации господствующих в обществе представлений о месте народов в структуре межнациональных взаимодействий и значимости свойственных им культур для человеческой цивилизации.

2. Народы Севера как субъект и объект национально-государственной политики

В течение последних десятилетий народы Севера проявили себя активной, реально действующей силой, способной противостоять не только интересам крупных промышленных корпораций, но также политике своих государств, направленной на унификацию их образа жизни с образом жизни доминирующего общества. Трудная борьба аборигенного населения за свои права принесла важные результаты. Многие коренные народы стран Арктического кольца добились введения в национальные законодательства специальных статей, закрепляющих их особые коллективные права, в том числе права на землю исконного проживания и приоритетное использование ресурсов территорий традиционного природопользования. Существующий сегодня правовой статус позволяет коренному населению зарубежного Севера принимать реальное участие в эксплуатации и управлении минеральными ресурсами в районах их традиционного природопользования, оказывать влияние на формирование и претворение в жизнь общих концепций освоения Арктики.

Трансформация норм международного права в отношении коренных народов и изменение политico-правового статуса этих народов в отдельных странах – процессы взаимосвязанные, обусловливающие друг друга. Господствовавшая на протяжении десятилетий ориентация международного права на ассимиляцию малочисленных народов в доминирующем обществе оказала серьезное влияние на внутреннюю национальную политику отдельных государств. Практически все они пытались реализовать программы, направленные на внедрение единых для всех народов стандартов жизни и деятельности, ценностей современной индустриальной культуры. Кардинальное изменение в конце 1980-х гг. международно-правовой базы в отношении коренных этносов вызвало корректировку внутренней национальной политики различных государств, которые стали более уважительно относиться к этнокультурным особенностям развития разных народов, предпринимая меры для сохранения их самобытности. В то же время само изменение норм международного права оказалось возможным благодаря успехам аборигенов отдельно взятых государств в длительной борьбе за официальное признание их коллективных прав.

Однако между трансформацией международного права и модификацией политico-правового статуса малочисленных этносов в той или иной стране нет прямой, непосредственной зависимости. Достаточно сказать, что Конвенцию МОТ № 169 до недавнего времени ратифицировали лишь 11 государств мира, причем, не все они зарегистрировали эту ратификацию в Международной организации труда. Из стран Арктического кольца последнее сделала только Норвегия. В то же время положение конкретных народов определяется не международным правом как таковым, а национальным законодательством тех государств, в состав которых они входят.

Факт нератификации многими странами достаточно благоприятной для коренных этносов Конвенции 1989 г. означает, что в каждом конкретном случае на государственном уровне существуют определенные трудности для признания в полном объеме норм международного права. Отметим наиболее значимые, на наш взгляд, из этих трудностей.

Циркумполярный Север представляет собой периферию североамериканской и в целом мировой экономической системы. Составляя наиболее удаленную от центра и ничтожно малую по численности часть населения, народы Севера в каждой из стран Арктического кольца находятся в экономической и политической зависимости от центра. Внешние по отношению к Северу интересы определяли до сих пор, определяют сейчас и будут определять в ближайшем и, скорее всего, отдаленном будущем стратегические направления использования ее богатейших ресурсов, а следовательно и тенденции развития населяющих ее народов. Изменение такого положения вещей связано с перераспределением власти между периферией и центром. Народы Севера ограничены в принятии политических решений и не контролируют в полной мере условия, от которых зависит их жизнедеятельность¹.

Раньше, в условиях кочевания, существовала прямая зависимость народов от природы, но не было подчиненности внешним социальным обстоятельствам: все, что было необходимо для жизни, они добывали самостоятельно. В настоящее время зависимость от природных предпосылок, хотя и сохранилась, ослабла, зато несравненно возросла зависимость от внешних социальных факторов. Жизнь народов Севера невозможна теперь без государственных субсидий, различного рода пособий, выплат и компенсаций.

Так как развитых северных рынков практически не существует, северное производство подчинено рынкам Юга. Ликвидация кочевания удалила

¹ См.: *Kakonen J. Democracy and Sustainable Development in the Arctic // Nordic Arctic Research on Contemporary Arctic Problems. Proceedings from Nordic Arctic Research Forum Symposium 1992. Copenhagen, 1992.*

аборигенов от привычных источников труда и питания, поэтому сама возможность занятия традиционными видами деятельности (охотой, рыболовством), даже в рамках натурального хозяйства, теперь требует немалых финансовых затрат, поскольку определяется наличием дорогостоящих транспортных средств, оружия, и т. д. Возможность товарной направленности традиционного хозяйства, что до сих пор является основой экономики большинства народов Севера, во многом обуславливается существующей экологической политикой, которая формируется вовсе не на Севере. Движение "зеленых" против охоты на животных во многих случаях подорвало традиционную экономику, лишив аборигенов основного источника дохода. Таким образом, северная экономика и в целом образ жизни малочисленных этносов в настоящее время не являются самодостаточными. Они в значительной степени зависят от административного центра.

Претензии коренных народов Севера на особые дополнительные права, призванные защитить интересы меньшинства, противоречат господствующим идеям либерализма и установкам доминирующего большинства на экономическое и политическое равенство. Это большинство не так просто убедить в необходимости правовых приоритетов в использовании природных ресурсов для отдельных народов, поскольку во времена колонизации Арктического региона его земли и воды были провозглашены государственной собственностью тех или иных стран. Утверждение нового политico-правового статуса народов Севера связано, в частности, с преодолением господствующих стереотипов общественного мнения и установок доминирующего общества по отношению к коренным народам, культура которых еще недавно рассматривалась как реликтовая, подлежащая "цивилизационной" обработке.

Помимо трудностей, связанных с урегулированием взаимоотношений Севера и Юга, существует целый комплекс внутренних по отношению к Арктическому региону проблем, усложняющих практическое решение вопросов, касающихся коллективных прав и современного статуса аборигенов. Речь идет об уровне достигнутого к настоящему времени промышленного освоения районов проживания народов Севера и обусловленной этим степенью заселенности данного региона со стороны неаборигенного населения. Там, где доля последнего является незначительной, как, например, в Гренландии или на Севере Канады (здесь доля аборигенов составляет примерно 85 %), гораздо проще решить проблемы самоуправления, обеспечения прав коренных народов на землю, на территории традиционного землепользования, то есть проблемы их коллективных прав. Сложнее всего в данном отношении ситуация складывается на российском Севере, где коренные народы в районах своего традиционного проживания составляют в целом менее 10 % общей численности населения.

Сильное влияние на процесс обеспечения реальных прав коренных народов Севера оказывает в каждый данный момент времени степень устойчивости (неустойчивости) социальной системы в конкретно взятых государствах. Народы Севера России и здесь находятся в наиболее тяжелом положении, поскольку страна переживает глубочайший системный кризис, и государство не в состоянии удовлетворить не только сложные правовые, но и элементарные материальные потребности основной массы своих граждан.

В то же время, несмотря на многочисленные трудности, правовой статус коренных народов Севера трансформируется, как было показано в предыдущем параграфе, в благоприятном для них направлении. Одним из главных условий, определяющих этот позитивный процесс, является политическая активность аборигенов Севера по отстаиванию своих прав. Такую активность проявляют народы всех стран Арктики. Однако наиболее впечатляющих результатов добились инуиты и индейцы Канады. Во многом с учетом их успехов определены современные международно-правовые нормы в отношении коренных народов.

Анализируя опыт Канады в деле решения проблем политico-правового статуса коренных народов, выделим несколько основных факторов, оказавших существенное влияние на рост их активности с целью получения официального признания особых аборигенных прав.

1. Политика федеральных властей в период до начала 70-х гг., направленная на интеграцию коренных жителей страны в доминирующее общество. Конкретным событием, вызвавшим всплеск политической активности аборигенов, явился выход в свет "Белой книги" вскоре после прихода к власти в 1969 г. правительства П. Э. Трюдо. В ней предлагалось отказаться от особых прав коренного населения, в том числе прав на земли традиционного природопользования, а также предполагалась ликвидация специального правительственного органа – Министерства по делам индейцев и развития Севера, – занимавшегося урегулированием взаимоотношений коренных народов и остального канадского общества и призванного защищать их интересы. Аборигены восстали против явной угрозы ассимиляции, в открытой и радикальной форме закладывавшейся в качестве нормы государственной политики¹.

2. Индустримальное освоение Севера, связанное с претензиями государства и различных промышленных корпораций на выведение из сферы хозяйственного употребления аборигенов значительных территорий традиционного природопользования. К числу наиболее крупных проектов тако-

¹ См.: Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 115-118.

го рода принадлежали проекты строительства на реке Ля-Гранд в Северном Квебеке каскада гидроэлектростанций и проект широкомасштабных геологоразведочных работ и последующего строительства нефтепровода в долине реки Маккензи в Западной Арктике. Их реализация представляла реальную угрозу среде обитания и устоявшемуся укладу жизнедеятельности относительно больших групп аборигенного населения.

3. Рост национального (этнического) самосознания аборигенного населения в значительной степени связанного с усилением и развитием взаимодействия коренных народов с доминирующим обществом, которое ведет не только к определенной унификации условий жизни людей, принадлежащих к разным этносоциальным общностям, расширению сферы действия общих, интернациональных элементов, но и определяет развитие, обогащение, рост элементов национального (этнического). Осознание возможной угрозы для существования малочисленных этносов стало возможным лишь благодаря формированию целого ряда необходимых субъектных качеств народов Севера. К ним можно отнести, в частности, определенный уровень образования населения (и в первую очередь его лидеров), известную степень освоения представителями коренных народов норм и ценностей доминирующего общества (чтобы вести успешную борьбу с противником, надо знать, по каким законам он живет, и уметь действовать в соответствии в ними), а также потенциальную готовность к противоборству. Наличие этих качеств превращает народ в реального субъекта межнациональных отношений, осознающего себя, свои интересы и способного их отстоять.

Итак, можно утверждать, что и возникновение угрозы существованию коренных народов со стороны доминирующего общества, и факт ее осознания, и готовность противостоять ей являются результатом процесса интернационализации.

Под влиянием вышеуказанных факторов различными группами инуитов Канады начиная с 70-х гг. было создано несколько влиятельных политических организаций, таких как "Комитет инуитов по общенациональным делам", организация "Инуит Тапирисат", "Федерация Тунгавик", позднее – региональная корпорация "Инувиалуйт" и др. Главные усилия в деятельности этих организаций были направлены на борьбу за признание реальных прав на территории традиционного природопользования. Права на землю рассматривались в качестве необходимой предпосылки для выдвижения серьезных политических требований и получения возможностей отстоять ценности традиционной арктической культуры, оказавшейся под угрозой уничтожения в результате длившейся на протяжении десятилетий активной политики государства, направленной на интеграцию аборигенов в капиталистическое общество.

Среди требований коренных жителей, оказавших сильное влияние на динамику политической жизни Севера страны, наибольшее значение в последние десятилетия имели их претензии на землю, на конституционную защиту аборигенного и договорного права, на аборигенное самоуправление, а также законодательные полномочия по вопросам охраны окружающей среды. Социально-политическая ситуация, сложившаяся к настоящему времени на севере Канады, позволяет говорить в целом об оптимальном взаимодействии традиционной культуры и индустриальной цивилизации в рамках единой государственной системы, базирующейся в целом на демократических принципах и нормах.

Определенное позитивное влияние на достижение благоприятных для народов Севера результатов в борьбе за свои права оказали исторические особенности их взаимоотношений с властями и населением европейского происхождения.

Освоение территории нынешней Канады выходцами из Франции и Англии, начавшееся в XVII в., происходило относительно мирным путем. Здесь не было таких истребительных войн против коренного населения, как в США, колонизация проходила относительно мирно. Основным противником, которого следовало остерегаться, для канадских европейцев изначально было белое население США, поэтому со своими аборигенами они старались жить мирно. Ими не была принята на вооружение существовавшая в США и служившая идеологическим обоснованием вытеснения индейцев с территорий их исконного проживания доктрина "ничейного владения". Ее узловые положения сформулировал губернатор колонии Массачусетс Д. Уиттроп в 1629 г. В соответствии с ними преобладающая доля земель на континенте с юридической точки зрения рассматривается как "ничейное владение", поскольку индейцы их никогда не возделывали, поэтому они имеют по отношению к этим землям не законное, а лишь природное право. Напротив, в Канаде с самого начала колонизации утверждался иной подход, который исходил из признания ряда неотъемлемых прав коренного населения¹. В конечном итоге оно (это население) здесь, в отличие от США, осталось практически в пределах регионов традиционного расселения, хотя сама зона этого расселения со временем существенно сузилась.

Партнерский вариант взаимоотношений европейского и коренного населения был во многом обусловлен тем обстоятельством, что вплоть до конца XVII в. колонизации подвергались исключительно восточные районы Канады, совсем небольшое пространство от Атлантического

¹ См.: Белоусова Е. В. Правовое положение коренного населения Канады // Известия вузов. Правоведение. Изд-во ЛГУ, 1989. № 3. С. 54.

побережья до реки Св. Лаврентия. Но и долгое время позднее Север не был зоной промышленных интересов властей и населения Юга. Поскольку для доминирующего общества не было необходимости в использовании северных территорий, постольку у аборигенов не возникало потребности в законодательном закреплении особых прав на них. Существовавших полномочий на землю было достаточно для того, чтобы удовлетворять имеющиеся к тому времени претензии на использование земли. Соответственно не было основания для сколько-нибудь серьезных конфликтов.

В силу причин экономического и военно-стратегического характера между белыми поселенцами и коренными жителями изначально устанавливались деловые контакты. Для обеспечения дружественных отношений с местными племенами и развития торговли пушниной колониальные власти стремились осуществлять коммерческие операции на четкой договорной основе. Посредством договоров решались вопросы, связанные с отчуждением земель, занимаемых аборигенным населением.

Регламентация отношений пришлого населения с аборигенами присутствовала уже в Королевской прокламации Георга III (1763 г.), принятой в момент перехода Канады как колонии от Франции к Англии. В ней признавалось существование за пределами Англии "индийских земель", являющихся территорией жизни и деятельности коренного населения. В качестве неотъемлемого прокламация признавала, в частности, право аборигенов на занятие на этих землях охотой и рыбной ловлей. Чтобы занять территорию аборигенов, надо было подписать с ними договор, выкупить их право на эту землю, то есть предусматривался особый порядок их приобретения. Правом покупки земли у индейцев обладал только король, а местные власти как правомочные его представители лишь осуществляли это право. Необходимым условием для постановки на собрании "дикарей" вопроса о продаже индейцами земли являлось намерение последних покинуть занимаемые ими территории.

Выработанная на базе прокламации процедура купли-продажи индейской земли служила основой заключения соглашений по территориальным вопросам между правительством и коренными народами. Эти соглашения, как правило, включали следующие положения: коренное население, представители которого подписали договор о передаче прав на занимаемую ими территорию, полностью утрачивают на нее собственные права; предусматривается выделение земель под резервации (данний пункт имел значение только для индейцев, инуиты, проживающие на Севере, никогда не имели резерваций), их площадь рассчитывается согласно норме земельного надела, необходимого для жизнеобеспечения каждого члена племени; коренные жители сохраняют право на занятия традиционны-

ми видами деятельности (охота, рыболовство, собирательство и т. д.) на неосваиваемых европейцами территориях; определяется размер денежной компенсации, выплачиваемой ежегодно; вожди племени получают подарки, а население – сельскохозяйственные орудия и разнообразный инвентарь; в резервациях вводится система образования и медицинского обслуживания. Практика заключения соглашений по территориальному вопросу показывает, что хотя права коренного населения на землю признаются *de facto*, однако юридически при подписании соответствующих договоренностей с государственными властями происходит конкретизация правaborигенов на земли, которые остаются в их ведении, в частности, резервации, и аннулирование особых прав на территории за их пределами.

Описанные выше процедуры имели значение для всегоaborигенного населения Канады. Точнее говоря, они получили распространение главным образом в восточных и южных ее регионах, которые активно заселялись европейским населением. Уже в конце XIX – начале XX вв. было заключено около десятка договоров властей с индейцами, в результате которых последние, с одной стороны, получили вполне конкретные права на отдельные, в целом сравнительно небольшие территории, прежде всего резервации, с другой стороны, уступили огромные, богатые нефтью, золотом и другими минеральными ресурсами земли, на которые они имели не совсем определенные права по прокламации 1763 г. (за некоторые компенсации, услуги, подарки, а также в обмен на резервации)¹.

У инуитов реальные проблемы с урегулированием прав на территории традиционного расселения возникли несколько десятилетий назад – в 1970-е гг. – в связи с упоминавшейся претензией на использование их под объекты промышленного строительства. Активно протестуя против этого, представители коренных народов Севера стремились законодательно утвердить новые принципы решения территориального вопроса, перейти от сложившейся системы заключения договоров об утратеaborигенами своих прав на землю к соглашениям, предусматривающим закрепление за коренными жителями этих прав *de jure*, внести определенность в права собственности на землю и природные ресурсы в тех районах, где они ранее не были урегулированы на договорной основе. Сложные и длительные переговоры по данному вопросу велись на федеральном и местном уровне с 1973 г.

В 70-е гг. в ответ на появление "Белой книги"aborигены под руководством возникших политических организаций начали активную борьбу за признание более широкого круга своих прав. И им многого удалось до-

¹ См.: Белоусова Е. В. Правовое положение коренного населения Канады. С. 54.

биться. Так, в Конституционном акте 1981 г. были официально признаны аборигенное и договорное право коренного населения. Признавалась необходимость самостоятельности аборигенов в определении характера их собственного экономического и культурного развития, право на возрождение и развитие национальных языков и обычаяев, привилегии в области землепользования, распоряжения минеральными ресурсами, право на создание собственных корпораций в сфере материального производства. Было в полном объеме реализовано избирательное право. Закреплено право участия аборигенов в конституционном процессе, право иметь свои школы, учителей, специальные школьные программы.

В 80-е гг. правительство Канады передало часть власти в руки коренного населения путем образования финансовых объединений и предоставления права членства его представителей в руководящих органах в различных секторах экономики и культуры. Примером первых могут служить северные региональные и кустовые авиаилии, акционерные общества, нефтедобывающие и домостроительные компании, рыбозаводы и рыболовецкие флотилии. Во втором случае коренные народы имеют представителей в местных органах власти, управлениях школами, здравоохранением, охраной природы и ссудными фондами экономического развития.

Как показала практика, законодательное закрепление за племенными общинами исконных территорий их проживания является необходимой предпосылкой развития традиционного хозяйства в современных условиях путем создания производственных ассоциаций, кооперативов, корпораций. Благодаря такого рода изменениям в социально-экономической сфере коренные народы Севера Канады продвинулись в решении ряда проблем, связанных с выживанием, занятостью, безработицей, участием в работе правительственные органов власти.

Определенное влияние на рост политической активности коренного населения имело создание кооперативных объединений, которые служили не только средством улучшения экономического благосостояния жителей национальных поселков, но и позволяли максимально полно выразить весь комплекс интересов конкретной группы аборигенного населения. Члены многих кооперативов сознательно отказались ограничить свою деятельность решением лишь экономических проблем и стремились придать ассоциациям политический статус.

Большое значение для реализации аборигенных прав имеют договоры тех или иных групп коренного населения с правительством об урегулировании земельных исков. Возможность выставления таких исков со стороны аборигенов проистекает из Королевской прокламации 1763 г., где зафиксировано их право на земли традиционного природопользования, а

появление исков связано главным образом с проектами крупномасштабных промышленных воздействий на среду обитания коренных народов (строительство ГЭС, разработка нефтяных месторождений и др.). В течение 70-80-х гг. был заключен ряд таких договоров, например с индейцами залива Джеймс, индейцами Наскапи, инувиалутами, инуитами Северного Квебека¹. В начале 90-х гг. договор с правительством заключили гвичины – группа индейцев Западной Арктики, соглашение по вопросам землепользования содержится также в рамках договора об образовании территории Нунаути.

Говоря о решении вопросов претензий на земли традиционного природопользования, надо иметь в виду, что одной из заинтересованных сторон в проведении и успешном завершении соответствующих переговоров являются, как это ни покажется странным на первый взгляд, канадские и американские добывающие компании. Как было отмечено выше, заключение договоров аборигенов о землепользовании предполагает наличие их права на вполне определенные территории и в то же время означает отказ данной группы коренных народов от претензий на земли и ресурсы всех других территорий традиционного обитания. Права на последние оставляют за собой федеральные власти. Такое положение является для сырьевых компаний более определенным и более предпочтительным, так как в этих условиях выгоднее вести разработку ресурсов.

В то же время, подчеркнем это еще раз, главным действующим лицом в борьбе как за землю, так и другие аборигенные права являются сами коренные народы Канады. Такую борьбу они активно ведут вот уже на протяжении нескольких десятилетий. За это время они приобрели богатый политический опыт, сформировали многочисленных лидеров, умело действующих не только в Оттаве, провинциальных и территориальных центрах, но и практически в каждом населенном пункте. Добившись выделения в той или иной форме финансовых средств, аборигены получили возможность нанимать для отстаивания своих интересов высококвалифицированных юристов. Все это вместе взятое определило успех малочисленных этносов Канады в борьбе за свой правовой статус.

Специально следует сказать о таком важнейшем составляющем элементе правового статуса, как вопрос о самоуправлении.

Долгое время правительство Канады не признавало претензий аборигенов на самоуправление. После принятия Конституционного акта 1981 г. данный вопрос безуспешно рассматривался на четырех конституционных конференциях. Лишь в начале 90-х гг. наметился существенный прогресс. Нам пришлось непосредственно наблюдать динамику обсуждения про-

¹ См.: Коренное население Северной Америки в современном мире. С. 119.

блемы самоуправления в Западной Арктике во время проведения там исследований в 1989, 1991 и 1992 гг. В начале 1991 г. этот вопрос не был актуальным ни для лидеров аборигенных организаций, ни для представителей территориальных, региональных и поселковых (общинных) органов власти. Но к середине 1992 г. он превратился в наиболее обсуждаемую на всех уровнях – от общин до правительства – проблему. Прорабатывалась целая серия документов, в частности, о районных правительствах, самоуправлении общин и др. В качестве главенствующей выступала идея децентрализации власти, передача многих функций управления от территориального правительства непосредственно поселкам.

Общее представление о ходе и результатах переговоров по вопросам самоуправления, проводившихся между аборигенами и территориальным правительством, можно составить на основании положений доклада министра Северо-Западных территорий по делам аборигенов и межгосударственным связям С. Какфи "Исконные права аборигенов на самоуправление", сделанном в декабре 1991 г. Как отмечается в докладе, закрепление права аборигенов на самоуправление составляет суть предложений по дополнениям к Конституции Канады. Многие группы этих народов требуют, чтобы поправка зафиксировала положение об исконном (или естественном) праве аборигенов на самоуправление. Территориальное правительство разделяет точку зрения, в соответствии с которой это право предшествует Конституции и не зависит от нее в силу своей законности. Признание исконного права базируется на том, что аборигены Севера осуществляли самоуправление задолго до появления Канады как государства и до сих пор продолжают сохранять право на самоуправление. При этом правительство исходит из того, что самоуправление аборигенов на Севере должно осуществляться в рамках "общественного управления", в сферу действия которого входят все жители региона – и аборигены, и неаборигены. Общая структура управления включает общественные (общие) и аборигенные органы. Общинное (поселковое) самоуправление, которому по решению территориального правительства передается значительная часть власти и ресурсов, в максимальной степени учитывает самоуправление аборигенов. По мнению правительства, признание исконного права аборигенов на самоуправление не означает "суверенного, независимого национального штата". Поскольку существует зависимость разных народов друг от друга, нельзя допустить, чтобы каждая группа аборигенов самостоятельно определяла над какими людьми, на каких территориях и какую власть она будет осуществлять. Это, как отмечает С. Какфи, не может быть реализовано практически.

Вынесенная в 1992 г. на референдум поправка к конституции, касающаяся самоуправления, не получила поддержки по результатам голосования

ния. Тем не менее раунд обсуждения проблемы обновления Конституции Канады закончился подписанием соглашения между федеральным, провинциальными и территориальными правительствами и вождями (лидерами) аборигенов по данному вопросу. Многие аспекты данного соглашения будут обсуждаться в процессе дальнейших переговоров. Но некоторые важные моменты представляются ясными уже сейчас и они частично реализуются на практике. Так, аборигенные общины хотят иметь больший контроль и более соответствующие их культуре и ценностям законы в таких сферах, как воспитание детей, образование, здравоохранение, жилищные условия, экономическое развитие, землепользование, религия, язык. Некоторые органы управления аборигенов выступают за создание собственной системы правосудия.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что в соответствии с существующими в Канаде правовыми нормами и достигнутыми договоренностями внедрение самоуправления аборигенов будет следовать двум основным правилам. Во-первых, оно будет осуществляться постепенно, федеральные, провинциальные и территориальные законы будут действовать до момента замены их новыми законами, принятыми законодательными органами аборигенов. Во-вторых, все законы и правила, базирующиеся на исконном праве аборигенов на самоуправление, не должны вести к нарушению мира, порядка и эффективного управления.

С процессом активного обсуждения проблем аборигенного самоуправления совпало окончание всех необходимых процедур по решению вопроса территориальных претензий инуитов Северной и Восточной Арктики и подписание соглашения с федеральным правительством Канады об образовании, точнее говоря, выделении из Северо-Западных территорий преимущественно инуитской территории Нунавут. Переговоры по данному вопросу велись на протяжении 15 лет, и благополучное их завершение является одним из наиболее впечатляющих результатов борьбы аборигенов Севера Канады за свои права и самостоятельное развитие.

Площадь Нунавут составляет приблизительно 2 млн км². Это треть Северо-Западных территорий и примерно пятая часть всей Канады. На этой обширной территории проживает всего 18 тыс. человек, инуиты составляют более 90 % общей численности населения. Под непосредственное самоуправление инуиты получают 350 тыс. км² или 18 % от общей площади Нунавут. Они становятся самым крупным землевладельцем в Северной Америке. Кроме того, инуиты получают права на минеральные ресурсы на площади в 35 тыс. км². Предполагается также, что в течение

14 лет они получат компенсацию в размере 1 млрд долларов за отказ от территориальных претензий¹.

К настоящему времени получила успешную практическую апробацию основанная на соглашениях по вопросам землепользования модель самоуправления у инувиалуитов, расселенных в основном в дельте реки Маккензи. Соответствующий договор был подписан в 1984 г. после 10 лет переговоров инувиалуитов с правительством. Данная группа аборигенов численностью в 3,5 тыс. человек проживает в шести отдаленных северных поселках Западной Арктики (Инувик, Аклавик, Туктояктук, Паулатук, Холман, Сакс-Харбор). По договору она получила исключительные права на землю площадью в 35 тыс. миль² (это больше площади двух вместе взятых небольших провинций на юге Канады), в том числе на площади 5 тыс. миль² инувиалуиты приобрели возможность распоряжаться также и недрами (нефтью, газом, минералами). Соглашение по урегулированию прав инувиалуитов на землю имеет три основные цели: 1) сохранение традиционной культуры и соответствующих ей ценностей в условиях изменяющегося общества; 2) возможность участия в северной и национальной (в масштабах всего государства) экономике как равноправных и значимых партнеров; 3) защита арктической природной среды. Субъектом договорных отношений является региональная корпорация "Инувиалуит", которая объединяет всех аборигенов данной группы и представляет их интересы. В 80-е гг. данная корпорация была самым крупным в Канаде землепользователем (помимо государства).

Подписание договора означает отказ инувиалуитов от претензий на земли, лежащие за пределами обозначенных в соглашении территорий. В то же время договор, не отменяя все другие права их как канадцев и как аборигенов, предполагает дополнительные коллективные права и привилегии, вытекающие из данного соглашения. Конкретно они касаются прав на землю, денежную компенсацию, добывчу невозобновляемых ресурсов, мер по защите природы и ее обитателей, участия в землепользовании и управлении живой природой, мер по экономическому и социальному развитию. Для реализации предоставляемых прав создано несколько корпораций по различным направлениям экономической деятельности – земельная, инвестиционная, нефтяная корпорации, корпорации развития, возобновляемых ресурсов и др. Корпорации носят многопрофильный характер. Они действуют в кредитно-финансовой сфере, сферах транспорта (местные авиалинии), строительства, торговли, недвижимости, изыскательских работ, службы охраны природы и т. п.

¹ См.: Ситников Б. П. Страна инуитов // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 3. С. 94.

Соглашение по землепользованию предоставляет широкие возможности для самостоятельного развития данной группы аборигенов. Прежде всего оно предполагает выплату в качестве компенсации солидных финансовых ресурсов: до 1997 г. инувиалуитам должно было быть выделено 170 млн долларов, причем, указанная сумма не облагается налогом. Соглашение дает также аборигенам право контролировать огромные участки земли на Севере при том, что они освобождаются от налогов на собственность. Создание интегрированной сети собственных корпораций позволяет управлять капиталом и землями в интересах всей группы коренного населения. Кроме того, без сотрудничества с аборигенами на этой территории не может быть осуществлен ни один идущий извне проект. Так, с пользой для инувиалуитов в начале 90-х гг. реализовывались правительственный проект министерства национальной обороны, касающийся эксплуатации и обслуживания военных объектов (станций северной системы предупреждения), и проекты нефте- и газоразработок компаний "Эссо" и "Шелл". Первоначальные проекты по требованию аборигенов, зафиксированному в соответствующих договорах о сотрудничестве, были скорректированы в соответствие с потребностями обеспечения экологической безопасности и участия в них инувиалуитов, в том числе с точки зрения бизнеса.

Таким образом, развитие правового статуса коренных народов в Канаде шло от абстрактных норм к конкретным, включая в качестве финального пункта признание права на автономию и самоуправление. Ситуация, сложившаяся к настоящему времени на Севере Канады, позволяет говорить о достаточно благоприятном варианте взаимодействия народов Севера с доминирующим обществом в рамках единой государственной системы, базирующейся в целом на демократических принципах и нормах.

Переходя к характеристике правового статуса коренных народов Севера России, следует отметить, что он имеет несколько иную содержательную динамику и иное качественное состояние в настоящий момент.

Российское государство с момента присоединения Сибири к России в XVI в. проводило по отношению к коренному населению нейтралистскую политику, направленную на невмешательство в традиционный образ жизни аборигенов. В XIX в. государственная власть стремилась закрепить существовавшие у них обычай в качестве норм обычного права, "она не просто санкционировала их, как это было раньше, но придавала им фиксированную форму, силу закона"¹.

¹ Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск, 1993. С. 155.

Уникальным правовым документом являлся принятый в 1822 г. Устав об управлении инородцами. Как отмечает В. А. Кряжков, "в нем впервые в мировой практике предлагалось цивилизованное юридическое решение проблем народов, в том числе и народов Севера, образ жизни которых не вписывался в обычные нормы гражданского общества. Данным актом обеспечивалась комплексная регламентация наиболее важных отношений с участием инородцев в сфере землепользования, промыслов, налогов, самоуправления и защиты; предоставляемые им права подкреплялись соответствующими обязанностями тех, от кого зависело их существование. Указанные народы признавались субъектами государственного права... Государство исходило из идеи ограниченного, осторожного вмешательства в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику северных народов. Формирование у них новых общественных порядков и ценностных ориентиров только поощрялось и аборигенам предоставлялась возможность самостоятельного выбора темпа интеграции в доминирующее российское общество"¹. Вмешательство властей было незначительным и касалось главным образом сбора налогов, регулирования торговли между аборигенным и неаборигенным населением, а также осуществления административного управления, способствовавшего преодолению локальных форм существования коренных народов.

Советское государство с момента своего образования официально провозгласило не только права отдельных граждан, но и права своих народов. "Декларация прав народов России" 1917 г. была одним из первых исторических документов, признававших равенство и суверенность народов, право их на самоопределение и свободное развитие. В соответствии с этими принципами у народов Севера позднее были введены особые формы самоуправления: родовые собрания, родовые (кочевые) советы, туземные районные съезды и избираемые на них районные исполнительные комитеты. Образованные впоследствии национальные округа как конституционная форма автономии народов Севера, хотя и не были в достаточной мере самостоятельными, сыграли важную роль в консолидации локальных групп коренного населения. В целом политico-правовой статус народов Севера России в 1920-1930-е гг. обеспечивал их защиту в процессе взаимодействия с доминирующим обществом, создавая необходимую правовую базу для сохранения и развития национальной культуры. Это был уникальный исторический опыт решения проблем малочисленных народов совместными усилиями государства и аборигенного населения.

¹ Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России. (Материалы международной конференции) // Государство и право. 1997. № 8. С. 25, 26.

Проводимая Советским государством национальная политика в отношении коренных народов Севера, особенно в 20-30-е гг., имела важные позитивные результаты и высоко оценена не только отечественными, но и зарубежными исследователями. Так, американский сибиревед Дж. Джордж указывает на то, что Советское правительство решило гигантскую историческую задачу по спасению многих северных народов, сохранению и развитию их культуры. В качестве одного из важнейших достижений он, наряду с другими учеными, отмечает также факт создания северных автономий¹.

В последующий период вплоть до начала 1990-х гг. разработка законодательства в отношении народов Севера была, по существу, приостановлена, автономия национальных округов постепенно становилась лишь формальной. С конца 1950-х гг. регулирование системы жизнедеятельности коренных народов осуществляется главным образом посредством принятия государственных программ развития их экономики и культуры, что не является достаточно надежным и эффективным.

Большинство современных российских исследователей оценивает этот период развития народов Севера с негативной точки зрения, указывая на то, что проблемы данной группы народов решались с позиций задач социалистического строительства путем коренной ломки традиционного образа жизни. Действительно, на протяжении длительного времени осуществлялось жесткое регулирование со стороны центра всех сторон жизни аборигенов Севера, проводившееся без должного учета местной этнокультурной специфики. Характерными были излишняя централизация управления, ограничение реальных полномочий местных органов власти, отсутствие механизма, с помощью которого коренные народы обладали бы возможностью сами определять тенденции и динамику своего собственного развития. Серьезные негативные последствия имело отсутствие согласованности национальной политики в отношении коренных этносов и политики экономического развития Севера, особенно в период его интенсивного промышленного освоения с начала 1960-х гг. Экономическая политика, осуществлявшаяся в интересах центра, имела превалирующее значение, в результате развитие региона часто осуществлялось в ущерб малочисленным этносам, их здоровью, культуре, образу жизни. Сотни принятых центральными органами власти конкретных нормативных актов, прямо или косвенно касающихся хозяйства, культуры и быта народов Севера, нельзя однозначно оценить как проявление заботы о благополучии последних. В условиях, когда сами народы не принимали непосредственного участия в выработке и принятии соответствующих решений, это свидетельствовало

¹ George St. George. Siberia. The New Frontier. N.-J., 1969.

зачастую о стремлении подогнать жизнь северных этносов под единые стандарты доминирующего общества.

Фиксируя проблемы, вытекающие из анализа национальной политики советского государства в отношении коренных народов Севера, следует иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, такая политика была характерна не только применительно к данной группе национальных общностей, но и ко всем другим народам страны, что являлось следствием существовавшей авторитарной системы управления. Во-вторых, в своей политике по отношению к малочисленным народам Советское государство не было исключением из общего правила. Как было показано, ориентация на ассимиляцию коренных народов являлась нормой международного права и имела распространение во многих странах.

Отмечая наличие серьезных негативных последствий для народов Севера России проводившейся в СССР национальной политики, в то же время нельзя забывать достижения советского периода. К их числу можно отнести создание на базе традиционных видов трудовой деятельности высокотоварных и прибыльных промысловых и оленеводческих хозяйств, решение проблемы занятости коренного населения, обеспечение культурно-бытового и медицинского обслуживания, жилищного строительства, формирование системы общего образования и подготовки из числа аборигенов специалистов со средним специальным и высшим образованием, появление среди них достаточно большого числа ученых, писателей, государственных и общественных деятелей. Большинство из этих достижений являются тем, к чему в настоящее время стремятся, наряду с сохранением традиционной культуры, коренные народы зарубежного Севера. В 1970 г. известный советолог Т. Армстронг, вовсе не отличавшийся любовью к СССР, констатировал, что Советский Союз, работая над национальными отношениями с народами Севера, пошел значительно дальше, чем США в отношениях с коренным населением Аляски¹.

Изменения, происходящие в различных сферах жизни народов Севера России с начала 1990-х гг., по своим негативным последствиям для их этносоциального развития являются, пожалуй, более серьезными, чем преобразования советского периода. При этом политico-правовой статус коренных этносов имеет в целом позитивную динамику.

Идейные предпосылки современной государственной политики в отношении народов Севера России были заложены в конце 1980-х годов, когда впервые открыто и откровенно заговорили о многочисленных проблемах развития малочисленных народов Севера. Был поставлен вопрос о

¹ Armstrong T. Soviet Northern Development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks, 1970.

необходимости расширения реальных прав аборигенов, что рассматривалось в качестве необходимого условия преодоления кризисной ситуации. Определенный итог дискуссиям по проблемам современного положения северных этносов был подведен на съезде малочисленных народов Севера, состоявшемся в марте 1990 г.¹

Волна требований в защиту интересов малочисленных этносов Севера России совпала с принятием в 1989 г. международной организацией труда конвенции "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах". Провозглашенные в ней положения были взяты на вооружение представителями аборигенов, главным образом учеными, писателями, работниками управленческих структур, которые активно включились в борьбу за свои коллективные права. Возникли различные формы их политической организации на региональном, федеральном и международном уровне: "Всесоюзная и региональные ассоциации малочисленных народов Севера", "депутатская Ассамблея", "Международная Лига" и др. Были созданы Ассоциация автономных округов Российской Федерации, Фонд выживания и развития экономики и культуры малочисленных народов Севера, а также ряд государственных структур, среди функций которых – решение проблем жизни и деятельности данной группы народов (Государственный комитет РСФСР по социально-экономическому развитию Севера, Комиссия по вопросам социального и экономического развития республик, автономных областей, автономных округов и малочисленных народов в составе Российской Федерации и др.). Одним из важных направлений деятельности большинства созданных организаций и государственных структур являлось участие в законотворческой работе по правовой защите коренных этносов.

В конечном итоге под влиянием возросшей политической активности самих аборигенов Севера, а также общественности, выступающей в защиту их интересов, центральные и местные органы власти осуществили корректировку федерального и регионального законодательства в отношении малочисленных этносов. Суть этой корректировки состоит в расширении предоставляемых данной группе народов прав и гарантий, направленных на сохранение элементов традиционного уклада жизни². Конкретные решения по вопросам обеспечения правового статуса малочисленных народов Севера в социально-экономической, социально-политической и куль-

¹ См.: Материалы съезда малочисленных народов Севера. М., 1990.

² См.: Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). М., 1994; Права народов Севера. (Извлечения из Конституции РФ и федеральных законов) // Слово народов Севера. 1998. № 1.

турной сферах принимаются на уровне не только центра, но и субъектов Федерации.

Налицо благоприятное для данной группы народов изменение законодательства по всему комплексу важнейших проблем их жизни и деятельности. В то же время многие вопросы до сих пор являются нерешенными, правовая база остается в целом несовершенной. Это проявляется, во-первых, в отражении в законодательстве по преимуществу не перспективных, а текущих интересов народов Севера, во-вторых, в недостаточной детальной проработанности правовых вопросов, без чего провозглашаемые нормы часто не имеют четкой и однозначной интерпретации и остаются декларативными, в-третьих, в отсутствии эффективного механизма реализации фиксируемых прав и гарантий.

Одной из главных причин такого положения является, как отмечает В. А. Кряжков, отсутствие у государства четкого представления о содержании правового регулирования своей политики в отношении северных народов¹. Это относится в том числе и к существующей правовой системе автономного округа, отличающейся внутренней противоречивостью, что, в частности, касается соответствующей адаптации применительно к округу федерального законодательства². В целом правовой статус коренных народов Севера России остается достаточно неопределенным.

Дело усугубляется тем, что, как показывает практика, прямой зависимости между трансформацией нормативно-правовой базы и реальным положением малочисленных народов не существует. Анализ современной ситуации дает основание сделать вывод о наличии противоположной зависимости: при позитивной динамике правового статуса жизнь народов Севера существенно ухудшилась практически во всех сферах. Реальное положение народов определяется не провозглашенными правами как таковыми, хотя и они далеко не совершенны, а существующей в стране экономической и политической ситуацией. Политика государства привела к разрушению экономической основы жизнедеятельности коренных народов Севера.

Осуществляющиеся в стране преобразования, направленные в конечном итоге на внедрение рыночных отношений, в существенной мере затронули жизнь северных этносов и имеют для них в целом негативные

¹ См.: Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России. С. 26.

² Анализ этих проблем, а также характеристику концептуальных предложений по их решению см.: Черненко А. К. Правовая ситуация: состояние и тенденции изменения // Этносоциальные и правовые процессы в Эвенкии: Препринт. Новосибирск, 1994.

результаты, а сама политика государства в отношении народов Севера отличается крайней непоследовательностью и противоречивостью. В чем это проявляется?

Государство провозглашает себя в качестве главного юридического лица, имеющего власть и несущего ответственность за защиту интересов и прав коренных народов. Только с 1991 года по проблемам их развития принято более 30 законодательных актов, множество распоряжений министерств и ведомств. В то же время наблюдается катастрофическое ослабление участия государства в финансировании и регулировании реальных процессов их жизнедеятельности. Так, в 1991 г. правительство приняло рассчитанную на пять лет государственную программу "дальнейшего развития" экономики и культуры малочисленных народов Севера, которая не была выполнена даже в минимальном объеме. Если в 1991 году на ее реализацию государство выделило 30 % средств от реальной потребности, то в 1992 году – 17, в 1993 – 1994 годах – 4, а в 1995 году – всего 2 %¹.

Резкое сокращение государственного финансирования привело к деградации всех сфер жизни северных поселений, их экономической и социальной инфраструктуры. Подорваны основы традиционных отраслей хозяйства. В результате произошло обвальное падение уровня жизни, деградация условий труда и быта населения. Ухудшение социально-бытовых и санитарно-гигиенических условий уже в 1992-1993 гг. обусловило скачок заболеваемости среди аборигенов. В отдельных районах смертность детей аборигенов в возрасте до одного года в 5-7 раз превышает общероссийские показатели. В целом по народам Севера только за 1990-1993 гг. смертность возросла на 42 %, при этом рождаемость снизилась на 34 %. Естественный прирост коренного населения сократился в 10 раз.

В 1996 г. Правительство Российской Федерации приняло рассчитанную до начала следующего тысячелетия федеральную целевую программу "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года", в которой в качестве определяющего провозглашается принцип самоорганизации данных народов. В проекте программы значился принцип самообеспечения. И хотя в ходе обсуждения проекта он был скорректирован, сам этот факт представляется весьма показательным, т. к. характеризует суть современной государственной политики в отношении народов Севера.

Осуществляемое на Севере, как и в стране в целом, внедрение рыночных отношений с доминирующим положением частной собственности на

¹ Здесь и далее используются данные из: Федеральная целевая программа "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года" // Российская газета. 1996. 1 окт.

средства производства конфронтирует с ценностями и установками аборигенного населения. Как показывают многочисленные исследования, большая его часть предпочитает работать на предприятиях с общественной (государственной и коллективной) формой собственности. Осознавая это, государство законодательно закрепило право аборигенов на образование различного рода родовых общин, фермерских и семейных хозяйств. Со стороны аборигенов к данным формам хозяйства существует определенный интерес. Частично он обусловлен исторически. Но в большей степени этот интерес в настоящий период вызван необходимостью обеспечения физического выживания людей. Производимая в них продукция идет по преимуществу на личное потребление аборигенов. Натурализация традиционного хозяйства, как отмечалось, превратилась в доминирующую тенденцию социально-экономического развития народов Севера – яркое свидетельство реализации на практике государственной политики, направленной на формирование основ жизнедеятельности на принципе самообеспечения.

Разгосударствление собственности в сфере материального производства, начатое под благовидным предлогом отделения экономики от социальной сферы в целях усиления заботы об удовлетворении разнообразных потребностей людей, обернулось прямо противоположными результатами. Оно привело не только к глубочайшему кризису традиционного хозяйства (как отмечается в программе, с 1991 по 1996 гг. поголовье домашних оленей сократилось на 600 тыс. голов, т. е. более чем на четверть, вдвое сократилась добыча рыбы, пушнины и морского зверя, прекращены заготовки грибов, ягод, орехов, лекарственных растений и водорослей). Была разрушена далеко не совершенная, но все-таки достаточно надежная система социальной защиты населения в виде совхозов и колхозов. Они давали людям работу, денежный доход и обеспечивали функционирование социальной инфраструктуры¹.

Под влиянием изменения норм международного права и усиления политической активности самих аборигенов российского Севера государство пошло на расширение их коллективных прав. Однако при этом не определено соотношение, во-первых, коллективных и индивидуальных прав среди самих аборигенов, во-вторых, коллективных прав аборигенов и индивидуальных прав неаборигенов, что ведет к росту социальной напряженности.

Современное законодательство узаконивает неравенство в правах не только представителей коренных и некоренных народов, но и самих або-

¹ См.: Плюснин Ю. М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги: Препринт. Новосибирск, 1995.

ригенов. Например, в Эвенкии многие эвенки не имеют права на родовые угодья, так как являются выходцами из Бурятии и Иркутской области. В конечном счете, права отдельных представителей народов Севера поставлены в зависимость от происхождения (места рождения) и от их профессии (рода занятий). Коллективными правами и соответствующими привилегиями наделяются лишь занятые традиционными видами трудовой деятельности.

Присоединяясь к мнению В. А. Кряжкова о том, что наработанный в странах Арктического кольца опыт в области регулирования вопросов жизнедеятельности аборигенов "не ложится на российскую действительность"¹, отметим в то же время необходимость изучения зарубежного опыта в целях его возможного учета при решении конкретных проблем. Проблема прав на землю принадлежит к числу самых важных, в том числе в рамках обсуждаемых здесь вопросов. Проводя сравнительный анализ положения дел с правами аборигенов на землю применительно к России и Канаде, выделим несколько важных моментов.

1. Существует значительно различающаяся правовая культура двух стран. В Канаде присутствует четко выраженная преемственность правового развития. Так, до сих пор действуют положения Прокламации британского парламента 1763 г. В Конституции Канады, принятой в 1981 г., были специально закреплены аборигенное право и договорное право коренных народов. В Конституции России такой определенности в отношении подобной группы народов не зафиксировано. В ней отсутствует закрепление жизненно важных для народов Севера коллективных прав, а провозглашенное здесь право заботиться о защите "исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей"² предоставлено не самим народам, а Российской Федерации и ее субъектам, т. е. сформулировано в патерналистском смысле.

2. В Канаде договорное право гарантировано на федеральном уровне. В последнем случае это достигается путем заключения той или иной группой аборигенов договора о землепользовании с канадским правительством. Таким образом, создается надежная основа для осуществления контроля со стороны самих народов. С начала 1990-х гг. определенный прогресс в решении проблем прав аборигенов на землю существует и в России. Пожалуй, лидером здесь является Ханты-Мансийский автономный округ. Назовем лишь выделение этнических территорий, территорий приоритетного природопользования народов Севера, родовых угодий.

¹ Кряжков В. Право заявить о правах // Северные просторы. М., 1996. № 3-4. С. 14.

² См.: Конституция Российской Федерации. М., 1997. С. 23.

Речь идет об их правах на землепользование, которые закреплены на уровне округа. Важными являются экономические соглашения владельцев родовых угодий с нефтяниками. В то же время через экономические соглашения аборигены удовлетворяют лишь интересы выживания, причем, можно сказать, выживания индивидуального (семейного), но не интересы развития, тем более выражющие потребности национальных общностей как целого. Этому не отвечают в необходимой мере и решения, принятые на уровне окружных властей, так как закрепленное таким образом право аборигенов на землю не является конституционным, а потому недостаточно надежно. Как свидетельствует северо-американский опыт, региональный уровень легко подвергается регулированию со стороны крупных корпораций, способных воздействовать на изменение прав коренных народов на возобновляемые и невозобновляемые ресурсы.

3. Существенно различаются в Канаде и России субъекты права на землю. В Канаде в подобном качестве выступают не отдельные люди или семьи, как у нас, и даже не общины (поселки), а территориальные объединения аборигенов, включающие в себя тысячи человек. Именно они заключают договор о землепользовании с правительством и решают затем все вопросы, связанные с использованием земли.

Представляется, что канадский вариант закрепления земли за аборигенами является предпочтительным. Во-первых, он более справедлив, ибо дает равные права на землю всем представителям данной группы коренных жителей; в России часть аборигенов оказывается вообще лишенной права на землю, в том числе родовые угодья. Во-вторых, он более эффективен, т. к. создает необходимые условия для получения доходов от комплексного использования земли и позволяет употребить их в интересах развития всей этнической группы.

В Канаде существует больше объективных возможностей для реализации прав аборигенов на традиционно занимаемые ими земли. Канадский Север в отличие от российского значительно меньше освоен в промышленном отношении, здесь незначительна численность некоренного населения. Решение проблем обеспечения прав аборигенов российского Севера на ту или иную территорию сталкивается с многочисленными трудностями по согласованию этих прав с интересами не только государства, различных министерств и компаний, но и многочисленных групп старожильческого и временного населения. Согласование всех этих интересов должно являться актуальной задачей не только окружных властей и ассоциаций народов Севера, но и государственной политики и правового строительства.

Таким образом, существующие в настоящее время политика и правовое регулирование процесса интернационализации общественной жизни

народов Севера России не являются оптимальными. Они не в состоянии обеспечить реализацию законных интересов народов, достаточную определенность и устойчивость их положения как в структуре взаимодействия с доминирующим обществом, так и в системе своего внутреннего национального развития. Решение проблемной ситуации возможно на пути преодоления абсолютизации нормативистской концепции права, предполагающей, в частности, разработку правовой технологии, адекватной задачам устойчивого развития национальных общностей¹.

Проведенный сравнительный анализ исторической динамики изменения правового положения народов Севера двух стран позволяет сделать вывод о том, что в Канаде в отличие от России существует четкая преемственность правовой культуры в рассматриваемой области: современный статус народов аккумулирует опыт их взаимодействия с доминирующим обществом на протяжении двух столетий. В то же время правомерен и вывод о том, что потребности и специфика политico-правового регулирования национального развития коренных народов Севера во многом обусловлены не столько конкретно-историческими особенностями социально-экономической среды российского и канадского обществ, сколько традиционными социокультурными структурами, сложившимися в зоне арктической цивилизации и определяющими перспективы ее государственно-правового самоопределения, связанного с принципом коллективности прав данных народов на землю, природные ресурсы, традиционный образ жизни и самоуправление при условии позитивной интеграции в доминирующее общество.

Итак, развитие международно-правового статуса коренных народов, к числу которых принадлежат народы Севера, с момента его становления в конце 1950-х гг. прошло два этапа. На первом этапе международное право базируется на положениях классической теории модернизации и ориентируется на ассимиляцию коренных народов в индустриальное общество. На втором этапе, с конца 1980-х гг., оно ориентируется на позитивную интеграцию коренных народов в современное общество на базе ценностей традиционного образа жизни. Фиксация в нормах современного международного права широкого спектра коллективных прав коренных народов не

¹ См.: Черненко А. К. Современные проблемы модернизации права в России // Гуманит. науки в Сибири. 1995. № 2; Он же. Проблемы метода конструирования права как регулятора устойчивости и rationalности социальных институтов // Гуманит. науки в Сибири. 1996. № 1; Он же. Право в системе устойчивого развития этноса // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997. Вып. 1; Он же. Концептуальные основы правовой технологии // Гуманит. науки в Сибири. 1997. № 1; Он же. Философия права. Новосибирск, 1998.

только характеризует усиление роли аборигенных народов в качестве субъектов межнациональных (и международных) отношений, осознавших свои национальные интересы и проявляющих готовность и стремление их отстоять, но и выступает результатом признания поливариативного подхода к развитию мирового сообщества на основе ценностей как индустриального, так и традиционного общества.

Формирование естественно-правовой природы правового статуса коренных народов определяется особенностями протекания процесса интернационализации в сфере международно-правовых отношений. С одной стороны, этот статус отражает стремление данных народов к реализации особого пути национального развития, базирующегося на ценностях традиционного образа жизни. С другой стороны, он является инструментом определения самими народами содержания и меры осуществления процесса интеграции в мировое сообщество в качестве равноправных субъектов международно-правовых отношений.

Политико-правовое регулирование национального развития народов Севера России в настоящее время опирается на деформированную патерналистскую модель национально-государственной политики, для которой характерно программное обеспечение условий жизнедеятельности народов при отсутствии на законодательном уровне конкретизации их коллективных прав. В Канаде одними из существенных компонентов политико-правового регулирования национального развития народов Севера являются конституционное закрепление аборигенного права, включающего право на исконное самоуправление, а также договорно-правовая система отношений с различными хозяйственными и политическими субъектами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в процессе проведенного исследования результаты позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Интернационализация, понимаемая как единство объективной и субъективной, внешней и внутренней рефлексии национальных общностей, является социальным феноменом, имманентно присущим всей человеческой истории, составляя не только ее важный момент и характеристику процессуальности, но и существенную детерминанту становления локальных цивилизаций, формирования и развертывания всемирно-исторического процесса как единства многообразного, как противоречивой и развивающейся системы, каждый элемент которой является условием существования всех других ее элементов. Таким образом, интернационализация выступает одним из системообразующих факторов всемирной истории и является инвариантом общества, характерным не только для современного, но и для всех предшествующих этапов его развития, и законом развития всех исторических форм национальных общностей. Через взаимную рефлексию национальных общностей происходит формирование всемирно-исторического процесса, в который каждая из них, не теряя относительной самостоятельности, вносит свой жизненно необходимый вклад, определяя развитие человеческого сообщества как единства многообразного. Именно это внутренне дифференцированное единство обуславливает широкие возможности общества, используя достижения отдельных национальных общностей и цивилизаций, адекватно реагировать на вызовы изменяющихся объективных обстоятельств и сохранять себя как единую органическую систему. При этом существенно важно понимание того, что формирующееся в процессе взаимодействия общностей новое системное единство не отрицает национальных различий, а сохраняет их как одно из необходимых условий поступательного развития общества.

Введение понятия "национальная общность" в предметное поле социальной философии достигается путем интерпретации ее как общности людей, в структуре которой этнический компонент выступает лишь одним из ее системообразующих факторов. Племя, народность, нация понимаются как генетически различные национальные общности, характеризующиеся общими, инвариантными признаками. В результате удается избежать абстрактно-неопределенной квалификации племени, народности и нации лишь как исторических или как этнических общностей людей. Поскольку многие общности людей могли бы быть названы историческими в широком смысле слова, то использование понятия национальной общности

позволяет выделить конкретные классы общностей – племя, народность, нация – именно как национальные.

Классический философский тезис, согласно которому общее проявляется через особенное, вполне подтвердился при конкретном анализе процесса интернационализации у народов Севера. Более того, в силу исторической разнсеннности по уровню развития традиционного и индустриального обществ, представленных соответственно народами Севера и доминирующим обществом в процессе их взаимодействия, основные теоретические положения, характеризующие процесс интернационализации вообще, здесь обнаружились с особой очевидностью. Полученные результаты дают основание говорить об адекватности принципов, положенных в основу теоретического анализа, задачам эмпирического исследования.

Применительно к народам Севера можно сделать обобщающий вывод о том, что их выживание и развитие в прошлом и настоящем необходимо связано с процессом интернационализации, который обеспечил формирование достаточных предпосылок стабильного функционирования традиционного образа жизни и способствовал его адаптации к условиям современного общества. Стихийный процесс вовлечения народов Севера в мировое сообщество разрушает основы их традиционных ценностей, угрожает деструкцией их как социальных субъектов. Выживание и дальнейшее развитие народов Севера возможно при условии их сознательной интеграции в мировое сообщество на основе использования международно-правовых и национально-государственных механизмов регулирования процесса интернационализации, при соблюдении принципа коллективности их прав на землю, природные ресурсы, традиционный образ жизни и самоуправление.

Разработка рефлексивной концепции интернационализации и ее эмпирическая апробация позволяют объяснить этнический парадокс. Внешне противоположные тенденции усиления этнической идентификации и национальной фрагментации на фоне развертывания процессов глобализации, углубления экономической интеграции и взаимозависимости стран и народов оказываются взаимообусловленными тенденциями. Масштабы и степень выделения и фрагментации национальных общностей определяются интенсивностью процессов интернационализации. И наоборот, богатство и сложность межнациональных взаимодействий непосредственно зависит от развивающегося многообразия национальных общностей. Использование уникальных достижения национальных культур и цивилизаций расширяет адекватные возможности мирового сообщества и позволяет ему адекватно реагировать на вызовы современности.

Говоря об ориентирах перспективных исследований по обозначенной теме, можно обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, в монографии нашла продолжение сложившаяся в отечественном обществознании традиция фундаментальных исследований феномена интернационализации. Реализуя принцип преемственности, мы исходим из того, что хотя многие поставленные ранее проблемы не были адекватно разрешены, накопленный теоретико-методологический потенциал и эмпирические данные социально-гуманитарных наук составляют исторически сформировавшееся основание для поступательного развития данного научного направления.

Во-вторых, разработка концепции интернационализации и введение понятия национальной общности в соотнесении с понятием этнической общности позволяют сформировать основу теоретического аппарата этнофилософии как самостоятельной области социально-философских исследований.

В-третьих, в качестве основного вопроса этнофилософии можно рассматривать национальный вопрос. Наряду с интерпретацией его как проблемы социальной практики представляется необходимым его концептуализация в качестве одного из вопросов социально-философской теории. Таким образом, вопрос о самоопределении национальных общностей превращается в теоретический вопрос об определении национальной общности в контексте процесса интернационализации. Этот вывод имеет общее значение и для социальной философии в целом. Постановка и решение основных вопросов социальной философии должны осуществляться во взаимосвязи с практическими значимыми социальными вопросами.

В-четвертых, изучение процесса интернационализации, протекающего в формах субъективной рефлексии, то есть регулируемых и направляемых с помощью государственных и правовых институтов, показало, что интернационализация осуществляется не только в сферах материального производства и экономической жизни общества, но и в сфере политики-правовой надстройки. Таким образом, при исследовании феномена интернационализации необходимо обращать внимание как на его экономические и политические, так и правовые формы. Интернационализация правовой жизни институционализирована в системе международного права, которая развивается в виде международно-правовых отношений, закрепляемых в соответствующих нормах права. Понимая международно-правовые отношения как отдельную сферу международных отношений, представляется возможным рассматривать последние как предпосылку и результат процесса интернационализации.

В-пятых, представленный в монографии материал позволяет выдвинуть гипотезу о формировании в кругу мировых цивилизаций арктической цивилизации. В ее основе лежат устойчивые взаимодействия нескольких региональных систем национальных общностей народов Севера,

образующих единый циркумполярный социокультурный комплекс. Хозяйственной основой арктической цивилизации является кочевой (и полукочевой) образ жизни в экстремальных природно-географических условиях Крайнего Севера.

В-шестых, исторической закономерностью арктической цивилизации является следование по некапиталистическому пути развития в его различных вариантах. Модернизация общественной жизни коренных народов Севера как в развитых капиталистических странах (Север Канады, Аляска, Гренландия, Лапландия), так и в СССР (и в современной России) внесла определенные изменения в материально-технические и бытовые условия жизни при сохранении и доминировании ценностей традиционной культуры и социальных отношений некапиталистического типа. Попытки механического втягивания народов Севера в современные рыночные отношения делают сомнительными и даже отчасти невозможными использование механизмов рыночной регуляции и саморегуляции их общественного развития. В этих условиях представленная концепция, наряду с другими аналогичными разработками, может служить основой для принятия адекватных управленческих решений, ориентирующихся на сохранение и дальнейшее развитие данной группы национальных общностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей А. М.* Методологический анализ проблемы взаимодействия культур: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
2. Аборигены Сибири: проблемы сохранения исчезающих языков и культур: Тез. междунар. науч. конф. Новосибирск (Академгородок), 26-30 июня 1995 г. Новосибирск, 1995. Т. 1. 396 с.
3. *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979. 288 с.
4. *Агранат Г. А.* Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы // Сов. этнография. 1982. № 6. С. 66-80.
5. *Агранат Г. А., Комляков В. М.* Север – зеркало мировых и российских проблем // США: экономика, политика, идеология. 1996. № 12. С. 6-19.
6. *Аимбетов А. А.* Интернационализация социалистического образа жизни. Алма-Ата: Наука, 1987. 239 с.
7. *Алексеев В. В.* Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей). М.: Госполитиздат, 1962. 52 с.
8. Америка после Колумба: взаимодействие двух миров: проблемы индеанистики. М.: Наука, 1992. 271 с.
9. *Андерсон Д. Дж.* Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 272 с.
10. *Андрichenko Л. В., Белоусова Е. В.* Правовое положение коренных малочисленных народов Российской Федерации // Федеративное устройство России: история и современность. М., 1995. С. 137-152.
11. *Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 247 с.
12. *Арутюнов С. А., Семенов Ю. И. Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до настоящих дней // Этногр. обозр. 1996. № 2. С. 167-173.
13. *Арутюнов С. А.* Этничность – объективная реальность // Этногр. обозр. 1995. № 5. С. 7-10.
14. *Арутюнян Ю. В.* Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социол. исслед. 1990. № 7. С. 42-49.
15. *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
16. *Арханичев И. С.* Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этногр. сб. М.-Л.: Труды Института им. Миклухо-Маклая, 1957. С. 43-98.

17. Бажутина Т. О. Происхождение человека: Концепция переходных состояний развития. Новосибирск: Наука, 1993. 156 с.
18. Балицкий В. Г. От патриархально-родового строя к социализму. М.: Мысль, 1969. 221 с.
19. Барулин В. С. Социальная жизнь общества: Вопросы методологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. 186 с.
20. Бахлыков П. С. Юганские ханты: история, быт и культура. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.
21. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. М.-Л., 1935. 91 с.
22. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года: Исторический очерк // Советский Север. Первый сборник статей. Л.: Изд-во Главсевморпуть при СНК СССР, 1929. С. 66-82.
23. Белоусова Е. В. Правовое положение коренного населения Канады // Известия вузов. Правоведение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. № 3.
24. Беляков Г. Ф. Интернационализация общественной жизни в современную эпоху. Киев: Вища шк., 1985. 185 с.
25. Беляков Г. Ф. Марксистско-ленинская концепция интернационализации общественной жизни человечества // Вопросы научного коммунизма. Киев, 1982. Вып. 52. С. 3-11.
26. Белянкина Н. Г. О парадоксе элементаристского подхода // Филос. науки. 1988. № 5. С. 95-97.
27. Бенедиктов Н. А. Единство и многообразие истории как философская проблема // Филос. науки. 1988. № 6. С. 95-98.
28. Беркович Н. А. Социально-философские предпосылки изучения малочисленных народов // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. 1. С. 44-49.
29. Билибин Н. Обмен у коряков. Л.: Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 40 с.
30. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
31. Богораз В. Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях // Труды Северной научно-промышленной экспедиции. Петроград, 1920. Вып. 9. С. 19-23.
32. Богораз В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. 1922. № 1.
33. Богораз В. Г. Очерки материального быта оленных чукчей. С.-П., 1901. 67 с.
34. Бойко В. И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 278 с.

35. *Бойко В. И.* Социально-экономическое развитие народностей Севера: Программа координации исследований. Новосибирск: Наука, 1988. 320 с.
36. *Бойко В. И., Окладников А. П.* Проблемы периодизации миграций // Методологические проблемы современной науки. М., 1979. С. 166, 167.
37. *Бойко В. И., Попков Ю. В.* Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. Новосибирск: Наука, 1987. 174 с.
38. *Бойко В. И., Попков Ю. В., Попкова Т. В.* Интернационализация общественной жизни народностей Севера (к разработке концепции): Препринт. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. 66 с.
39. *Бородай Ю. М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
40. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв. В 3-х т. / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 621 с. Т. 2. 631 с. Т. 3. 679 с.
41. *Бромлей Ю. В.* К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // Сов. этнография. 1988. № 4.
42. *Бромлей Ю. В.* О предмете этнографии в свете логико-системного анализа // Сов. этногр. 1988. № 1.
43. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
44. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
45. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
46. *Бромлей Ю. В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 334 с.
47. *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* X Международный конгресс антропологических и этнологических наук // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 3-17.
48. *Бромлей Ю. В., Крюков М. В.* Этнография: Место в системе наук, школы, методы // Сов. этнография. 1987. № 3. С. 46, 47.
49. *Броунли Я.* Международное право / Пер. с англ. Кн. 1-2. М.: Прогресс, 1997. Кн. 1. 535 с.; Кн. 2. 507 с.
50. *Бударин М. Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 474 с.
51. *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Пер. с франц. М.: Аспект Пресс, 1998. 284 с.
52. *Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе // Проблемы истории первобытного общества. М. -Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 109-150.
53. В поисках парадигмы нации: (нациологические очерки). М.; Нальчик, 1997. 260 с.

54. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социол. исслед. 1997. № 1. С. 8-21.
55. Василенко И. А. Классическая концепция прогресса и ее альтернативы // Вестник Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политика. М., 1997. № 4. С. 43-53.
56. Васильев В. И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов обско-енисейского Севера // Становление классов и государства. М., 1976.
57. Васильев В. И. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // Сов. этнография. 1990. № 6. С. 33-41.
58. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука, 1976. 368 с.
59. Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск: Наука, 1973. 267 с.
60. Вдовин И. С. Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски. М.: Наука, 1964. 9 с.
61. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. -Л., Наука, 1965. 403 с.
62. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1978. 303 с.
63. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Художественная литература, 1940. 614 с.
64. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. Учение о понятии. 374 с.
65. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. С. 1-470.
66. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Т. 7. М.: Госиздат, 1934. 380 с.
67. Геккманн Ф. Народ, нация, этническая группа и этнические меньшинства: к некоторым основным категориям этничности // Зарубежн. мир: соц.-полит. и экон. пробл. Киев, 1990. Вып.19. С. 3-39.
68. Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.
69. Гиниятов Ф. М. О законе интернационализации общественной жизни // Теоретико-методологические исследования развитого социалистического общества. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. Ч. 2. С. 34-39.
70. Гиренко Н. М. Социология племени: становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Л.: Наука, 1991. 303 с.
71. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 203 с.

72. Головнев А. В. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII – XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 3-18.
73. Гончарова В. Н. Интернационализация общественной жизни как диалектический процесс. Киев: Наук. думка, 1978. 151 с.
74. Гордиенко А. А., Попков Ю. В., Еремин С. Н. Коренные малочисленные народы и структурная перестройка на Севере (к концепции развития). Новосибирск: ИФИПр СО РАН, 1994. 44 с.
75. Груздева В. В. Проблемы развития человечества в контексте взаимодействия цивилизации и культуры: методологические аспекты. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1996. 172 с.
76. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высш. шк., 1961. 214 с.
77. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 358 с.
78. Гурвич И. С. Древние этнокультурные контакты на северо-востоке Сибири по этнографическим данным // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск: АН СССР. Ин-т истории, филологии и философии, 1986. С. 60-68.
79. Давидович В. Е., Аболина Р. Я. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М.: Молодая гвардия, 1975. 174 с.
80. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к Германско-Романскому. С.-П.: Глаголь; Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. 513 с.
81. Даидамиров А. Ф. Методологические аспекты исследования процессов интернационализации общественной жизни // Вопр. философии. 1974. № 10. С. 7-12.
82. Даидамиров А. Ф. Нация и личность. Баку: ЭЛМ, 1976. 226 с.
83. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 282 с.
84. Деревянко А. П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. 232 с.
85. Джононов С. Общее и особенное в формировании и развитии социалистических национальных отношений. Душанбе: ДОНИШ, 1987. 214 с.
86. Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность // Вопр. истории. 1966. № 4. С. 16-30.
87. Джунусов М. С. Общественный прогресс и национальные отношения. Алма-Ата, 1976.

88. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Академия наук СССР. Труды ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, 1960. Новая серия. Т. 55. 622 с.
89. Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории Северной Сибири // Родовое общество. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 95-108.
90. Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика в России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики: Этнополитический очерк. С.-П.: Центр. ин-т повышения квалиф. работн. и спец-тов проф. образов. М-ва образов. Рос. Feder., 1995. 199 с.
91. Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Наука, 1981. 261 с.
92. Ерасов Б. С. Цивилизация: слово – термин – смысл // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2. С. 3-30.
93. Еремей Г. И. Интернационализация духовной жизни в условиях развитого социализма (на материалах МССР). М.: Мысль, 1981. 160 с.
94. Ермолаева Н. В. Об иноэтнических элементах в традиционной материальной культуре приамурских эвенков // Этно-культурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М., 1986. С. 56-65.
95. Закономерности интернационализации общественной жизни. Алма-Ата: Наука, 1981. 366 с.
96. Зарубина Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М.: Магистр, 1998. 360 с.
97. Здравомыслов А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1996. 286 с.
98. Зибарев В. А. Большая судьба малых народов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 117 с.
99. Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968. 334 с.
100. Иванов В. Н. Межнациональные отношения в России // Социол. исслед. 1994. № 6. С. 32-40.
101. Игнатьев В. И. Всемирная история как целостность. (Проблемы методологии). Новосибирск: Новосиб. гос. технич. ун-т, 1993. 155 с.
102. Иезуитов А. Н. Философия взаимодействия. Объяснение необъяснимого. С.-П.: ИПТ, 1995. 109 с.
103. Интернационализация общественной жизни в условиях развитого социалистического общества (Круглый стол "Вопросов философии") // Вопр. философии. 1974. № 10. С. 3-27; № 11. С. 15-35; № 12. С. 14-37.

104. Интернационализация общественной жизни и проблемы развития социалистических наций. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1979. 151 с.
105. Интернационализация производства и капитала: Тенденции развития. Киев: Наук. думка, 1983. 270 с.
106. Интернационализация: сущность, тенденции, перспективы. Минск: Беларусь, 1977. 174 с.
107. *Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация* / Пер. с англ. С.-П.: Наука, 1997. 238 с.
108. *Исакова Н. В., Казначеев С. В., Наливайко Н. В., Юрков С. А. К вопросу о стратегии некризисного развития Севера* // Экология человека: взаимодействие культуры и образования в современных условиях. Новосибирск, 1998. Ч. 2. С. 263-270.
109. Историческая традиция: Межвуз. сб. научн. статей. Бийск: НИЦ БиГПИ, 1997. 132 с.
110. История и культура эвенков. Историко-этнографические очерки. С.-П.: Наука, 1997. 180 с.
111. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефереатах. М., 1996. 255 с.
112. История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988. 550 с.
113. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. 573 с.
114. История Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. 472 с.
115. История Сибири: В 5-ти т. Л., 1965. Т. 1. 391 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 280 с.
116. *Итс Р. Ф. Введение в этнографию*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 408 с.
117. *Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии "нация"* // Вопр. истории. 1966. № 6. С. 24-43.
118. *Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность*. М.: Политиздат, 1983. 367 с.
119. Категории исторического материализма. М.: Мысль, 1980. 351 с.
120. *Ким Г. Ф., Аирафян К. З. Государство в традиционных обществах Востока: Некоторые дискуссионные проблемы* // Государство в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука, 1987. С. 3-16.
121. *Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура*. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 208 с.
122. *Клещенок И. П. Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народностей Севера. (1917-1935)*. М.: Высш. шк., 1972. 239 с.

123. Клоков В. Ф., Корюхина А. В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этногр. обозр. 1994. № 5. С. 64-71.
124. Козаев А. И. Диалектика интернациональных связей и общественного прогресса. Цхинвали: Ирыстон, 1987. 302 с.
125. Козлов В. И. Национализм и этнический нигилизм // Свобод. мысль. 1996. № 6. С. 98-108.
126. Козлов В. И. Между этнографией, этнологией и жизнью // Этногр. обозр. 1992. № 3. С. 3-14.
127. Коммунизм и нации. М.: Наука, 1985. 350 с.
128. Константинов Ф. Т., Нормурадов Б. Н. Объективная основа интернационализации общественной жизни в социалистическом обществе // Интернационализация духовной культуры советского народа. Ташкент: Ташкентский гос. педагогич. ин-т им. Низами, 1982. С. 20-26.
129. Конструкция национальной идентичности в сравнительной перспективе. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки: РЖ. Серия 11. Социология. 1995. № 4. С. 16-26.
130. Концепция и основные направления российской программы развития районов Севера на 15-20 лет. М.: Известия, 1992. 176 с.
131. Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989. 127 с.
132. Концепция экономического и социального развития народностей Севера Якутской АССР на период 1991-2005 гг.: Препринт. Якутск: Якут. науч. центр СО АН СССР. 1990. 43 с.
133. Корель Л. В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. 160 с.
134. Коренное население Северной Америки в современном мире. М.: Наука, 1990. 400 с.
135. Коренные народы. Нефть. Закон: Сб. тез. докл. междун. конф. (23-25 марта 1998 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 1998. 153 с.
136. Королев С. Н. Проблемы законодательства о коренных малочисленных народах Севера // Государство и право. 1996. № 7. С. 19-23.
137. Коростовцев М. А. Некоторые теоретические аспекты становления классового общества (Историческая преемственность в эпоху Древнего мира) // Народы Азии и Африки. 1971. № 4. С. 59-69.
138. Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3. С. 185-203.
139. Коротеева В. В. "Воображеные", "изобретенные" и "сконструированные" нации: метафора в науке // Этногр. обозр. 1993. № 3. С. 154-165.

140. Корчагин Ю. В. Народы Севера России в XX столетии: процесс преобразований в западно-европейской и северо-американской историографии. С.-П.; Петропавловск-Камчатский, 1994. 285 с.
141. Корчагин Ю. В. Теории и концепции одной проблемы: подходы западной историографии 50-80-х гг. к изучению процесса преобразований XX в. у народов Севера России // Россия и АТР. 1996. № 1. С. 101-112.
142. Котляков В. М., Агранат Г. А. Российский Север – край больших возможностей // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 1. С. 3-8.
143. Кочетков Н. В. Следопыты верхом на оленях: стереотипы культуры в кочевых обществах на материале тунгусов-оленеводов // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 88-102.
144. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым. М.; Л.: Акад. наук профессорам, 1949. Т. 1. С.-П.: Акад. наук, 1786. 438 с. Т. 2. 319 с.
145. Крейнович Е. А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 495 с.
146. Кривоногов В. П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск: Изд. КГПУ, 1998. 322 с.
147. Кряжков В. А. Правовые проблемы статуса коренных малочисленных народов России (Севера) // Гос-во и право. 1994. № 6. С. 3-12.
148. Кузаков К. Г. Социализм и судьбы малых народностей северо-востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1981. 112 с.
149. Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972. 564 с.
150. Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс. М.: Наука, 1983. 317 с.
151. Культура народностей Севера: Традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986. 271 с.
152. Ларченко С. Г., Еремин С. Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск: Наука, 1991. 174 с.
153. Ларченко С. Г. Межкультурные взаимодействия отдельных социальных организмов. (Теоретико-методологический аспект): Автoref. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1986. 16 с.
154. Лашов Б. В., Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. Л.: Наука, 1982. 145 с.
155. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
156. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113-150.
157. Ленин В. И. О продовольственном налоге // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 205-245.

158. *Ленин В. И.* Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 41-47.
159. *Ленин В. И.* Положение Бунда в партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 65-76.
160. *Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 252-266.
161. *Ленин В. И.* Тезисы ко II Конгрессу коммунистического Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 159-212.
162. *Ленин В. И.* Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 198-200.
163. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 598 с.
164. *Леске М., Редлов Г., Штилер Г.* Почему имеет смысл спорить о понятиях / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1987. 287 с.
165. *Лукащук И. И.* Международное право. Общая часть: Учебн. для юридич. фак. и вузов. М.: Изд-во БЕК, 1997. 371 с.
166. *Луковцев В. С.* Минуя тысячелетия: О социалистическом развитии народностей Севера. М.: Мысль, 1982. 176 с.
167. *Лурье С. В.* Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
168. *Львова Э. С.* Культура народов Тропической Африки: взаимодействие и тенденции развития: Науч. доклад по опубликов. работам, представлен. на соиск. ученой степ. д-ра историч. наук. М., 1997. 60 с.
169. Малочисленные народы Севера Якутии: состояние, проблемы: Сб. научн. трудов. Якутск, 1993. 100 с.
170. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
171. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1.
172. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 гг. (Первоначальный вариант "Капитала") // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
173. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 419-459.
174. *Мархинин В. В.* Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса (философско-социологический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 148 с.
175. *Мархинин В. В.* Основные закономерности процесса интернационализации общественной жизни: Социально-философский анализ. Новосибирск: Наука, 1989. 242 с.

176. *Мархинин В. В.* Современные тенденции развития национальных отношений в стране: значение теории в поиске решений: Препринт. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН, 1990. 49 с.
177. *Мархинин В. В.* Социально-философские основания теории этноса: Дис. в форме науч. докл. на соиск. уч. степ. д-ра филос. наук. Новосибирск, 1994. 63 с.
178. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.
179. *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Этнос в ситуации выбора будущего. Новосибирск: Наука, 1993. 208 с.
180. *Мастюгина Т., Стельмах В.* Малые народы Севера и Дальнего Востока: основы правового статуса в свете принципов междунар. права и зарубеж. опыта // Рос. бюл. по правам человека. 1994. Вып. 4. С. 156-171.
181. *Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С.* Этнология. Народы России: история и современное положение: Учеб. пособие. М.: ЦИНО общества "Знание России", 1997. 320 с.
182. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1993. 161 с.
183. Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР. Таллин: ЭЭСТИ раамат, 1978. 131 с.
184. Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985. 195 с.
185. Мировое сообщество на заре XXI в. (Сводный реферат) // Социальные и гуманит. науки: РЖ. Серия "Экономика" (Отечественная и зарубежная литература). 1996. № 4. С. 192-197.
186. Мир-системный анализ: интерпретация послевоенного периода (1945-1991): Научно-аналит. обзор. М., 1997. 52 с.
187. Модернизация и национальная культура: Мат-лы теоретич. семинара. М.: Апрель-85, 1995. 128 с.
188. *Момджян К. Х.* Категории исторического материализма: Системность, развитие (начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному). М.: Изд-во МГУ, 1986. 286 с.
189. *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 352 с.
190. *Hanco M. D.* Интернационализация национальной жизни: сущность, тенденции развития. Ставрополь: Кн. изд-во, 1991. 176 с.
191. Народов малых не бывает. М. Молодая гвардия, 1991. 206 с.
192. Народы Америки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 1 672 с.; Т. 2. 670 с.

193. Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований: Сб. статей. М., 1994. 440 с.
194. Народы Сибири на современном этапе: Национальные и региональные особенности развития. Новосибирск: Наука, 1989. 190 с.
195. Народы Сибири. (Очерки). М.-Л.: АН СССР, 1956. 1084 с.
196. *Нарочицкая Е. А.* Интеграция и национализм: две стороны одной реальности // Актуальные проблемы Европы. Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. М., 1997. № 3. С. 143-173.
197. *Нассен А.* Чужой как ближний. Социологические исследования конструкции идентичности и различия // Социальные и гуманит. науки: РЖ. Серия 11. Социология. 1996. № 3. С. 104-111.
198. Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции. М.: Ин-т славяноведения и балканстики, 1994. 197 с.
199. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
200. Национальные отношения в СССР: опыт истории и современность. (Беседа за "круглым столом") // Вопр. истории КПСС. 1989. № 4. С. 39-61.
201. Национальные отношения и этнические конфликты. М., 1993. 112 с.
202. Национальные процессы в СССР в условиях перестройки: вопросы теории и практики. М., 1990. 155 с.
203. Национальный вопрос за рубежом: Правовые формы и практика регулирования межнациональных отношений. М.: АН СССР, Ин-т гос-ва и права, ИНИОН, 1989. 343 с.
204. Нация и национализм в свете исторической социологии (сводный реферат) // Социальные и гуманит. науки: РЖ. Серия 11. Социология. 1995. № 2. С. 45-58.
205. Нация. Личность. Литература. М.: Наследие, 1996. Вып. 1. 256 с.
206. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М.: Наука, 1994.
207. Нивхи Сахалина: Современное социально-экономическое развитие. Новосибирск: Наука, 1988. 223 с.
208. *Николаев М. Е.* Нужен ли России Север? Арктика: государство и люди. Якутск, 1993. 40 с.
209. *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л.: Изд-во Главсемморпути, 1939. 144 с.
210. *Новикова Н.* О правовом статусе малочисленных народов // Этно-политич. вестник. 1995. № 2. С. 266-268.

211. Новикова Н. И. О гражданских принципах национальной политики на Севере (20-90-е гг. ХХ века) // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 89-94.
212. Новицкий И. Б. Римское право. М.: ТЕИС, 1997. 245 с.
213. Нормурадов Б. Н. Характерные особенности и основные тенденции интернационализации общественной жизни (на примере республик Средней Азии). Ташкент: ФАН, 1979. 198 с.
214. О федеральной целевой программе "Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года": Постановление правительства Рос. Федерации 13 сент. 1996 г. № 1099 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 39. ст. 4566. С. 9327-9349.
215. Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации, 15 июня 1996 г. № 909 // Российская газета. 1996. 10 июля.
216. Обновление: межнациональные отношения и перестройка: Материалы научно-практической конференции. Л.: Лениздат, 1989. 189 с.
217. Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.). М.: Наука, 1970. 454 с.
218. Обычное право народов Сибири. М.: Старый сад, 1997. 396 с.
219. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки. (Конец XVIII – начало XX в.) Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 192 с.
220. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1959. 292 с.
221. Окладников А. П., Василевский Р. С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск: Наука, 1980. 160 с.
222. Олех Л. Г. Цивилизация и революция. Новосибирск: Наука, 1989. 191 с.
223. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз / Пер. с англ. Новосибирск: Экор, 1998. 432 с.
224. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. 344 с.
225. От Хельсинки до Будапешта: История ОБСЕ / ОБСЕ в документах 1973-1994. В 3-х т. Том 3. М.: Наука, 1997. 512 с.
226. Павлов А. В. Соотношение феноменологического и сущностного подходов в процессе исследования национальных отношений: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. С.-П., 1995. 16 с.
227. Пан В. В. Социалистическая интернационализация национальной жизни народов Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1976. 192 с.

228. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
229. Паутов В. Н. Развитой социализм: вопросы интернационализации. М.: Изд-во МГУ, 1981. 85 с.
230. Пахомов В., Логинов В. Хозяйственное освоение Тюменского Севера и проблемы коренных народностей // Вопр. экономики. 1994. № 5. С. 125-132.
231. Пика А. И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социол. исслед. 1996. № 11. С. 47-53.
232. Плюснин Ю. М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия: Препринт. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. 26 с.
233. Плюснин Ю. М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги. Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай: Препринт. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1995. 32 с.
234. Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальный интерес. М.: Прогресс – Культура, 1994. 128 с.
235. Попков Ю. В. Аборигены Канады: современное положение в основных сферах жизни: Препринт. Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. 26 с.
236. Попков Ю. В. Процесс интернационализации у народностей Севера: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990. 200 с.
237. Попкова Т. В. Интернационализация общественной жизни народностей Севера в процессе перехода к социализму: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1986. 16 с.
238. Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган // Сибирский этногр. сб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 137-154.
239. Поршинев Б. Ф. Мыслима ли история одной страны // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М.: Наука, 1969. С. 301-316.
240. Потестарность: генезис и эволюция. С.-П.: МАЭ РАН, 1997. 214 с.
241. Права и свободы народов в современных источниках международного права (сборник документов). Казань: Книжный дом, 1995. 231 с.
242. Права народов Севера. (Извлечения из Конституции РФ и федеральных законов) // Слово народов Севера. 1998. № 1. С. 6, 7.
243. Право народов на самоопределение: идеология и практика: матер. к семинару. Москва, 22-23 марта 1997 г. М.: Звенья, 1997. 48 с.
244. Правовой статус коренных народов приполярных государств: мировой опыт и положение в России (Материалы международной конференции) // Государство и право. 1997. № 8. С. 25-38; № 9. С. 36-49
245. Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: Сб. научн. трудов. М., 1990. 420 с.

246. Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1987. 254 с.
247. Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. всесоюзн. конф. Новосибирск, 1973. 223 с.
248. Программа возрождения и развития малочисленных народов России // Россия – 2010. 1994. № 3. С. 177-184.
249. Профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации: По данным переписи населения 1989 г. М., 1992. 628 с.
250. *Птомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
251. *Пугачев Б. М.* Интернационализация производства и социалистическая интеграция. Некоторые вопросы методологии. М.: Наука, 1975. 134 с.
252. *Разумовский О. С.* Бинарное отношение причины и следствия // Детерминизм и современная наука. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1987. С. 62-75.
253. *Разумовский О. С.* Концепция оптимологии. Новосибирск: ЦСА, 1998. 64 с.
254. *Рековская И. Ф.* Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Реферат // Формирование гражданского общества в современной России. (Социологические исследования 1994 – 1995 гг.): Сб. обзоров. М., 1996. С. 102-124.
255. *Рогачев П. М., Свердлин М. А.* Нация – народ – человечество. М.: Политиздат, 1967. 191 с.
256. *Розов Н. С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. 216 с.
257. Российская Федерация: нации и межнациональные отношения. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 1993. 149 с.
258. Российский Север: стратегия некризисного развития // Экология человека: взаимодействие культуры и образования в современных условиях. Новосибирск, 1998. Ч. 2. С. 271-318.
259. *Румянцев А. М.* Первобытный способ производства: Политико-экономические очерки. М.: Наука, 1987. 328 с.
260. *Саликов Р. А., Копылов И. Я., Юсупов Э. Ю.* Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1987. 351 с.
261. *Самар Ю. А.* Коренные народы Дальнего Востока как экосоциокультурная общность (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб, 1996. 30 с.

262. *Сатыбалов А. А.* Диалектико-материалистическое понимание исторических типов национальных общностей: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1972. 30 с.
263. *Сатыбалов А. А.* Методологические вопросы изучения исторических (этнических) типов общинности людей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 80 с.
264. *Свешников Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // Вопр. истории Сибири. Л., 1961. С. 67-100.
265. Север Российской Федерации: Сб. законодательных актов. М.: Весь мир, 1996. 310 с.
266. *Семенов В. С.* Интернационализм и общественный прогресс: Опыт ист.-социол. исслед. М.: Мысль, 1978. 428 с.
267. *Семенов Ю. И.* Всемирная история в самом сжатом изложении // Восток. 1997. № 2. С. 5-34.
268. *Семенов Ю. И.* Категория "социальный организм" и ее значение для исторической науки // Вопр. истории. 1966. № 8. С. 88-106.
269. *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 54-59.
270. *Семенов Ю. И.* На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989. 319 с.
271. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 7-86.
272. *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974. 309 с.
273. *Семенов Ю. И.* Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации: Проблемы теории. М., 1978. С. 55-89.
274. *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 569 с.
275. Сибирь. Древние этносы и их культуры. С.-П., 1996. 197 с.
276. *Сибоут Я.* Мир без границ. М.: Наука, 1997. 189 с.
277. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция М.: Наука, 1976. 311 с.
278. *Сирина А. А.* Возвращаяaborигенам землю. (Северная территория Австралии) // Этногр. обозр. 1998. № 3. С. 107-119.
279. *Скачко А.* Десять лет работы Комитета Севера // Сов. Север. 1934. № 2. С. 9-21.
280. *Скачко А.* Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства. Л.: Изд-во института народов Севера, 1934. 75 с.
281. *Скачко А.* Национальный вопрос и реконструкция хозяйства народов Севера // Сов. Север. 1932. № 3. С. 28-40.

282. Скачко А. Очередные задачи советской работы среди малых народностей Севера. М., 1931.
283. Скачко А. Теория и практика в работе среди народов Севера // Сов. Север. 1934. № 6. С. 5-15.
284. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 184 с.
285. Современные социологические теории общества. М.: ИНИОН РАН, 1996. 186 с.
286. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 463-489.
287. Социальные проблемы труда у народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1986. 214 с.
288. Социология и реальность // Социол. исслед. 1996. № 11. С. 18-30.
289. Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1999. 360 с.
290. Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). М.: Юридич. лит., 1994. 487 с.
291. Таболина Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке: Критический обзор основных этносоциологических концепций. М.: Наука, 1985. 152 с.
292. Тадевосян Э. В. Этнонация: миф или реальность? // Социол. исслед. 1998. № 6. С. 61-68.
293. Тайлор А. Р. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
294. Таксами Ч. М. Народы Сибири в XX веке: соц.-эконом. и культурное развитие // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. С.-П.: Наука, 1995. С. 3-23.
295. Таксами Ч. М. От таежных троп до Невы. Л.: Лениздат, 1976. 159 с.
296. Таксами Ч. М. Переустройство культуры и быта народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1964. 11 с.
297. Теоретические проблемы перехода к социализму стран с неразвитой экономикой. М.: Наука, 1983. 176 с.
298. Терлецкий Г. Е. К вопросу о пармах в Ненецком округе // Сов. Север. 1934. № 5. С. 35-44.
299. Тихун С. В. О содержании понятия "интернационализация общественной жизни" // Науч. коммунизм. 1983. № 3. С. 3-11.
300. Тишков В. А. Забыть о нации. (Пост-националистическое понимание национализма) // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 3-26.
301. Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Сов. этнogr. 1989. № 5. С. 3-14.

302. *Тишкиов В. А.* Очерки теории и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. 532 с.
303. *Тодаро М. П.* Экономическое развитие / Пер. с англ. М.: Эк. ф-т МГУ, ЮНИТИ, 1997. 671 с.
304. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
305. *Тоффлер А.* Футурошок. С.-П.: Лань, 1997. 464 с.
306. Традиции в современном обществе: Исследование этнокультурных процессов М.: Наука, 1990. 346 с.
307. Традиционная культура Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. 286 с.
308. Традиционные промыслы жителей Аляски и возможное влияние на них поисково-разведочных и эксплуатационных работ на нефть и газ на шельфе Чукотского моря. Магадан, 1996. 50 с.
309. *Троицкий Е.* На пути к целостной концепции межнациональных отношений // Роль средств массовой информации в совершенствовании межнациональных отношений . М., 1989. Ч. 1. С. 78-89.
310. *Туен Т.* Культурная и этническая непрерывность коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы // Сов. этнография. 1990, № 5. С. 56-64.
311. *Тюрго А.* Избранные философские произведения. М.: Соцэкиз, 1937. 189 с.
312. *Увачан В. Н.* Годы, равные векам. М.: Мысль, 1984. 357 с.
313. *Увачан В. Н.* Путь народов Севера к социализму. М.: Мысль, 1971. 391 с.
314. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. С.-П.: Тип. гвардейского штаба, 1818. Ч. 1-2. 238 с.
315. *Фофанов В. П.* Всемирная история как рефлексия цивилизаций // Гуманит. науки в Сибири. 1999. № 1. С. 44-47.
316. *Фофанов В. П.* Категория "отдельное" и статус гуманитарных наук // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск: Наука, 1986. С. 318-332.
317. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск: Наука, 1986. 109 с.
318. *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
319. *Фрейдзон В. И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна: Феникс, 1999. 95 с.
320. *Хазанов А. М.* Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 140-204.

321. *Хазанов А. М.* Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 88-139.
322. *Хайруллина Н. Г.* Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа // Социол. исслед. 1994. № 7. С. 150-152.
323. *Халлик К.* Некоторые вопросы интернационализации национальной жизни // Нация и культура. Таллин, 1985. С. 64-78.
324. *Херцфельд М.* Антропология: практическое применение теории // Междунар. журнал социальных наук. 1998. № 20. С. 7-28.
325. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. С.-П.: Алетейя, 1998. 307 с.
326. *Ходаков А. Г.* О некоторых международно-правовых проблемах // Московский журнал международного права. 1997. № 2. С. 21-27.
327. Хозяйство, культура и быт эвенков Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 150 с.
328. *Холмогоров А. И.* Интернациональные черты советских наций. (На материалах конкретно-социологических исследований в Прибалтике). М.: Мысль, 1970. 222 с.
329. *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 189 с.
330. *Цамерян И. П.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963. 56 с.
331. *Цыбульский В.* Народы между цивилизаций // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3. С. 154-184.
332. *Чайлд Г.* Прогресс и археология / Пер. с англ. М.: Иностр. лит-ра, 1949. 195 с.
333. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985. 272 с.
334. *Чеканцева З. А.* Порядок и хаос. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. 240 с.
335. *Черкасов А. И.* Нуунавут // США: экономика, политика, идеология. М., 1993. № 2. С. 84-88.
336. *Черненко А. К.* Концептуальные основы правовой технологии // Гуманит. науки в Сибири. 1997. № 1. С. 66-71.
337. *Черненко А. К.* Причинность в истории. М.: Мысль, 1983. 204 с.
338. *Черненко А. К.* Проблемы метода конструирования права как регулятора устойчивости и рациональности социальных институтов // Гуманит. науки в Сибири. 1996. № 1. С. 56-61.
339. *Черненко А. К.* Современные проблемы модернизации права в России // Гуманит. науки в Сибири. 1995. № 2. С. 41-45.

340. Черненко А. К. Философия права. Новосибирск: Наука, 1998. 153 с.
341. Чернышевский Н. Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Избранные философские сочинения: В 3-х т. М., 1950. Т. 2. С. 488, 489.
342. Чешко С. Философия и мистика национального вопроса // Обществ. науки. 1990. № 3. С. 103-114.
343. Чешко С. В. Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы изучения // Совет. этнография. 1988. № 4. С. 62-72.
344. Чилингаров А. Н., Кокорев Е. М. Размышления о российском Севере. М.: Янус-К, 1997. 480 с.
345. Чусовитин А. Г. Диалектика взаимодействия и отражения. Новосибирск, 1985.
346. Чусовитин А. Г. Российская цивилизация: Учеб. пособие. Новосибирск: НГАС, 1997. 92 с.
347. Шахназаров Г. Интернационализация – истоки, содержание, ступени развития // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 1986. № 5. С. 21-33.
348. Шевченко В. Н. Социально-философский анализ развития общества. М.: Высш. шк., 1984. 128 с.
349. Ширматова Г. Духовное формирование личности в условиях взаимодействия национальных культур: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ташкент, 1988. 40 с.
350. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989. 444 с.
351. Штилюк В. А. Интернационализация социалистического образа жизни. Львов: Вища школа, 1979. 219 с.
352. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края: В 3-х т. Т. 2. С.-П., 1899. 314 с.
353. Штернберг Л. Я. Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
354. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 5-338.
355. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 343-626.
356. Энгельс Ф. Конспект первого тома "Капитала" К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 249-298.
357. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 23-178.
358. Эргис Г. Народы Севера и Арктическая цивилизация // Турух (мониторинг). 1994. № 3. С. 17-26.

359. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. 269 с.
360. Этническая экология: Теория и практика. М.: Наука, 1991. 374 с.
361. Этнические и этносоциальные категории. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. М. Н. Миклухо-Маклая, 1995. 163 с.
362. Этническое развитие народностей Севера в советский период. М.: Наука, 1987. 220 с.
363. Этничность. Национальные отношения. Социальная практика: Сб. статей. С.-П.: Петрополис, 1995. 336 с.
364. Этногенез народов Северной Азии: Мат. конф. Новосибирск, 1969. Вып. 1. 247 с.
365. Этно-культурная динамика в центре и на периферии этнического ареала. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. М. Н. Миклухо-Маклая, 1986. 188 с.
366. Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М.: Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1979. 184 с.
367. Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. 328 с.
368. Этносоциальные и правовые процессы в Эвенкии: Препринт. Новосибирск: ИФИПр СО РАН, 1994. 56 с.
369. Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. Вып. 1. 232 с.; Новосибирск: ИФИПр СО РАН, 1998. Вып. 2. 309 с.; Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Вып. 3. 367 с.
370. Языки, культура и будущее народов Арктики: Мат. междунар. конф. Якутск, 17-21 июня 1993 г. Якутск, 1994. 132 с.
371. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983. 160 p.
372. *Armstrong T.* Soviet Northern Development, with some Alaskan parallels and contrasts. Fairbanks, 1970.
373. *Berberoglu B.* The internationalization of capital and its impact on labor on a world scale // Intern. rev. of mod. sociology. Dekald, 1990. Vol. 20. N 2. P. 179-192.
374. *Bragyova A.* Are there any minority rights?: Egnality and minority // Arch fur Rechts-u. Sozialphilosophie. Wiesbaden 1994. Bd.80. № 4. P. 489-507.
375. *Brown L.* World without Borders. New York: Randon House, 1972.
376. *Cohen A.* Introduction: The Lesson of Ethnicity // Urban Ethnicity. London, 1990. P. IX-XXII.
377. *Derr, C. B.; Oddou, G.* Internationalizing managers: Speeding up the process // Europ. management j. Oxford, 1993. Vol. 11. № 4. P. 435-442.
378. *Eisenstadt S. N.* Modernization: Protest and Change. Engiewood Cliffs, 1966.

379. *Esehbach K.* Changing identification among American Indians and Alaska natives // *Demography*. Wash., 1993. Vol. 30. № 4. P. 635-652.
380. *Forster N.; Whipp, R.* Future of European human resource management: A contingent approach // *Europ. Management j.* Oxford, 1995. Vol. 13, N 4. P. 434-441.
381. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983. 150 p.
382. *George St. George.* Siberia. The New Frontier. N.-J., 1969.
383. *Hassner P.* Beyond nationalism and internationalism // *Survival*. L., 1993. Vol. 35. № 2. P. 49-65.
384. *Heisler M.* Ethnicity and Ethnic Relations in the Modern West // Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Massachusetts / Toronto: Lexington Books, 1990. P. 21-52.
385. *Highlights of Aboriginal Conditions 1981-2001. Part III: Economic Conditions*. Ottawa, 1990. 86 p.
386. *Hopf T.* Managing Soviet disintegration: A demand for behavioral regimes // *Intern. Security*. Cambridge (Mass), 1992. Vol. 17. N 1. P. 44-75.
387. *Kebede M.* Development, ethics and the ethics of nationalist // Arch. fun Rechts-u. Sozialphilosophie. Wiesbaden, 1992. Bd. 78. № 2. P. 194-210.
388. *Lind M.* In defense of liberal nationalism // *Foreign affairs*. N. Y., 1994. Vol. 73. № 3. P. 87-99.
389. *Nash M.* The cauldron of ethnicity in the modern world. Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1989. VIII. 142 p.
390. *Nickel J. W.* What's Wrong with ethnic cleansing? // *J. of social philosophy*. Villanova, 1995. Vol. 26. N 1. P. 5-15.
391. Nordic Arctic Research on Contemporary Arctic Problems. Proceedings from Nordic Arctic Research Forum Symposium 1992. Copenhagen, 1992. 277 p.
392. NWT Labor Force Survey. Profile of Persons Not Employed & Alternative Definitions of Unemployment. Yellowknife: Bureau of Statistics Government of Northwest Territories, Winter, 1989. 82 p.
393. Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1998. 406 p.
394. *Reiterer A. F.* Die unvermeidbare Nation: Ethnizität, Nationalität u. nachnationaler Ges. Frankfurt a. M.; New York: Campus, 1988. 346 p.
395. *Rosow S. J.* The forms of internationalization: representation of Western culture on a global scale // *Alternatives*. Delhi; N. Y., 1990. Vol. 15, № 3. P. 287-301.
396. *Sassen S.* The mobility of labor and capital: A study in intern. investment a. labor flow. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1988. XI. 224 p.

397. *Sharma C. I.* Minorities and national integration // Y. of East a West studies. Seoul, 1993. V. 22. № 2. P. 23-43.
398. *Shaw P., Wong Y.* Nationalism and patriotism in the evolution of human warfare // Canadian rev. of studies in nationalism. Charlottetown, 1992. Vol. 19. № 1/2. P. 139-149.
399. *Smith A. D.* Chosen peoples: why ethnic groups survive // Ethnic a. Racial studies. L., 1992. Vol. 15. № 3. P. 436-456.
400. *Stavenhagen R.* Ethnic conflicts and their impact on international society // Intern. social science j.: ISSJ. Paris; N. Y., 1991. Vol. 43, № 127. P. 117-131.
401. *Stoicin G.* Canada et Quebec multiculturalesme et unite federale // Hommes et mifrations. P., 1994. № 1174. P. 14-17.
402. Technical change and world economy: Convergence a. Divergence in technology strategies / Aldershot; Brookfield: Elgar, 1995. XV. 237 p.
403. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. 320 p.
404. *Thomson D. J.* Comparative policy towards cultural isolationists in Canada and Norway // Intern. polit. science rev. Rev. intern. de science polit.: IPSR/RISP. Gnildford, 1992. Vol. 13. № 4. P. 433-449.
405. *Toffler A.* The third wave. Toronto et al., 1981.
406. *Wallerstein I.* The Modern World-System I. New York: Academic Press, 1974; The Modern World-System II. New York: Academic Press, 1980; The Modern World-System III. San Diego: Academic Press, 1989.
407. *Waters, M.* Globalization. L.; N. Y.: Routledge, 1995. XIV. 185 p.
408. Ways of Political Development of Indigeneous Peoples of the North. The papers of second Scientific Colloquium "Russia – Quebec". Novosibirsk, 1991. 385 p.
409. *Widmann P.* Die nationale Leidenschaft: Benidict Anderson u. Eric Hobsbawm über die Nation. 33 // Leviathan. Wiesbaden, 1994. Jg. 22, H. 2. S. 171-178.
410. *Wilke, J.* Internationalisierung der Massenmedien: Auswirkungen auf die internationale Politik // Intern. Politik. Bonn, 1996. J. 51, № 11. S. 3-10.
411. *Zurn, M.* Jenseits der Staatlichkeit: Uder die Folgen der ungleichzeitigen Denationalisierung // Leviathan. Opladen, 1992. Jg. 20, H. 4. S. 490-513.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ	7
1. Интернационализация как социальная и теоретико-методологическая проблема	7
2. Национальная общность как субъект процесса интернационализации.....	22
3. Интернационализация в системе взаимодействия национальных общностей	41
Глава 2. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.....	58
1. Интернационализация как фактор процессуальности всемирной истории	58
2. Соотношение локальной и всемирной форм интернационализации.....	72
Глава 3. СТАДИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ (на примере народов Севера).....	92
1. Процесс интернационализации в условиях традиционного общества	92
2. Процесс интернационализации в условиях современного общества	112
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРА....	135
1. Народы Севера в системе международно-правовых отношений	135
2. Народы Севера как субъект и объект национально-государственной политики	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	174
ЛИТЕРАТУРА	178